

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

Юридический факультет

БАКАЛАВРУ.NET

Альманах научно-исследовательского клуба
по актуальным проблемам права «Бакалавру.net»

2022

ТВЕРЬ 2022

УДК 340 (082)
ББК Х400.32
Б19

Б19 Бакалавру.net: ежегодный альманах научно-исследовательского клуба по актуальным проблемам права «Бакалавру.net», 2022 г. / Под ред. В.И. Крусса; ред. коллегия: Борисов Г.Д., Воронин А.В., Улупов К.О., Феоктистов П.А. – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2022. – 100 с.

ISBN 978-5-7609-1736-2

В очередном выпуске ежегодного альманаха студенческого научно-исследовательского клуба «Бакалавру.net» представлены статьи студентов бакалавриата юридического факультета Тверского государственного университета, а также магистрантов, обучающихся и заканчивающих обучение по программам подготовки «Теория и практика конституционного правопользования», «Правовые основы семьи и брака» и «Судебная защита прав и законных интересов». Особенностью сборника являются статьи, совместно подготовленные студентами двух образовательных уровней в формате творческих коллабораций. Тезисы публикаций были апробированы авторами на состоявшейся 24 апреля 2022 года в рамках II Международного студенческого форума студенческой конференции «Юридически значимые интересы: конституционный контекст (от виртуального пространства до новой социальной реальности)».

Издание предназначено для широкого круга читателей, в том числе студенческого и преподавательского состава, практических работников и всех интересующихся обозначенной проблематикой.

Статьи представлены в авторской редакции. Авторы сборника несут персональную ответственность за достоверность и оригинальность заявленных к публикации материалов.

УДК 340 (082)
ББК Х400.32

ISBN 978-5-7609-1736-2

Подписано в печать 08.06.2022. Формат 60x84 ¹/₁₆*.
Усл. печ. л. 5,93. Тираж 300. Заказ № 130.
Издательство Тверского государственного университета.
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел.: (4822) 35-60-63.

© Авторы статей, 2022
© Тверской государственной
университет, 2022

Слово научного руководителя

Как и в предшествующие годы публикации альманаха обсуждались и готовились его авторами по общей исследовательской тематике. На сей раз таковую определили юридически значимые интересы, причем изначально онтологически соотнесенные с идентифицирующим признаком (и требованием) их конституционности. Полагаем, есть основания утверждать, что названный признак и заявленный (теоретико-конституционный) подход не только сравнительно редко учитываются и фигурируют в трудах отечественных и зарубежных ученых-юристов, но и – не без «гордости» заметим – свидетельствуют о принципиальной сосредоточенности членов научно-исследовательского клуба «Бакалавру.net» исключительно на достоверно актуальных проблемах теории и методологии юридической науки и практики. Во всяком случае, начавшаяся весной 2022 года глобальная трансформация мирового порядка, с очевидностью показала, насколько многообразно проявляют себя интересы в суверенном (национально-правовом) и международно-правом измерениях, как весомо и зачастую противоположным образом влияют они на целеполагание и эффективность правового воздействия.

В отраслевом (позитивистском) понимании категория интереса нередко исчерпывается спекулятивным уровнем права в субъективном смысле. При этом как объективные юридические интересы, так и важнейшие аспекты формальной законности и правомерности интересов субъективных, в том числе, в контексте притязаний их правосудной защиты, остаются не учтенными. Участники альманаха, разумеется, не могли восполнить сколько-либо значительную часть таких пробелов, однако, даже если судить по названиям опубликованных статей, затронули широкий спектр соответствующих вопросов, а некоторые рискнули предложить и свои ответы на них. Уровень научности и самостоятельности таких размышлений и высказываний, признаемся, не одинаков и значительно различается, в том числе, в зависимости от «образовательного стажа» авторов. Редакционная коллегия лишь отчасти купировала недостатки некоторых работ. В этой связи остается надеяться, что заканчивающие обучение в Тверском государственном университете магистранты не потеряют связь с альма-матер, а остающиеся студенты и будущие члены творческого коллектива клуба «Бакалавру.net» не позволят альманаху критично потерять в своем уровне. Тем более что неизбежная, набирающая скорость модернизация российской правовой системы неизбежно потребует от науки права инновационных идей, невозможных без примеси молодой самоуверенности.

*Заведующий кафедрой теории права
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс*

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Статьи участников клуба

Бармина С.Д. Юридические интересы в сфере публичного управления	5
Борисов Г.Д., Воронин А.В. Прологомены к вопросу об аунтефикации субъекта конституционного правопонимания	9
Борисов Г.Д., Сергеева К.К., Мещерякова П.А. Деятельность СМИ: конституционные пределы свободы творчества и критерии законных интересов. Общая экспозиция вопроса.	13
Борисов Г.Д., Улупов К.О. Аксиологическая дескрипция актов конституционного суда	17
Борисов Г.Д. К критике концепта юридически значимых интересов с позиции духовно-нравственных оснований отечественного конституционализма.....	21
Воронин А.В., Клейменова М.В. Первоначальное правовое воспитание как конституционно значимый интерес (в контексте реализации права на получение квалифицированной юридической помощи).....	26
Воронин А.В., Филлипов Е.А. Конституционно значимый имущественный интерес как предпосылка создания механизма возмещения убытков, причинённых деятельностью СМИ.....	30
Дедоров Н.Д., Олиниченко А.С. Отказ от оказания медицинской помощи: конституционные пределы и значение.....	33
Дедоров Н.Д., Сорокина А.А. Реализация и защита конституционных частных и публичных интересов граждан Российской Федерации в контексте изменений в ФЗ «О полиции».....	38
Змеу М.В., Соловьёва М.Ю. Юридически значимые интересы в сфере информационной безопасности Российской Федерации	42
Красавина В.И. Актуальные проблемы и перспективы развития анонимности в сети «Интернет»...46	
Кувшинова Е.А., Лысова Д.Н. Реализация прав несовершеннолетних на бесплатную юридическую помощь в дистанционном формате в целях обеспечения защиты от семейно-бытового насилия.....	50
Самсонова А.М., Виноградов М.С. Способы гарантии государством юридических интересов граждан.....	53
Соколовский А.Д., Андреева Д.А. Перспектива внедрения искусственного интеллекта в механизм правосудия российской федерации: в чьих интересах?.....	56
Сундатова О.В., Феоктистов П.А. Доступность правосудия как ресурс защиты законных интересов граждан.....	59
Феоктистова А.В., Евсеев А.Л. Эгоистические интересы, правовой нигилизм и морально-нравственное разложение общества в России.....	62
Феоктистова А.В., Озерных В.В. Юридически значимые интересы субъектов творческой деятельности и интернет-ресурсы их защиты.....	65
Фецик Я.В., Зубарев А.Ю., Новик И.И. Долг и обязанность защиты отечества призывниками в контексте конституционного принципа равенства граждан и национальных интересов России.....	68
Шлепкина К.В. Защита законных интересов граждан: долг личности или обязанность государственных служащих?.....	73

Часть 2. Статьи магистрантов и выпускников

Воронин А.В. Конституционно значимые интересы в публично-частном партнёрстве в сфере юридических услуг.	76
Ефремов Д.Д., Удалова А.В. Реализация корпоративной экономической политики в коммерческих организациях в контексте гармонизации частных и публичных интересов: уголовно-правовой аспект.....	80
Николаева Н.С. Конституционализация механизма юридической ответственности за налоговые правонарушения в Российской Федерации.	85
Самсонова А.М. Исполнительский иммунитет в отношении единственного жилого помещения.....	87
Улупов К.О. Инновация «юридических тендеров»: в чьих интересах?.....	92
Феоктистов П.А. Юридически значимые интересы в контексте обеспечения конституционного права на жильё.	96
Феоктистов П.А. К вопросу о рисках дискриминации застройщиков мкд в контексте актуального моратория на банкротство	99

ЧАСТЬ 1. СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ КЛУБА

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

С.Д. Бармина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются юридические интересы публичных органов власти, анализируется деятельность юридических служб данных структур и нормативно-правовые акты, регулирующие интересующую сферу.

Ключевые слова: *юридическая деятельность, публичные интересы, законодательство, гражданин, государство.*

В правовой сфере государственного и муниципального управления особая роль принадлежит юридической службе публичных органов власти. Юридический отдел призван укреплять законность в деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, используя различные правовые средства, негативные и позитивные санкции, предоставлять разъяснения, юридические услуги и консультации.

Управленческое решение в сфере публичного управления часто оформляется нормативным правовым актом, актом применения или иной формы реализации права и, как правило, непосредственно передается его адресатам, которые являются исполнителями. Адресаты публичного управления имеют свои собственные интересы, в том числе на ресурсное обеспечение своей деятельности, социальные гарантии и т. д. [7, с. 48].

Нормативная регламентация задач юридической службы на общегосударственном уровне ведет начало от постановления Совета министров СССР от 22.06.1972 № 467 «Об утверждении общего положения о юридическом отделе, главном (старшем) юрисконсульте, юрисконсульте министерства, ведомства, исполнительного комитета совета депутатов трудящихся, предприятия, организации, учреждения». Соответствующим Положением детально регламентировались задачи юридического отдела, в числе которых укрепление социалистической законности, борьба с бесхозяйственностью, улучшение экономических показателей работы предприятия, организации, учреждения, обеспечение правовыми средствами охраны социалистической собственности, повышения качества выпускаемой продукции, защита прав и законных интересов предприятий и учреждений, пропаганда советского законодательства.

В законодательстве Российской Федерации отсутствует легальное понятие «публичный интерес». Вместе с тем в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части Гражданского кодекса Российской Федерации» по поводу содержания публичного интереса касательно сделок указано, что применительно к статьям 166 и 168 ГК РФ [3] под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды [5].

Верховный Суд Российской Федерации (далее также – Верховный Суд РФ) разъяснил, что под неопределенным кругом лиц понимается такой круг лиц, который невозможно индивидуализировать (определить), привлечь в процессе в качестве истцов, указать в решении, а также решить вопрос о правах и обязанностях каждого из них при разрешении дела.

Прокуратура Ханты-Мансийского автономного округа – Югры дает разъяснение понятию, а именно «публичный интерес» – это часть системы действующего права, нормы которого направлены на защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц, публично-правовых, муниципальных образований, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, связаны с полномочиями и организационно-властной деятельностью государства, с выполнением общественных целей и задач.

Кроме того, к нарушению публичного интереса Пленум ВС РФ от 23.06.2015 № 25 также отнес и совершение сделки вопреки явно выраженному запрету, установленному законом (п. 76) [5].

Положением п. 9 ч. 1 ст. 31 ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» установлено требование к участникам закупки об отсутствии между участником закупки и государственным или муниципальным заказчиком либо бюджетным учреждением, осуществляющим закупки, конфликта интересов [4].

Результаты анализа практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с конфликтом интересов между участником закупки и заказчиком, обобщены в Обзоре судебной практики Президиума Верховного Суда РФ от 28.09.2016. Верховный Суд РФ указал, что государственный (муниципальный) контракт, заключенный победителем торгов и заказчиком при наличии между ними конфликта интересов, является ничтожным в силу п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Задачей участия прокурора в арбитражном процессе является защита прав и охраняемых законом интересов неопределенного круга лиц (граждан), общества и государства, что в совокупности и составляет «публичный интерес». Следовательно участие прокурора в арбитражном процессе осуществляется в защиту исключительно публичных интересов.

Формами участия прокуроров в арбитражном процессе являются обращение прокурора в арбитражный суд с иском (заявлением) и вступление в дело в предусмотренных законом случаях в целях обеспечения законности.

В условиях состоявшегося объединения высших судебных инстанций реализация возложенных на прокуратуру задач по защите публичных интересов усложняется отсутствием единых подходов судебной практики.

Правовая основа участия прокуроров в арбитражном процессе содержится в ГК РФ, АПК РФ; Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 25.05.2012 № 223 «Об обеспечении участия прокуроров в арбитражном процессе», информационных письмах Генеральной прокуратуры Российской Федерации, также в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокуроров в арбитражном процессе».

Защита прокурором в арбитражном процессе публичных интересов может осуществляться только в тех процессуальных формах, которые предусмотрены АПК РФ. В п. 3 ст. 35 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» указаны субъекты (общество и государство), в защиту которых прокурор вправе обратиться в арбитражный суд.

С учетом требований п. 4 ст. 27 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» основанием для обращения прокурора в арбитражный суд в защиту публичных интересов является наличие у него достаточных данных, свидетельствующих о нарушениях закона, которые имеют особое общественное значение [2]. Именно выявленные нарушения закона в ходе осуществления прокурорского надзора составляют предмет и основания иска в защиту публичных интересов.

Обращение прокурора с исковым заявлением в арбитражный суд реализуется как средство прокурорского реагирования при следующих основаниях:

- устранить иным внесудебным способом нарушение закона не представляется возможным;

- юридические лица и индивидуальные предприниматели, причинившие ущерб государственным и общественным интересам, отказываются от полного и добровольного его возмещения;

- пресечение правонарушения и предотвращение большого экономического ущерба государственным и общественным интересам требуют принятия арбитражным судом по заявлению прокурора мер по обеспечению иска;

- если иные меры реагирования прокурора не привели к своевременному надлежащему устранению нарушений законов;

- обращение прокурора будет наиболее эффективным с точки зрения оперативности.

Процессуальные основания обращения прокурора в арбитражный суд отражены в ч. 1 ст. 52 – категории исков и заявлений в арбитражный суд, ч. 2 ст. 192 – заявление в суд по интеллектуальным правам о признании нормативного правового акта недействительным, ч. 2 ст. 198 АПК РФ – заявление прокурора о признании незаконными решений, действия, бездействия, а также ненормативных правовых актов органов и должностных лиц наделенных публичными полномочиями, ст. 207 АПК РФ заявление об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность.

Законодательный (представительный) орган власти занимает основное место в механизме страны. Законодательная власть включает в себя общеобязательные запросы и требования, которые исполнительная власть обязана выполнять и которые становятся законодательной основой для работы судебной власти. В любой стране, где власть делится на ветви, происходит разграничение полномочий между этими отраслями, которые несут разную роль. Каждая из этих отраслей важна в политике и жизни государства. От того, насколько правильно и целесообразно будет принят и утвержден тот или иной законопроект, зависит, насколько эффективной будет политика государства. Являясь законодательными органами, представительные органы власти выражают мнение многонационального народа страны. Они принимают решения, воплощаемые в актах и законах. Принимают меры к выполнению собственных решений и проводят контроль за их реализацией [6, с. 709].

В нашей стране представительным органом власти является Федеральное Собрание РФ. Оно включает в себя Совет Федерации и Государственную Думу. Оба органа власти занимаются соответствующими их полномочиям интересами. Согласно статье 103.1 Конституции РФ. Государственная Дума имеет право осуществлять парламентский контроль, в том числе направлять парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию этих органов и должностных лиц [1].

Представительные органы власти контролируют осуществление своих прямых обязанностей на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Их главная цель реализация и защита юридических интересов общества.

Можно выделить особенности законодательных органов власти:

1. Представительный орган имеет конкретную зону ответственности, то есть совокупность юридически оформленных прав и обязательств определенного муниципального органа, определяющих его положение в системе муниципальных органов;

2. Этот орган состоит из служащих, которые ведут свою деятельность на основании российского законодательства;

3. Представительные органы власти имеют собственный бюджет. Юридически значимые интересы представительных органов власти выражаются в реализации основных принципов: принцип демократизма (народовластия), принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, принцип гласности, профессионализма и т.д.

Юридическая служба органов исполнительной власти осуществляет следующие полномочия:

- проводит правовую экспертизу проектов приказов, инструкций, постановлений, распоряжений и других нормативных правовых актов федерального органа исполнительной власти;

- подготавливает самостоятельно или совместно с другими структурными подразделениями предложения об изменении или отмене приказов и других нормативных правовых актов федерального органа исполнительной власти;

- представляет в установленном порядке интересы федерального органа исполнительной власти в судах и других органах;

- редактирует проекты нормативных правовых актов;

- принимает участие в разработке предложений по совершенствованию государственного управления в сфере деятельности федерального органа исполнительной власти.

Обеспечение правотворческой работы любого органа публичной власти является одной из его доминирующих функций, что обусловлено спецификой принимаемых органом публичной власти решений. Решения органа публичной власти принимаются в форме правовых актов. При этом особая роль юридической службы органа публичной власти основывается на том, что именно к задачам юридической службы относится обеспечение законности всех принимаемых органов власти решений.

Одновременно с этим конкретный перечень задач юридического подразделения органа публичной власти определяется утверждаемым руководителем соответствующего органа положением о юридической службе. При этом задачи юридической службы производны от статуса, задач и функций того органа публичной власти, для обеспечения деятельности которого создается конкретное правовое подразделение [9].

До настоящего времени специализированного органа по управлению государственной гражданской службой не создано и функции выполняются либо непосредственно тем органом, в котором проходят государственную гражданскую службу конкретные служащие, либо иные органы, выполняющие отдельные функции органа по управлению государственной гражданской службой.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // СПС «Консультант Плюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
6. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. Учебное пособие. М.: Юристъ, 2019. 768 с.
7. Осетров С.А. Конституционные основы организации юридической службы в органах публичной власти. Самара: Издательство Самарского университета, 2018. 92 с.
8. Васильев П. В. О своевременности введения или изменения юридических критериев в сфере публичного управления // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-svoevremennosti-vvedeniya-ili-izmeneniya-yuridicheskikh-kriteriev-v-sfere-publichnogo-upravleniya> (дата обращения: 01.03.2022).

Об авторе:

БАРМИНА Светлана Дмитриевна – студентка 2 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: sdbarmina@edu.tversu.ru

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ВОПРОСУ ОБ АУНТЕФИКАЦИИ СУБЪЕКТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

Г.Д. Борисов, А.В. Воронин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблема аутентификации субъекта конституционного понимания права. Авторами приводятся доводы в поддержку дифференциации концепции «Я» и концепции «Мы». Утверждается необходимость преодоления феноменологического противоречия за счёт средств конституционной методологии, в основании которой с позиций актуальной правовой действительности лежат правовой опыт и правовая практика Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: феноменология, методология, конституционное правопонимание, конституционализация.

Как известно, содержание основного феноменологического метода – эпохе или редукции состоит в последовательном переходе от «естественной установки» мира (горизонта) с его полисмысловой структурой динамически развёртывающейся данности к эйдетической установке, подразумевающей отказ от смыслообразующих «понятийных» напластований (если угодно, в более привычной терминологии Аристотеля – акциденций) предметности. Такие «понятийные наросты» предстают как предпосылки определенного знания о вещи, отказ от которых является необходимым условием удовлетворения известному требованию о соответствии знания о вещи с действительностью, т.е. самой вещью [8, с. 12], которая в соответствующем методологическом концепте предстает как эйдос, т.е. конституирующий фактичность (уже – вещьность) до всякой предикации ее сущностный центр [4, с. 33-36]. Юридическая наука, стремящаяся к постоянному утверждению чистоты и подлинной онтологической достоверности права, склонна к самонаполнению за счёт использования различного рода философско-правовых и историко-правовых посылок. Вместе с тем до настоящего момента в юридической науке отсутствует основанный на эмпирических данных консенсус по вопросу об аутентификации субъекта конституционного правопонимания и субъекта конституционализации. Нестандартность подхода, о которой пойдёт речь, в сущности, состоит в том, что феноменология в данном ключе стремится нивелировать то, что принято именовать субъектом, устремляясь к его опустошению. В этой связи представляется актуальным произвести попытку объяснить сущность данной проблемы и описать тот путь, по которому представляется возможным следовать для её устранения.

Осуществляя дескрипцию означенной выше операции, К.А. Свасьян, один из авторитетнейших отечественных феноменологов XX столетия, в качестве иллюстративного объекта, в отношении которого предстоит применение феноменологической редукции, обращается к наследию непосредственного предшественника и вдохновителя Э. Гуссерля – И. Канта [7, с. 118-119], основной труд которого «Критика чистого разума», также содержащий требование и попытку построения системы беспредпосылочного знания как синтетически априорного [5, с. 47], в этом отношении не является беспорочным, что и усматривается известным отечественным гносеологом в текстуальном маркере «мы» в различных его конфигурациях, использованных кенигсбергским затворником. Действительно, «то тут, то там» в тексте «Критики чистого разума» можно наблюдать, как И. Кант ссылается на авторитет некоего собирательного «мы» как эмпирического референта своей гносеологической позиции. Так, уже введение означенного труда начинается со слов «наше познание», что и вызвало вопрос автора: «когда Кант «доказывает» затем, что может и чего не может опыт, позволительно задать один вопрос, чей собственно опыт имеется в виду? Если «наш», то что за это «мы»?».

Сказанное вполне применимо к личной морали и нравственности или, иначе – к психологически, ментально воспринимаемой совести в связи с попыткой придания ей всеобщности в смысле «нашей» и фундирования в ней права.

Конституционное правопонимание в своём содержании актуализирует требование о поиске оснований права, которые обретает в субъекте как в нравственном образовании. При

этом оно в прямом смысле удовлетворяется психологическим фундированием права, которое выражается в детерминации права эмпирически воспринимаемой моралью, ценностным окрасом, присущим подлинно конституционному. Исходя из содержания конституционно-правового текста, подобный посыл представляется действительно оправданным, ведь именно за счёт такого рода дискурса, дескрипции обеспечивается устойчивость правового фундамента.

Так, именно к такому толкованию располагает Преамбула конституционного текста, многозначительно и совершенно справедливо утверждающая: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...» [1]. Но при этом становится весьма показательным то, что в исследовательском фокусе весьма интересную позицию демонстрирует Б.С. Эбзеев. В частности, ученый утверждает, что «народ, понимаемый в преамбуле Конституции Российской Федерации...» (далее – Конституция РФ) «...как общность, образуемая всей совокупностью граждан независимо от их гражданской активности (например, участия в выборах), выступает первичным субъектом конституционных правоотношений, в которых обязанной стороной выступают государство, его органы и должностные лица» [9, с. 39]. В сущности, в данном ключе уместно вести речь о существовании определённого конституционного субстрата, принимаемого за «мы». Однако именно в таком случае с точки зрения теории конституционного правоупотребления возникает вопрос: А не происходит ли отождествление субъекта конституционализации с субъектом конституционного правопонимания?

Вышеприведённое толкование, по сути, исключается самим текстом Конституции РФ, содержащим правовую антиномию (дихотомию) конституционно значимого «Мы-субъекта» и «Я-субъекта» как личности. Это, в свою очередь, требует уточняющей доктринальной корректировки высказанной в рамках настоящего сборника научных статей позиции одного из авторов относительно содержания конституционной редукции как легитимной импликации конституционно индивидуального «Я» отдельных Судей Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) в единое конституционное «Я», являющейся необходимым условием генерации конституционно релевантных суждений должного [6, с. 121].

При таком подходе между юридическим субъектом и живой личностью внешне отсутствует апперцептивное единство ценностного горизонта. Потеря своей конституционной значимости – вот, что может ждать при таком подходе рядового субъекта конституционного правопонимания и правоупотребления, ведь это означает переход к кантовскому пониманию права как формальному следованию норме, что исключает конституционность человека, а следовательно и конституционный диалог, и что, однако, не может считаться допустимым, ведь, несмотря на гибкость правовой материи, она не тяготеет к приспособленчеству и конформизму, ставя перед собой иные, ценностно окрашенные, цели и задачи. В итоге экспликация методологических оснований данной правовой теории приводит к кантовскому пониманию познания и трансцендентальному субъекту, что также противоречит конституционному правопониманию, поскольку трансцендентальный субъект, что находится и в согласии с позицией Канта, с точки зрения конституционного правопонимания оказывается онтологически пустым, т.е. лишенным конституционного качества, тогда как адепты означенной теории высказывают позицию, согласно которой конституционный диалог возможен только с подлинно конституционным, т.е. онтологически достоверным, полноценным, нравственно полным, субъектом.

В этой связи, по нашему мнению, наиболее релевантным представляется обращение к ряду актов Конституционного Суда РФ, в которых подлинно онтологически достоверным образом объективируется та субъектно-дифференцированная направленность, позволяющая «отделить зёрна от плевел».

В частности, ведя речь о субъектной аутентификации, единственно легитимный орган конституционной юстиции России указывает на объективное сосуществование личности (как идентифицированного «Я») и государства как субъекта конституционного гарантирования защиты прав личности [2]. При этом государство выступает не как искусственно выделяемое «Мы» в совокупно-личностном выражении, а как Атлант, держащий на своих плечах небо (в

реальной правовой действительности – правовой фундамент). Между тем остаётся открытым иной вопрос, вытекающий из предыдущего. Исходя из содержания ст. 10 Конституции РФ, закрепляющей триаду ветвей власти, отдельной ветвью власти, публичной – государственной – власти, является судебная, представленная в том числе самим Конституционным Судом РФ, судьи которого, в свою очередь, как отдельно взятые субъекты также выступают носителями конституционного правопонимания. В этой связи надлежит отметить следующее.

Практике конституционной юстиции известны случаи выражения отдельными судьями особого мнения. Примечательным является, к примеру, особое мнение судьи Ю.М. Данилова, который высказал следующую позицию: «Создавать путем конституционно-правового истолкования фактически новую норму, да еще и изменяя при этом свои ранее сформулированные позиции, воспринятые Верховным Судом Российской Федерации, апеллируя вместо четко обозначенного в законе предельного срока содержания под стражей к размытому термину «разумность», вряд ли продуктивно. Сомнительно, что такой подход послужит формированию единой правоприменительной практики, а гарантированное статьей 22 Конституции Российской Федерации право каждого на свободу и личную неприкосновенность может оказаться нарушенным» [3]. Не может ли подобный посыл служить примером индивидуализации «Я» как носителя конституционного правопонимания в рамках конституционализации права единым и конституционно уполномоченным органом, который феноменология подкупает назвать «совокупным "Я"»? С точки зрения действующего конституционно-правового текста данный посыл представляется неубедительным, поскольку само по себе особое мнение надлежит рассматривать как проявление независимости судебной власти (ст. 120 Конституции РФ). При этом отнюдь не может быть признано фикцией разделение статусной номинации Ю.М. Данилова как судьи Конституционного Суда РФ и как гражданина Российской Федерации, ведь по существу в данной ситуации своеобразным и аутентичным образом дублируется театральная традиция Древнего Рима, на которую в своих трудах не покушался в том числе И. Кант. Соответственно с точки зрения конституционной методологии, которая сквозь призму времени и собственного развития позволила общим образом определить те ориентиры, которые в настоящее время принято именовать «критериями» и которые отвечают на вопрос о том, что соответствует духу права, а что нет, что по праву, а что не по праву, устранение представленного феноменологического противоречия представляется возможным, поскольку это соответствует требованиям реальной правовой, прежде всего, конституционно-правовой, действительности. При этом для такого устранения свойственно обращение к конституционной эмпирике, поскольку в ином случае соответствующие суждения окажутся «подвешенными» в контексте собственной эклектики, вследствие чего может возникнуть герменевтический круг.

Кроме того, если обращаться непосредственно к конституционному тексту, то из него, а именно из положений его глав 1 и 2, следует, что субъектом конституционного правопонимания (и правопользования) является человек и гражданин, в то время как Конституционный Суд РФ как легитимный орган конституционной юстиции России, являющейся демократическим, федеративным, правовым государством с республиканской формой правления и имеющей суверенную власть народа, придавшего данному органу соответствующий статус практически тридцать лет назад, выступает субъектом конституционализации права, что и вытекает в том числе из анализа приведённых выше актов и не может опровергаться феноменологическими посылками, хотя и претендующими на собственную состоятельность, остающимися весьма творческими разработками, пополняющими запас теоретических знаний и дающими почву для актуализированных, наполненных жизнью дискуссий среди учёных и практиков.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что аутентификация (в русле дифференциации) субъектов конституционализации и конституционного правопонимания обеспечивается посредством возведения Конституции РФ в абсолютное право, придания ей соответствующих свойств самим многонациональным народом Российской Федерации и подкрепления данной позиции Конституционным Судом РФ. При этом, безусловно, и

феноменологические посылки оставляют почву для дальнейших рассуждений, хотя, как представляется, воззрения философов не опровергают практик реальной конституционно-правовой действительности, стремящейся к утверждению онтологической достоверности права (равным образом в субъектном выражении), что отвечает и критериям методологического порядка, объективируемым как в теории, так и на практике, и содержащим в себе весь простор для познавательной деятельности, выявления и абстрактного, и конкретного, в том числе с позиций уточнения самих критериев – ключей подлинного познания.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая: Общее введение в чистую феноменологию / Пер. с нем. А.В. Михайлова; Вступ. ст. В.А. Куренного. 3-е изд. М.: Академический проект, 2019. 489 с.

5. Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант; [пер. с нем. Н. Лосского]. М.: Издательство АСТ, 2020. 784 с.

6. Крусс В.И., Борисов Г.Д. Феноменологическая редукция как актуальная технология экспликации конституционных смыслов // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства (вып. XVI): Сборник научных трудов. Казань: ООО «Офсет-сервис», 2021. 212 с.

7. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. 2-е изд. М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. 206 с.

8. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М., Политиздат, 1977. 312 с.

9. Эбзеев Б. С. Преамбула // Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. проф. В.Д. Зорькина 3-е изд., пересмотр. Москва: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 1040 с.

Об авторах:

БОРИСОВ Григорий Дмитриевич – студент 3 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: gdboriso@edu.tversu.ru

ВОРОНИН Алексей Витальевич – магистрант 2 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: alexvor1997@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СМИ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА И КРИТЕРИИ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ. ОБЩАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ВОПРОСА

Г.Д. Борисов, К.К. Сергеева, П.А. Мещерякова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые регулируют деятельность средств массовой информации на территории Российской Федерации. Также рассмотрены права и свободы, которыми обладает журналист, занимаясь профессиональной деятельностью. Особенности правового регулирования средств массовой информации и возможные пути совершенствования законодательства в сфере блогерства предопределили актуальность данного научного исследования.

Ключевые слова: средства массовой информации, законодательство, правовое регулирование.

Актуальность вопроса о конституционных пределах деятельности средств массовой информации (далее – СМИ) увязывается с тем обстоятельством, что в рамках теории и практики конституционного правопользования таковые могут обладать дискурсивно-определяющим значением и влечь соответствующие последствия. Во-первых, это стратегическая задача охраны ментального, информационного и конституционного суверенитета России, а также обеспечение ее безопасности. Во-вторых, в целях разрешения конституционной коллизии, заключенной в артикуляционном соотношении положений ст. 29 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1]. Неизбежность означенной коллизии усматривается, с одной стороны, в *дихотомической легитимации* свободы творческого самовыражения СМИ, включающего свободу мыслительных синтезов и генерации на их основе высказываний в публичном пространстве вкупе с беспрепятственным доступом к информации и возможностям ее трансляции и ретрансляции, требования о недопустимости такого высказывания в формате конституционно релевантных (в том числе так называемых законных) практик. С другой стороны, она требует конституционно релевантного разрешения в контекстуальном соотношении с положениями ст. 17 (ч. 3) и 55 (ч. 3) Конституции РФ.

Данная проблематика приобретает все большую актуализацию в юридико-технической дихотомии правоприменительных практик по юридической квалификации соответствующих социально-значимых феноменов и осуществления практик пользования свободой творческого самовыражения СМИ.

Национальная правоприменительная практика обнаруживает дефицит взвешенной позиции относительно экспозиции заявленной проблематики, тем более что ее актуальное состояние характеризуется увеличением числа маркеров должного [3].

Так, например, следователей заинтересовала авторская колонка Светланы Прокопьевой на радио «Эхо Москвы в Пскове», в которой она анализировала теракт в архангельском УФСБ. Следствие считало, что своим выступлением женщина «заведомо зная, что взрыв в Архангельске был терактом, формировала у массовой аудитории мнения о признании идеологии и практики терроризма правильной». Свою вину Прокопьева не признала. Прокуратура требовала лишить ее свободы на 6 лет и запретить заниматься журналистикой 4 года. В июле 2020 года Второй Западный окружной военный суд приговорил Прокопьеву к штрафу в размере 500 тыс. руб., признав ее виновной по статье 205.2 Уголовного кодекса РФ (Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганды терроризма).

В феврале 2021 года Тверской суд г. Москвы арестовал главного редактора издания «Медиазона» Сергея Смирнова на 25 суток. Полиция вменила Смирнову правонарушение по ч. 8 ст. 20.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), где речь идет о повторном нарушении установленного порядка организации или проведения митинга. Протокол на Смирнова был составлен «по результатам проведения проверки по

сообщению, размещенному в социальных сетях, с призывами к гражданам принять участие в несанкционированной акции 23 января 2021 года в Москве».

Оба этих примера актуализируют вопрос о конституционных границах деятельности СМИ, переход через которые необходимо влечет реакцию государства, тем более что в современной литературе можно встретить мнение о том, что современное правовое регулирование практически дезавуировало возможности реализации означенных свобод [5, с. 16]. Представляется, что означенные результаты рефлексии являются следствием атомистической установки конституционного формата правопользования и дискретного восприятия конституционного текста [8, с. 118], не являющимися релевантными с точки зрения методологических посылов конституционного правопонимания.

Согласно положениям данного концепта, единственным актуальным абсолютно значимым источником национального права признается Конституция РФ (ее смысл и содержание) [8, с. 119]. В соответствии с положениями ст.ст. 2, 17 и 18 национального конституционного текста человек является первичным и единственным конституционно-полноценным субъектом правопользования в России, поскольку, во-первых, он является высшей ценностью, его права и свободы детерминируют все содержание правовой системы России, а во-вторых, право приходит в мир как продукт человеческого сознания (разума) в виде правовых суждений, получивших заверение в своей номинации посредством общественного признания (легитимации) и согласования с уже существующим правом (легализации) [6, с. 38–39]. Следствием чего является тот факт, что конституционное правопользование предстает как практическое, соответствующим образом *осознаваемое и представленное* (выделено нами – К.С., Г.Б., П.М.), предполагающее надлежащую правовую оценку, восприятие и опосредование пользования каждым человеком основными правами и свободами для целей обретения и усвоения тех конституционных благ, которые он сам полагает для себя необходимыми [7, с. 21].

Таким образом, акты конституционного правопользования не могут получить свою реализацию вне интенциональной сопряженности первичного актора с единым горизонтом конституционных смыслов, доступного человеку.

В контексте общей тематики вся тотальность конституционализации практик ложится на плечи не столько органов власти в ее отрицательном аспекте, а сколько на лиц, обладающих специальным правовым статусом – редакторов и журналистов, что и подтверждается приведенными выше примерами из правоприменительной практики.

Согласно ст. 2 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.07.2021) «О средствах массовой информации» журналист – лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию, а главный редактор – лицо, возглавляющее редакцию (независимо от наименования должности) и принимающее окончательные решения в отношении производства и выпуска средства массовой информации [2].

Критерии конституционного формата правопользования традиционно в рамках соответствующего дискурса могут быть и уже сформированы апофатическим образом практикой Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), предполагающим моделирование инвариантивного описания юридически значимых социальных практик, принципиальным образом исключаящих правовой формат деятельности СМИ и журналистов. В практическом выражении «цензуры» как ограничения реализации акта публичного высказывания в контексте достижения конституционно-правового равновесия в рамках ст. 55 Конституции РФ.

В научной литературе предлагается классификация соответствующих линий конституционной демаркации, согласно которой выделяются маркеры недопустимого нравственного позиционирования, маркеры допустимости посягательства на честь и достоинство, а также маркеры недопустимости экстремизма и терроризма [9, с. 61].

Так в своем Определении от 19.01.2010 № 151-О-О Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос о соразмерности предписаний, установленных законодательным актом

субъекта, сопряженных с ограничением свободы генерации, целенаправленной и бесконтрольной трансляции информации, способной нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе сформировать искаженные представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных брачных отношений, – среди лиц, лишенных в силу возраста возможности самостоятельно критически оценить такую информацию, указал, что подобные ограничения налагаются ввиду транспоколенного ориентированного на будущее формата конституционной коммуникации, что корреспондирует детям как участниками означенной коммуникации, их правам и свободам статус особой социальной ценности, подлежащей защите. В связи с чем Конституционный Суд РФ находит соответствующие ограничения соразмерными и не ограничивающими свободу слова в ее аутентичном конституционном значении [4].

Однако проблемами конституционно релевантного соотношения юридически значимой квалификации и творческого самовыражения СМИ заявленная тематика не исчерпывается. Несмотря на то, что национальное законодательство содержит легальную дефиницию понятия «средства массовой информации», которое раскрывается как периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием) [2], данное понятие явно исключает из горизонта не менее важный сектор частного формата тождественной по своим характеристикам сферы конституционно значимых практик – блоггерство.

Блоггерство как явление национальной правовой жизни не получило легальной дефиниции, однако отличие его от традиционных СМИ состоит только в тотальности презентуемого контента: больше личной и скандальной информации, обсуждения острых тем. Блоггер как субъект публичного социально-значимого высказывания в рамках занимаемой им площадки стремится к выражению своих идей и мыслей, что позволяет ему наладить коммуникацию с потребителем контента.

Не будет преувеличением заявление, что блоггер – СМИ для молодежи. В контексте приведенной выше позиции Конституционного Суда РФ это означает, что на блоггера как субъекта практик пользования свободой слова также должны быть распространены ограничения, связанные с реализацией означенной свободы представителями СМИ. Тем более, что формат тотальности публичного высказывания очень часто являет в себе элементы личностной деструкции.

Например, особо отличившийся на почве личностного и правового нигилизма известный блоггер Моргенштерн неоднократно привлекался к различным формам юридической ответственности. В его «послужной список» входят уже получившие свою юридическую оценку пропаганда либо незаконная реклама наркотических средств (ч. 1 ст. 6.13 КоАП РФ), имеются нарушения в области законодательства о рекламе, употребления алкоголя, рекламы финансовых услуг, обращения к несовершеннолетним, использование некорректных утверждений, непристойных и оскорбительных образов. И это не единичный пример, а лишь один из самых «ярких».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.07.2021) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп. вступ. в силу с 01.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.01.2010 № 151-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алексева Николая Александровича, Баева Николая Викторовича и Федотовой Ирины Борисовны на нарушение

их конституционных прав статьей 4 Закона Рязанской области «О защите нравственности детей в Рязанской области» и статьей 3.10 Закона Рязанской области «Об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Кондрашев А.А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15–25.

6. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: НОРМА: ИНФРА-М. 2019. 240 с.

7. Крусс В.И. Теория конституционного правопользования: монография. М.: НОРМА, 2007. 752 с.

8. Крусс В.И. Борисов Г.Д. Феноменологическая редукция как актуальная технология экспликации конституционных смыслов. // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. (вып. XVI): Сборник научных трудов. Казань: ООО «Офсет-сервис», 2021. С. 117–131.

9. Пирбудагова Д.Ш., Омарова А.М. Роль решений Конституционного Суда Российской Федерации в развитии законодательства о средствах массовой информации// Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. № 4. С. 59–62.

Об авторах:

БОРИСОВ Григорий Дмитриевич – студент 3 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: gdborISOV@edu.tversu.ru

СЕРГЕЕВА Ксения Константиновна – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: kksergeeva@edu.tversu.ru

МЕЩЕРЯКОВА Полина Андреевна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: pamescheryakova@edu.tversu.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕСКРИПЦИЯ АКТОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА

Г.Д. Борисов, К.О. Улупов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблематика аксиологического наполнения актов Конституционного Суда Российской Федерации как генерального субъекта конституционализации. В ходе исследования был использован метод аксиологической дескрипции в целях изучения институциональных аксиологических систем национального права через призму Основного закона, что предопределило соответствующие выводы о должном конституционном восприятии обществом своих законных прав, свобод и конституционных интересов.

Ключевые слова: феноменология, аксиология, конституционализм, конституционализация, национальная конституция

Конституция РФ предстает как целостная система всеобщих предельных смыслообразующих априорных структур права (правовых ноэзисов), в которых предикативно невыразимо и по своему характеру субсистенциально (имеется в виду тождество смысла) нюансирует право как таковое (ноэма), когда гилетическими моментами конкретных смыслопридающих структур выступают соответствующие практики правопользования субъектов [9, с. 27].

Феноменологическое представление о национальной Конституции генеральным образом определяют горизонт возможностей, направленных на дескрипцию интенций, заложенных в актах генерального субъекта конституционализации – Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ).

Иными словами: для применения метода аксиологической дескрипции в целях изучения институциональных аксиологических систем национального права через призму Основного закона нужно учитывать тот непреложный факт, что каждое нормативное положение Конституции может рассматриваться как смысловой аспект соответствующей ценности. Однако любой акт описательного прочтения конституционного текста (суть практики правопользования) требует аутентичного заверения в своей состоятельности, что предельно актуализирует особую значимость актов Конституционного Суда РФ как исключительного источника информации о конституционных ценностях.

В качестве объекта нашего исследования избрано Постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р.Д. Свечниковой» [8]. Суть ситуации, ставшей поводом для рассмотрения дела, заключалась в следующем.

Гражданин Российской Федерации утверждает, что действовавшее на тот момент законодательство в сфере охраны здоровья не предусматривало подписания пациентом иного – помимо информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство – документа, предусматривающего разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, и предоставления права на получение после его смерти копий медицинской документации другому лицу при том, что родственники умершего, желающие получить доступ к сведениям, составляющим врачебную тайну, могут располагать сведениями о фальсификации медицинской документации. В связи с этим, по его мнению ряд статей Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», касающихся регулирования врачебной тайны, не соответствует Конституции Российской Федерации, поскольку допускает возможность отказа лицу, указанному в информированном добровольном согласии пациента на медицинское вмешательство в качестве лица, которому в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья, в предоставлении такой информации после смерти пациента, в том числе в форме копий медицинских документов.

Суд признал указные взаимосвязанные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации, поскольку действительно в системе действовавшего на тот момент правового регулирования есть неопределенность относительно их нормативного содержания,

исключающая определенность условий и порядка доступа к медицинской документации умершего пациента его супруга (супруги), близких родственников (членов семьи) и (или) иных лиц, указанных в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство.

Также постановил внести в действующее правовое регулирование изменения, которые позволят нормативно определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента. Впредь до внесения в законодательство необходимых изменений медицинским организациям надлежало по требованию членов семьи умершего пациента или лиц, указанных в его добровольном согласии на медицинское вмешательство, предоставлять им для ознакомления медицинские документы умершего пациента с возможностью снятия своими силами копий (причем также в виде фотографии), а если соответствующие медицинские документы существуют в электронной форме, то предоставлять соответствующие электронные документы. При этом отказ в таком доступе может быть признан допустимым только в том случае, если при жизни пациент выразил запрет на раскрытие сведений о себе, составляющих врачебную тайну.

По итогу, в 2021 году законодатель Федеральным законом от 02.07.2021 № 315-ФЗ [2] отредактировал ряд статей Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в соответствии с обязательными императивными установками и рекомендациями указанного Постановления Конституционного суда РФ.

Данное постановление освещает достаточно интересную тему, связанную с медицинской (врачебной) тайной как элементом права частной жизни с точки зрения баланса конституционных ценностей, прав и законных интересов всех участников конкретных правоотношений. Отдельного внимания заслуживает также и тот аспект, что представленная ситуация затрагивает и семейную тайну, право на которую распространяется на всех членов семьи. Использование метода дескрипции позволило сформировать следующие выводы.

Конституционным Судом РФ неоднократно поднимались вопросы о неприкосновенности частной жизни, начиная с 2005 года. Определением от 09.06.2005 № 248-О подчеркивалось, что данное право означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера [3]. В понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер. В 2016 году Конституционный Суд РФ Определением 10.02.2016 № 224-О раскрыл значение взаимосвязанной категории достоинства личности, обеспечивающейся и правом на неприкосновенность частной жизни, признание которого на конституционном уровне предполагает, что отношения, возникающие в сфере частной жизни, не могут быть подвергнуты интенсивному правовому регулированию и необоснованному вмешательству любых субъектов, которым сам гражданин доступ к указанной сфере не предоставил [7].

Актуален на сегодняшний день информационный аспект частной жизни. Вследствие предписаний Конституции Российской Федерации конфиденциальным характером (свойством) обладает любая информация о частной жизни лица, а потому она во всяком случае относится к сведениям ограниченного доступа. Поскольку ограничение прав, в том числе с целью защиты прав других лиц, в силу статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации [1] может иметь место только на основании федерального закона, предполагается, что реализация конституционного права на информацию, если она затрагивает частную жизнь других лиц, возможна только в порядке, установленном законом, и что законодатель правомочен определить законные способы получения такой информации.

При этом Конституция Российской Федерации предполагает возможность введения в отношении той или иной информации специального правового режима, включая режим ограничения свободного доступа к ней со стороны граждан.

Вместе с тем осуществляемое законодателем правовое регулирование – исходя из конституционных принципов правового государства, верховенства закона, а также принципа конституционного равенства и вытекающих из него критериев разумности, необходимости и

соразмерности при определении условий реализации фундаментальных прав и их возможных ограничений – должно обеспечивать баланс конституционных ценностей, прав и законных интересов всех участников конкретных правоотношений, поскольку, с одной стороны, раскрытие медицинской документации охватывается достаточно строгими гарантиями защиты личной тайны и персональных данных умершего, проистекающими из конституционных требований уважения его частной жизни, а с другой стороны, в ряде случаев раскрытие врачебной тайны может требоваться как для выполнения государством своих позитивных обязательств по защите права на жизнь в аспекте расследования смерти пациента, так и в контексте защиты прав и законных интересов переживших его членов его семьи.

Конституционный Суд РФ ранее отмечал, что медицинская информация, непосредственно касающаяся не самого гражданина, а его умерших близких (супруга, родственника и др.), как связанная с памятью о дорогих ему людях, может представлять для него не меньшую важность, чем сведения о нем самом, а потому отказ в ее получении, особенно в тех случаях, когда наличие такой информации помогло бы внести ясность в обстоятельства смерти, существенно затрагивает его права – как имущественные, так и личные неимущественные. Когда речь идет о смерти человека, не ставится под сомнение реальность страданий членов его семьи (Постановление от 06.11.2014 № 27-П [4] и Определение от 09.06.2015 № 1275-О [5]).

Говоря о конституционно-ценностном (аксиологическом) содержании института семьи и соответствующих семейных ценностей, Конституционный Суд в ряде постановлений [6] указывал на особую роль семьи, исходя смыслового обозначения о значимости прав и свобод человека в корреляции с национальными ценностями сменяющихся поколений и традиций предков, поскольку именно этот институт выступает как условие сохранения и развития многонационального народа России, а значит федеральный законодатель, осуществляя правовое регулирование в той или иной сфере общественных отношений, должен исходить из приоритета необходимости укрепления семьи и обеспечения беспрепятственного осуществления ее членами своих прав, а также из недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи. Следовательно, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну применимо и распространяется не только к отдельно взятому лицу, но и к важнейшему компоненту общества – семье.

Подводя общий итог настоящего исследования, следует сделать следующие выводы. Метод аксиологической дескрипции позволил комплексно и в фокусе изучить важный аспект медицинской (врачебной) тайны как составного элемента универсального неотъемлемого права частной жизни и семейной тайны с точки зрения баланса конституционных ценностей, прав и законных интересов участников правоотношений, которые регулируются, в том числе, Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Необходимо еще раз подчеркнуть, что именно конституционализм как система представлений и идей о развитом демократическом государственном строе совершенствует и углубляет восприятие обществом своих законных прав, свобод и конституционных интересов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 02.07.2021 № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.11.2014 № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина О.А. Лаптева» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2015 № 1275-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зубкова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав частями 2, 3 и 4 статьи 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьями 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р.Д. Свечниковой» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Борисов Г.Д. Онтологическая достоверность и ценность права // Бакалавру.net: ежегодный альманах научно-исследовательского клуба по актуальным проблемам права «Бакалавру.net». Специальный выпуск, 2021 / Под ред. В.И. Крусса; ред. коллегия: Борисов Г.Д., Воронин А.В., Дронова А.И., Огаркова В.В. Тверь: Издательство Тверского государственного университета. 2021. С. 27–32.

Об авторах:

БОРИСОВ Григорий Дмитриевич – студент 3 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: gdborisov@edu.tversu.ru

УЛУПОВ Константин Олегович – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правоупотребления» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: koulupov@edu.tversu.ru

К КРИТИКЕ КОНЦЕПТА ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ИНТЕРЕСОВ С ПОЗИЦИИ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Г.Д. Борисов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье проводится критическое осмысление концепта юридически значимых с позиции духовно-нравственных оснований национального конституционализма. Методологическим средством проведенного анализа послужила аксиологическая дихотомия конституционной методологии и антропологии как конституционной онтологии. Утверждается предельная реальность пространства конституционной метафизики, и отвергаются схоластические версии квазиконституционной методологии и онтологии, позволяющие их адептам высказываться о «комплементарном» соотношении правового горизонта бытия и концепта юридически значимых интересов.

Ключевые слова: конституционное правопонимание, конституционная мистика, конституционная гносеология, онтология, аксиология, антропология, формальная логика, схоластика, юридически значимые интересы.

*Что ищите живаго с мертвыми?
Что плачете нетленного во тли?*

Чем дальше происходит процесс развития Конституционного текста, тем менее актуальным и конституционно релевантным становится утверждение о методологической близости конституционного правопонимания и догматической теории права [8, с. 35].

Означенный процесс в полной мере на эйдетическом уровне актуализировал те элементы конституционной онтологии, аксиологии, конституционно релевантные концепты антропологии и методологии, кои ранее усматривались учеными конституционалистами гадательно, как бы через тусклое стекло (1 Кор. 13:12) в конституционном тексте.

Так, конституционная экспликация ценности интенциональной сопряженности человека и Бога (ч. 2 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)) [1] актуализировала соответствующий концепт антропологии, позволяющий преодолеть ее индивидуалистические версии как конституционно нерелевантные, что подразумевает сравнительно новую (более смелую) интерпретацию всего эксплицитным образом содержащегося в тексте национальной Конституции каталога прав и свобод человека как высшей конституционной ценности.

Сказанное в отношении прав и свобод имеет значение и в отношении концепта юридически значимых интересов, что утверждает конституционную нерелевантность архаичной позитивистской версии означенного концепта.

Конечно, не все элементы означенного концепта в результате задуманного нами критического анализа могут приобрести «новое содержание». Здесь мы подвергнем анализу означенный концепт на соответствие конституционной онтологии, аксиологии и антропологии.

В целях реализации поставленной нами задачи, предварим наши размышления результатами этимологического анализа понятия «интерес». Этимологически данный термин восходит к латинскому глаголу «interesse», означающему «иметь значение». Латино-русский словарь И.Х. Дворецкого содержит указание, что данное слово является инфинитивом к глаголу «intersum», в горизонте значений которого имеется указание и на «промежуточное положение» в смысле «бывания посреди» и «нахождения между» [7, с. 548]. Данный факт позволил М.В. Бородачу в своей монографии «Публичная собственность: опыт конституционно-правового осмысления» выдвинуть весьма интересную теорию относительно генезиса данного термина. Так ученый отмечает, что данное слово в латыни получило свое существование посредством сложения «inte res», «inter res», «inter res se», что соответствует русскому «помещенный в вещь», «внутри вещи», иначе, овеществленный, объективированный, воплощенный [3, с. 39].

Проведенный лингвистический анализ предварительного характера недвусмысленно демонстрирует, что исходные коннотации римского мировоззрения предполагают растворение субъекта в эмпирической (в широком смысле опытно познаваемой) вещи.

Означенную тонику римского взгляда в партии теоретического смотра всецело сохранила и догматическая юриспруденция. Согласно догматической теории права, отождествляющей право с законом, под юридически значимым интересом понимается выгода, обеспеченная нормой права [6, с. 86] или «юридическое дозволение, выражающееся в стремлениях субъекта пользоваться конкретным социальным благом ... в целях удовлетворения своих потребностей» [10, с. 219].

Как реализацию гносеологической посылки о методологической близости догматической юриспруденции и конституционного правопонимания можно рассматривать учение о юридически значимых интересах в рамках последнего, поскольку расхождения с первым весьма незначительны. Так, в онтологическом аспекте конституционное правопонимание вслед за догматической юриспруденцией усваивает конституционно значимому (в корреспондирующей терминологии – законному) интересу в структуре механизма реализации права соотносимое с таковым в догматической юриспруденции. В таком контексте весьма показательно выглядят результаты аналитического сопоставления догматической и конституционалистской позиций. Вот догматическая позиция. «Законный интерес – это стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения непротиворечащих нормам права интересов, которое в определенной степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности, отраженной в *объективном праве* (курсив мой – Г.Б.) либо вытекающей из его общего смысла» [11, с. 87–88]. И несколько далее: «Законные интересы – это не только «предправа», но и «послеправа», правовые феномены, вытекающие из субъективных прав, ими зачастую порождаемые и обусловленные» [11, с. 102]. А вот позиция известного конституционалиста В.И. Крусса (правда, несколько утратившая свою актуальность): «Конституционный частный интерес есть легально и легитимно конкретизированный и признанный (законный) и охраняемый государством соразмерно его установленной ценности (в иерархии конституционных ценностей) интерес человека и гражданина либо интерес признанный таковым в силу легальной конституционной интерпретации (оценки)» [9, с. 166]. Читаем далее: «Если бы интересам в процессе правотворчества придавалась форма субъективного права, они перестали бы существовать как правовые явления (феномены) с момента такого оформления, чего, разумеется, не происходит» [9, с. 167–168]. Несколько конкретнее: «В нормативных положениях конкретизируются отраслевые права (и интересы) и определяется, с какого момента и при каких обстоятельствах (юридических фактах) у лиц возникают (прекращаются, изменяются) субъективные права» [9, с. 168].

Если внимательно вчитываться в текст приведенных высказываний, нетрудно обнаружить совершенно четкие коннотации с гегельянской логикой, где интересы выступают предельной конкретизацией объективно установленных прав. Или точнее, объективные права как абстрактное через специальное (субъективные права) обретают свою предельную конкретность (правовые интересы) в процессе правопользования. Однако означенное качество данных коннотаций дезавуируется традиционным для юридической догматики методологическим смешением между формальной и гегелевой логиками. Следствием такой методологической деструкции является формализация последней, а ее главный принцип – спекуляция как единство формы и содержания понятия утрачивает свое значение и наполнение.

В философско-правовом смысле Конституция РФ – это онтологизированная аксиология, что подтверждается и высказываниями известных конституционалистов. Так, Н.С. Бондарь указывает: «конституция как основной закон объективно в силу своей природы и назначения является своего рода нормативно-правовым резервуаром, хранителем наиболее значимых для личности, государства и общества идей, социальных установок и представлений о социально-экономической, политической, национальной, транснациональной, культурно-правовой действительности и ее ценностях» [2, с. 62], а В.И. Красс утверждает, что тексты

современных национальных конституций обладают нарративным статусом в силу планетарного (под эгидой ООН) цивилизационного признания высшей *ценности* (курсив мой – Г.Б.) человека, выражаемой в его правовых атрибутах (правах, свободах, обязанностях)» [8, с. 38–39].

Таким образом, означенная выше онтологическая характеристика конституционного текста находится в методологическом конфликте с концептом юридического интереса, что актуализирует известный средневековый схоластический спор об онтологическом статусе универсалий или более широко – горизонта универсалий как мира идей, т.е. метафизического горизонта в целом. Известный дуализм философских решений означенной проблемы в целом демонстрирует несостоятельность концепта юридических интересов.

Так, следствием номиналистического решения означенного вопроса, основной методологической посылкой которого является отрицание реальности универсалий, а центральным элементом метафизики – единицей бытия – является иррациональный индивид, ускользающий от любых определений разума [4, с. 305], является фактическое самообращение субъекта в небытие посредством полагания себя в ценности, которая как универсалия не имеет бытия, т.е. сама есть ничто, поскольку, как указывалось выше, интерес представляет собой метафизическое полагание (растворение) себя в вещи (широком философском смысле).

Не лучше обстоит дело и с реалистической методологией разрешения проблемы универсалий, даже если принять во внимание, что именно на развитии методологического потенциала которой и зиждется здание конституционного правопонимания. Юридически значимым следствием последовательного проведения основного тезиса номинализма о реальности универсалий как детерминант индивидуальных субстанций [4, с. 320] в формате аксиологического плюрализма конституционного текста является либо смешение и утрата ценностями самостоятельного онтологического статуса и, следовательно, их всякой иерархии, вследствие чего конституционный текст в качестве матрицы национальной правовой системы лишается смысла, а основной тезис номинализма дезавуируется (нигилируется); либо в целях сохранения самостоятельного значения конституционных универсалий «перемещение» субъекта конституционного правопонимания на пути позиционального дуализма, когда в аксиологическом (онтологическом) смысле *tertium non datur*, т.е. он поставлен перед лицом необходимости *или* самоутверждения, и тогда прочие ценности соответствующего каталога теряют свой аксиологический статус, что входит в противотечение с содержанием самого конституционного текста, который согласно утверждениям адептов конституционализма, является единственной стабильной детерминантой юридически значимых высказываний, поскольку в соответствии со ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью [1] *или* утверждения предельного значения соответствующей правовой ценности, и тем самым растворяет себя по образу разрушения органических веществ в соляной кислоте, что тоже противоречит приведенному выше конституционному положению; либо вхождение в противоречие с законом тождества, что означает снятие своего онтологического единства, и таким образом конституционно метафизический разрыв субъекта в ситуации конституционно правового (аксиологического) скептицизма.

Казалось бы, при такой формальнологической аргументации уместно упрекнуть автора в игнорировании учения об умозаклчениях и апеллировать к силлогистической модальности последних. Однако силлогизм как вид дедуктивного умозаклчения предполагает *иерархию посылок* безотносительно к известным модальностям такового, поскольку «все, что утверждается (отрицается) о роде (или классе), необходимо утверждается (отрицается) о виде (или о члене данного класса), принадлежащем к данному роду» [5, с. 120], что выразилось в соответствующей терминологической номенклатуре соответствующих посылок, где так называемая «большая посылка» содержит предикат заключения (т.е. больший термин), а «меньшая» – субъект заключения (т.е. меньший термин) [5, с. 120]. Однако же возможность правового силлогизма в рамках самой конституции аутентичным образом исключается уже цитировавшийся ст. 2 Конституции РФ.

Но если реальность конституционного текста для нас как для последовательных конституционалистов не редуцирована к схоластическому описанию реальности как состоящей из формально-логических атомов-смыслов, представляющих собой нумерическое тождество структур онтологической (идеи) и языковой (слова) единиц при наличии строго фиксированного однозначного неизменного смысла последней, т.е. лексической структуры соответствующего текста, а в корреспондирующей терминологии догматической юриспруденции – маркерам (средствам) юридической техники, если мы *верим* в *предельную* реальность метафизического региона конституционного бытия, и тем самым способны взглядом выйти за пределы знаков (образов) и *мистически* «пробиться» к региону права как таковому, содержательно бесконечно полному и невероятно богатому, что актуализирует возможность реального конституционного диалога с Конституцией (правом) о ней самой (о праве), то и в этом случае концепт юридических интересов не получит конституционного заверения в своей состоятельности и претерпит всякий урон и нужду от нее, поскольку исследуемый концепт, как недвусмысленно продемонстрировал проведенный выше анализ, посягает на ту ценность, *единственно* о которой *определенным* образом *высказывается* Конституция, – человека.

В целом, характер и форма конституционного высказывания о человеке позволяют последнему присвоить номинацию отдельного учения, именуемого «конституционной антропологией». В рамках означенного концептуального пространства человеку присваивается статус не только *первичного* и *единственного* субъекта конституционного правопользования, но и утверждается *трёхмерная* антропологическая модель, исключая всякую *потенциальную* редукцию субъекта конституционного правопользования к трансцендентальному (в широком смысле – как рефлексивно данному сознанию) субъекту Канта или Гегеля или психофизической монаде естественно-научного европейского мышления. Такая редукция с позиции конституционного текста означала бы отсутствие возможности самой постановки вопроса о социальном, поскольку человек здесь мыслится не только как психофизическое образование, но и как свободная личность, свободно определяющаяся к своей общечеловеческой природе, т.е. проникающая в природу, но не сводимая к ней. При этом экспликация личностного формата бытия возможна в ситуации актуальной сопряженности человека с Богом, что и является условием социальной коммуникации.

Даже в контексте такого скудного описания концепта конституционной антропологии становится понятным, *в чем* именно состоит *ущербность* концепта юридических интересов. А именно, актуализация методологического потенциала анализируемого концепта в пространстве конституционного поля позволяет говорить о дестабилизации актов аксиологического позиционирования, что, в свою очередь, означает дисквалификацию всего поля онтологизированной аксиологии, что с точки зрения конституционного текста воспринимается не иначе как посягательство на основы конституционного строя и требует активации соответствующих механизмов защиты (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) [1]. Красок на полотне весьма мрачной картины добавляет и возведенный в ранг нормы аксиологический дисбаланс, внутренне присущий юридическому интересу, заключающийся в необоснованном переносе ценностного акцента с Другого на свою самость путем предельного самоутверждения, что в сопряжении с практиками правопользования выражается в потребительской ориентации субъекта относительно соответствующих благ и ценностей и эгоизме (означенную противоправную интенцию весьма точно выражает известная фраза маркизы де Помпадур: «После меня хоть потоп»), онтологическим следствием чего выступает замыкание субъекта (конституционно-правовой солипсизм), однако на уровне конституционного текста не имеющее заверений в онтологической состоятельности. Последовательное развитие состояния конституционно-правового солипсизма детерминирует деактуализацию личностной сопряженности между Богом и человеком, что, в свою очередь, снимает конструктивные правовые следствия конституционной антропологии и придает формату правопользования квазиправовую модальность. Однако нигилизация духовного измерения человека как пользователя конституционными правами побуждает к

возврату на почву схоластической методологии и онтологии, деструктивные последствия которых были рассмотрены ранее...

А ведь заявленная нами ранее претензия на критическое осмысление концепта юридического интереса с позиций духовных оснований конституционализма удалась даже несколько более объемной, чем это предполагалось нами в начале пути, ведь к означенным основаниям национального конституционализма относится и его метод, и предложенное им онтологическое описание человека.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография / Н.С. Бондарь. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 528 с.;
3. Бородач М.В. Публичная собственность: опыт конституционно-правового осмысления : монография / М.В. Бородач ; под науч. ред. В.И. Крусса. М.: Норма, 2022. 576 с.;
4. Гайденок В.П., Смирнов Г.А. Схоластическая философия // История философии: Запад – Россия – Восток. Книга первая: Философия древности и Средневековья: Учебник для вузов / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2012. С. 249–332.
5. Гетманова А.Д. Учебник логики. Со сборником задач : учебник / А.Д. Гетманова. 8-е изд., перераб. М.: КНОРУС, 2011. 368 с.
6. Гурвич М.А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ. М., 1965. Т. 3. С. 62–117.
7. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь : Около 50 000 слов / И.Х. Дворецкий. 2-е изд. М.: Издательство «Русский язык», 1976. 1096 с.
8. Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории : монография / В. И. Крусс. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 240 с.
9. Крусс В. И. Теория конституционного правопользования / В. И. Крусс. М.: Норма, 2007. 752 с.
10. Малько А. В. Сущность, содержание и структура законного интереса // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах Том 3 / отв. ред. М. Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. С. 219–221.
11. Субочев В. В. Законные интересы / В. В. Субочев; под ред. А. В. Малько. М.: Норма, 2008. 496 с.

Об авторе:

БОРИСОВ Григорий Дмитриевич – студент 3 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: gdborisov@edu.tversu.ru

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК КОНСТИТУЦИОННО ЗНАЧИМЫЙ ИНТЕРЕС (В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ)

А.В. Воронин, М.В. Клейменова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблематика первоначального правового воспитания как конституционно значимого интереса, определяется значение первоначального правового воспитания субъектов, оказывающих конституционно значимую квалифицированную юридическую помощь. По мнению авторов, оптимальным вектором решения выявленных проблем является разработка соответствующей правовой базы.

Ключевые слова: первоначальное правовое воспитание, право на получение квалифицированной юридической помощи, конституционно значимый интерес.

Конституционно и методологически значимой предпосылкой формирования правового государства и гражданского общества в современной России выступает правовое воспитание, являющееся ценностно окрашенной деятельностью, компонентой дискурсивного процесса формирования правовой культуры населения. Будучи аксиологически детерминированной, такая деятельность имеет своей конечной целью утверждение в российском обществе в целом и в каждом его члене в частности идеи верховенства права, достижение высокого уровня осмысления каждым необходимости укрепления конституционного правопорядка, основанного на всеобщем уважении к правам и свободам человека и гражданина как высшей ценности в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации [1] (далее – Конституция РФ).

Дифференцируя правовое воспитание на первоначальное и последующее, следует отметить, что актуализация проблемы прежде всего первоначального правового воспитания как конституционно значимого интереса (в контексте реализации права на получение квалифицированной юридической помощи) связана с необходимостью укрепления российской государственности (неотъемлемым, хотя и опосредованным, элементом которой является человек) от различного рода деструкций, исходящих от потенциально опасных публично-правовых «соседей» (в широких кругах именуемых недружественными странами [5]), формированием неоднородной законотворческой практики по вопросу правового регулирования отношений по правовому воспитанию несовершеннолетних, конституционно-правовым реформированием 2020 года, одной из имманентных задач которого явилось обеспечение охраны прав и свобод наиболее молодых российских граждан.

Ввиду постановки детей, их прав и свобод под особую конституционно-правовую охрану государства (ч. 4 ст. 67¹ Конституции РФ) именно последнее как конституционно обязанный субъект по существу стоит у истоков первоначального правового воспитания лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Данный довод находит под собой логическое основание, ведь правовое воспитание на ранних стадиях развития личности имеет особое значение ввиду того, что именно в детском возрасте человек является максимально восприимчивым к усвоению норм и требований человеческого общежития. Как следствие меры по правовому воспитанию несовершеннолетних, с нашей точки зрения, должны приниматься как в кругу семьи, так и в образовательных кругах, ведь Российская Федерация в силу ч. 5 ст. 43, ч. 4 ст. 67¹ Конституции РФ, истолковываемых в их системной взаимосвязи, осуществляет построение системы правового воспитания в целом. Данный довод подтверждается и тем, что в настоящее время всё отчётливее прослеживается тенденция к совершению отдельно взятыми частными субъектами, период детства которых пришёлся преимущественно на 1990-е гг. (когда имел место общий социальный дефицит, включая дефицит правового воспитания), действий, явным образом подпадающих под признаки злоупотребления правом [7, с. 33], а именно правом на предоставление конституционно значимой квалифицированной юридической помощи (в ответ на потребность в реализации как неопределённым, так и вполне определённым кругом

субъектов права на получение такого рода помощи). Вышеуказанные права, содержательно воплощённые в положениях ст.ст. 34, 37, 46 Конституции РФ, в методологических целях выделены для последующей иллюстрации того, как отдельные личности своей инициативной деятельностью, не имеющей под собой достаточного право-воспитательного основания, попирают данные базовые возможности каждого.

Примером является случай, который произошёл в 2020 году с жительницей Тверской области. Во время пожара дом её семьи сгорел дотла, вследствие чего женщина приняла решение написать обращение в органы власти с просьбой помочь ей в сложившейся ситуации. Однако, не зная о том, как правильно составить подобный документ, данная гражданка была вынуждена обратиться за помощью в тверскую организацию, которая осуществляет деятельность по номинально бесплатному консультированию населения. В итоге заявительница получила пять недействительных заявлений в разные инстанции города, не имеющие полномочий разрешить её проблему. Составление каждого заявления стоило женщине порядка 2 000 руб., в то время как её зарплата составляла 12 200 руб. в месяц, а сама женщина являлась многодетной матерью [9].

В Конституции РФ и в Федеральном законе от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [3], правовое действие которого направлено на создание условий для получения бесплатной юридической помощи малоимущими и иными социально незащищёнными категориями граждан, установлены в наиболее общем виде основные гарантии реализации права граждан Российской Федерации на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи. Вместе с тем лица, явно не желающие в силу отсутствия у них необходимой право-культурной осведомлённости оказывать другим лицам содействие в реализации их прав и осознающие то, что многие люди и в современную эпоху являются недостаточно юридически грамотными (не разбираются в отдельных юридических нюансах и надеются на помощь профессионалов), явно злоупотребляют своим конституционным правом в целях монетизации своего «труда», личного обогащения.

Подобным образом осуществляли свою деятельность «медийные персонажи», фамилии которых Пашаев и Добровинский. В руках первого из указанных персон уголовно-правовая судьба известного российского актёра Михаила Ефремова, в руках второго – судьбы потерпевших по делу [6].

Исходя из изложенного, следует вести речь о конституционно значимых частном и публичном интересах в первоначальном правовом воспитании, являющемся первоосновой для пресечения подобного рода практик. Соответственно юридический интерес отдельно взятых частных субъектов состоит в том, чтобы получить от в достаточной степени право-воспитанных (прежде всего, первоначально) специалистов квалифицированную юридическую помощь. В свою очередь, ведя речь о публичном интересе, следует отметить, что он сводится к стремлению государства исполнить возложенную на него на конституционном уровне обязанность посредством создания целостного механизма правового регулирования общественных отношений, складывающихся по поводу осуществления первоначального правового воспитания, препятствующего возникновению у отдельно взятых личностей (в рассматриваемом контексте занимающихся оказанием конституционно значимой квалифицированной юридической помощи) соответствующих негативных девиаций.

Отсутствие надлежащих правовых средств, позволяющих упорядочить общественные отношения по первичному правовому воспитанию и определить более или менее идентичным образом порядок его осуществления и др., свидетельствует об отсутствии баланса вышеуказанных интересов.

Соответственно для того чтобы установить баланс между частными интересами в получении качественной юридической помощи и публичными интересами в выполнении обязанности по признанию, соблюдению и защите соответствующего конституционного права (а за рамками настоящего исследования по существу и других конституционных прав, ведь нередки негативные практики и в иных сферах: образовательной, медицинской и др.) необходимо создание соответствующей правовой базы.

По нашему мнению, основой для первоначального правового воспитания должен быть не только Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [4] и Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2], соответствовавший реалиям времени его принятия, но не в полной мере отвечающий потребностям современного российского общества. Соответственно наиболее оптимальным форматом комплексного решения проблемы отсутствия надлежащей правовой базы для осуществления соответствующего вида деятельности, а также проблемы установления баланса сопутствующих конституционно значимых интересов, является разработка и принятие Федерального закона, предусматривающего в наиболее общей виде порядок, в котором должно осуществляться первоначальное правовое воспитание, этапы его реализации, субъекты, ценностные постулаты и иное. Вполне вероятно, что в обозримом будущем, исходя из анализа приведённых ранее сюжетов, и Конституционный Суд Российской Федерации обозначит свою позицию по рассматриваемому вопросу.

Ведь только совместная работа государства и отдельных частных субъектов (родителей, педагогов, которые и вовсе, по справедливому замечанию основателя советской педагогики А.С. Макаренко, имеют возможность внушить детям теорию честности, теорию отношения к вещам своим, чужим и государственным с бесконечной убедительностью, с очень строгой логикой» [8, с. 136], и др.) позволит в будущем существенно повлиять на процесс формирования правовой культуры у несовершеннолетних вопреки влиянию извне (включая digital-культуру, в ряде случаев подменяющую (во всех значениях данного слова) настоящую), создав соответствующие правовые условия для каждого представителя молодого поколения (в том числе для усвоения несовершеннолетними глубоких знаний о праве), в особенности у тех, кто намерен связать свою жизнь с оказанием квалифицированной юридической помощи. Это же позволит уберечь право-воспитанных граждан от тех, кто уже в настоящее время строит планы по злоупотреблению обозначенным ранее конституционным правом.

Таким образом, можно сделать вывод, что в целях установления баланса конституционно значимых частного и публичного интереса в первоначальном правовом воспитании для обеспечения защиты конституционных прав человека и гражданина (практики реализации которых рассмотрены на примере отдельных из них) необходима разработка законодательного акта, всеобъемлющим и в то же время наиболее общим образом регулирующего общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления первоначального правового воспитания, в чём видится решение выявленных проблем.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Год спустя: как сейчас живет Ефремов и что говорят о деле актера его участники [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.m24.ru/articles/proisshestviya/08062021/158173?utm_source=CopуBuф, свободный (дата обращения: 10.04.2022).

7. Злоупотребление правом: учебное пособие / В.И. Красс. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 176 с.
8. Макаренко А.С. Сочинения. В 7 т. Т.5. Общие вопросы теории педагогики / Ред. коллегия: И.А. Каиров (глав. ред.) и др. 2-е изд. М.: АПН СССР, 1958. 558 с.
9. Ушлые юристы продают надежду жителям Тверской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tverigrad.ru/publication/ushlye-juristy-s-kolossalnoj-vygodoj-prodajut-nadezhdu-zhiteljam-tverskoj-oblasti/>, свободный (дата обращения: 24.03.2022).

Об авторах:

ВОРОНИН Алексей Витальевич – магистрант 2 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: alexvor1997@yandex.ru

КЛЕЙМЕНОВА Мария Валерьевна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: mvkleymenova@edu.tversu.ru

КОНСТИТУЦИОННО ЗНАЧИМЫЙ ИМУЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС КАК ПРЕДПОСЫЛКА СОЗДАНИЯ МЕХАНИЗМА ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ, ПРИЧИНЁННЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СМИ

А.В. Воронин, Е.А. Филиппов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблематика создания механизма возмещения убытков, причинённых деятельностью средств массовой информации Российскому государству, на основе соответствующего конституционно значимого имущественного интереса. Определяются перспективы создания соответствующей правовой базы и методологические ориентиры для её развития.

Ключевые слова: конституционно значимый имущественный интерес, механизм возмещения убытков, средства массовой информации.

В условиях становления цифрового общества неминуемо возрастает роль средств массовой информации (далее – СМИ), в ряде случаев рассматриваемых в качестве четвёртой – неконституционной (однако не антиконституционной) – ветви власти, что формально не следует признавать убедительным в контексте толкования ст. 10 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), но, безусловно, необходимо принимать во внимание при системном толковании норм ст. 2, ч.ч. 1, 2 ст. 3, ч. 5 ст. 13, ч. 5 ст. 29, ч. 3 ст. 55, ч. 3 ст. 67¹, п. «м» ст. 71, п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ [1].

Актуальность заявленной проблематики связана с активной вовлечённостью СМИ в информационную войну, разгоревшуюся на фоне противостояния России и ряда зарубежных государств, активным развитием цифровых технологий, обусловленным распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), недостаточностью правового регулирования общественных отношений, связанных с возмещением СМИ убытков, причинённых, прежде всего, Российской Федерации как публичному субъекту права.

СМИ, безусловно, играют важную посредническую роль в условиях цифровой экономики при обеспечении взаимодействия различных субъектов, а также (как правило, в определённых спекулятивных контекстах) формируют взгляды (мнения) на те или иные явления (чаще – товары, работы, услуги), что оказывает существенное влияние на репутацию отдельно взятых субъектов (преимущественно хозяйствующих), в результате чего последние несут частные убытки, что приводит к поправлению соответствующих конституционно значимых имущественных интересов, исходя из содержания ст. 34 Конституции РФ. При этом нормы ст.ст. 4, 51, 62 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ) [2] образуют конституционно-содержательно детерминированный механизм реализации вышеуказанных конституционных правоположений, в рамках которого определяются соответствующие пределы и указывается на недопустимость злоупотребления правом, а также правовые последствия, наступающие за нарушение данных правовых норм. Такими последствиями являются возникновение необходимости возмещения убытков и компенсации морального вреда (применительно к физическим лицам). Одновременно Гражданский кодекс Российской Федерации [3] (далее – ГК РФ) содержит коррелирующие с указанными положениями нормы, в которых конкретизируются формы и способы защиты права. Всё это образует механизм защиты соответствующих частных прав и частных интересов.

Анализ ординарной судебной практики свидетельствует о высокой эффективности в правовом регулировании вышеназванных вопросов.

Так, практическим примером является соответствующий судебный акт, которым был разрешён спор между юридическим лицом (коммерческим) и СМИ по поводу репутационного «подрыва», так называемое дело «Ресторатор из Владивостока против телеканала «Пятница!». В 2015 году общество с ограниченной ответственностью «Инфинити ФФ» (далее – ООО «Инфинити ФФ», являющимся собственником двенадцати ресторанов быстрого питания «Роял Бургер», в Арбитражный суд г. Москвы был подан иск против

редакции названного СМИ. Поводом к судебному разбирательству послужили утверждения, озвученные в передаче «Ревизорро: неизданное 1», которая была снята при посещении одного из «общепитов» сети. Тогда ведущая программы Елена Летучая заявила, что ресторан «травит людей машинным маслом», торты в нем «давным-давно испортились», а «все булочки для чикенбургеров и роялбургеров просроченные». ООО «Инфинити ФФ» посчитало, что своими словами указанное лицо довело до неопределенного круга лиц информацию, порочащую деловую репутацию заведения. Решение было вынесено в пользу истца [5].

Ещё одним примером является спор между «Альфа-банком» и издательским домом «Коммерсантъ». Кредитная организация в 2004 году подала иск к газете за нанесение репутационного и материального вреда. По данным РГ, предметом судебного разбирательства стала статья «Банковский кризис вышел на улицу», которая была опубликована 7 июля. В материале, в частности, говорилось о том, что кредитная организация испытывает «серьезные проблемы», при этом также описывались обстоятельства возникновения очередей в отделениях банка и к его банкоматам. Глава «Альфа-банка» Михаил Фридман потребовал обязать газету признать ответственность за публикацию недостоверных, по его словам, фактов, которые спровоцировали панику и нанесли существенный финансовый ущерб кредитной организации. Суд постановил взыскать с «Коммерсанта» 310,5 млн руб. в пользу банка [6].

Однако в настоящее время отсутствует публично-правовой механизм возмещения убытков, причинённых государству, хотя в его создании, по нашему мнению, существует необходимость.

Так, после выпуска в свет ряда «нелестных» статей о якобы геноциде России на территории Украины в отношении Российской Федерации были введены определённые санкции [7]. По формальным (внешним) признакам подобное схоже с причинением репутационного вреда и определённых экономических убытков (вызванного негативной динамикой курса валют) в цивилистической теории.

В настоящее время в рамках реализации дискреционных полномочий законодатель пришёл к выводу о необходимости введения соответствующей юридической ответственности за призывы к дискредитации российских Вооружённых Сил. Однако данные меры, по нашему мнению, являются недостаточными, несмотря на то, что в настоящее время даже в Тверской области имеются практики привлечения отдельно взятых субъектов «к ответу» и наложения, в свою очередь, на них публичных санкций. С нашей точки зрения, представляется целесообразным, руководствуясь соображениями разумности, исходя из системного толкования положений ст.ст. 19, 71 и инверсивного восприятия норм ст. 53 Конституции РФ, разработать правовую базу, являющуюся основой для возмещения вреда государству (посредством осуществления выплат в казну), предусмотрев в рамках отдельного законодательного акта соответствующие правовые основания, условия реализации мер ответственности, порядок и сроки осуществления выплат и иное. В современных условиях данная потребность явно прослеживается в том числе сквозь призму интенции конституционно осмысленных задач защиты прав и свобод человека и гражданина; обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных.

Ведь именно из необходимости дальнейшей законодательной модернизации исходил Конституционный Суд Российской Федерации при даче заключения о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [4].

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что в настоящее время существует потребность создания публично-правового механизма возмещения публичных убытков, причинённых деятельностью СМИ, для обеспечения безопасности человека, гражданина и Российской Федерации как публично-правового образования, признающего, соблюдающего и защищающего права и свободы человека и гражданина, в том числе от различного рода иногнетов и агрессивно настроенных «западных коллег». Ведь в основе

указанной потребности лежит конституционно значимый публично-правовой имущественный интерес, рассматриваемый в качестве предпосылки проведения соответствующих реформ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.07.2021) «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/03/17/ks-rf-popravki-dok.html>, свободный (дата обращения: 02.02.2022).

5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.12.2015 по делу № А40-41652/2015 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: sudact.ru/arbitral/doc/fcABJAEkIS5x/, свободный (дата обращения: 05.03.2022).

6. СМИ о суде // Арбитражный суд города Москвы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garweb.ru/project/mas/about/smi/2005/06/01/all.htm>, свободный (дата обращения: 07.03.2022).

7. Швейцария ввела пятый пакет санкций против России и Белоруссии // Investing.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.investing.com/news/economy/article-2148153>, свободный (дата обращения: 13.04.2022).

Об авторах:

ВОРОНИН Алексей Витальевич – магистрант 2 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: alexvor1997@yandex.ru

ФИЛИППОВ Егор Александрович – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: eafilippov@edu.tversu.ru

ОТКАЗ ОТ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ И ЗНАЧЕНИЕ

Н.Д. Дедоров, А.С. Олиниченко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассмотрены основные проблемы, с которыми сталкиваются производители и потребители платных и государственных медицинских услуг. Объект исследования является деятельность государственных и частных медицинских организаций.

Ключевые слова: здравоохранение, частные клиники, медицинские организации, ОМС, медицинская помощь, права человека.

Действующим законодательством закреплено, что организация охраны здоровья в Российской Федерации осуществляется тремя уровнями одной системы здравоохранения – государственной, муниципальной и частной, в которых осуществляется реализация прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Эффективность работы в сфере охраны здоровья обеспечивается взаимодействием данных уровней, которые дополняют друг друга и позволяют улучшить качество медицинской помощи. Необходимость поддержки и развития частной системы здравоохранения закреплена в ст. 41 Конституции РФ, в соответствии с которой государство обязано обеспечивать работу не только государственных и муниципальных медицинских организаций, но и частного здравоохранения, что также является важной дополнительной гарантией права граждан на охрану здоровья [1].

Медицинская помощь – это комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг. Данное определение закреплено в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон об охране здоровья) [2].

Также данный закон даёт дефиницию понятия медицинской организации. Под такой организацией понимается юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее в качестве основного (уставного) вида деятельности медицинскую деятельность на основании лицензии, выданной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности [2].

Таким образом, реализация права на медицинскую помощь может осуществляться не только в государственных или муниципальных учреждениях здравоохранения, но и путем обращения в частные медицинские организации.

Государственные и муниципальные медицинские организации нередко отказывают пациентам в плановом приеме по направлениям специалистов частного сектора здравоохранения.

В качестве причин отказа указываются:

- амортизационный износ оборудования;

- большая степень лучевой нагрузки персонала муниципальных медицинских организаций.

Вместе с тем бывают случаи, когда государственные медицинские учреждения игнорируют справки, анализы, заключения, рекомендации специалистов из платных (частных) медицинских клиник и назначают повторные анализы.

Подобное отношение вызывает закономерную негативную реакцию у представителей частной медицины и клиентов (пациентов).

В данных действиях, по нашему мнению, усматриваются признаки ущемления как прав юридического лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, так и законных прав и интересов граждан с точки зрения доступности медицинской помощи на территории Российской Федерации.

Это обусловило актуальность и необходимость медико-правового анализа сложившейся ситуации, задачей которого является установление следующих нарушений:

1. Нарушение прав пациента как гражданина РФ и субъекта гражданско-правовых отношений.

2. Нарушение прав гражданина РФ как специфического субъекта гражданско-правовых отношений – пациента.

3. Нарушение прав медицинских организаций частной формы собственности как юридического лица.

4. Нарушение прав сотрудника частной медицинской клиники.

В ст. 7 Конституции Российская Федерация провозглашена социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Конституционные права и свободы человека и гражданина гарантируются ст.ст. 17–64 Конституции согласно общепризнанным принципам и нормам международного права: Всеобщей декларации прав человека (Генеральная Ассамблея ООН, 1948 год), Декларации прав и свобод человека и гражданина (постановление Верховного Совета РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1). Главный конституционный принцип верховенства прав и свобод человека раскрыт в ст. 2 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ): «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Одним из приоритетных прав гражданина РФ в соответствии со ст. 41 Конституции РФ является право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. В Российской Федерации принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

Положения Конституции РФ нашли продолжение и развитие в последующих федеральных законах. Обращаясь в муниципальную медицинскую организацию, пациент имеет на руках направление (медицинское заключение), выданное надлежащим субъектом (в рассматриваемом случае – врачом частной медицинской клиники) гражданско-правовых отношений, объектом которых является профессиональная медицинская деятельность. Направление содержит обоснование медицинских показаний к проведению определенного объема диагностической помощи, и игнорирование его неправомерно, поскольку не существует дискриминационных требований в отношении права на профессиональную деятельность врача определенной системы здравоохранения.

В момент обращения пациента возникают самостоятельные отношения между муниципальным учреждением здравоохранения и гражданином РФ (пациентом) вне зависимости от отношений «пациент – частная клиника», «частная клиника – муниципальное медицинское учреждение».

Получить медицинскую помощь в рамках этих взаимоотношений можно платно либо в соответствии с Программой государственных гарантий оказания гражданам РФ бесплатной медицинской помощи (далее – Программа государственных гарантий), утвержденной постановлением Правительства РФ от 04.10.2010 № 782. Невозможность выполнить диагностические исследования в коммерческой клинике из-за отсутствия оборудования – частная составляющая рассматриваемого вопроса. Объективно проблема может быть решена путем приобретения клиникой необходимого оборудования, но это уже вопросы надлежащего выполнения руководством клиники своих должностных обязанностей по организации работы медицинского центра. При лечении конкретного пациента в силу специфики медицинской деятельности могут возникнуть ситуации, требующие проведения в интересах пациента диагностических исследований, не предусмотренных перечнем услуг частной медицинской клиники.

Таким образом, отказ муниципального медицинского учреждения в приеме пациентов по направлению врачей частной системы здравоохранения устанавливает ограничения на получение ими медицинской диагностической помощи, а также на реализацию права гражданина РФ на охрану здоровья. Следовательно, становится невозможной полноценная

реализация государством обязанности по соблюдению прав человека, что противоречит принципам Конституции РФ. Подобные запретительные меры нарушают конституционные принципы государственной гарантии равенства прав граждан (ст.ст. 2, 19, 41 Конституции РФ).

Отказываясь принять пациента по направлению частной клиники при наличии медицинских показаний, муниципальное медицинское учреждение также препятствует ее надлежащей деятельности, что противоречит принципу ст. 41 Конституции РФ (принятие мер по развитию частной системы здравоохранения) и может быть расценено как деятельность, не способствующая укреплению здоровья человека. Дискриминационные меры в отношении пациентов частных клиник противоречат принципу равенства всех форм собственности и свободного перемещения услуг. Кроме того, ст. 37.1 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан гласит: «Медицинская помощь оказывается в медицинских организациях, в том числе учрежденных физическими лицами, независимо от формы собственности, организационно-правовой формы и ведомственной подчиненности, получивших лицензию на медицинскую деятельность».

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) в своем определении от 03.07.2007 № 633-О-П указал, что в Российской Федерации принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения (статья 41, части 1 и 2). Реализация названных конституционных положений – в силу закрепленных в Конституции РФ принципов, согласно которым в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности; признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (статья 8), – должна обеспечиваться всеми возможными средствами, способствующими эффективному, качественному и оперативному предоставлению медицинских услуг, в том числе в условиях конкуренции – на основе свободного выбора гражданином медицинского учреждения или лица, оказывающего медицинскую помощь, при соблюдении равенства всех форм собственности в сфере здравоохранения. [3]

В июне 2002 года Конституционный Суд РФ принял определение, непосредственно затрагивающее вопросы оказания платной медицинской помощи [4]. Правовая позиция Конституционного Суда РФ закрепила положение, в соответствии с которым включение в механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с оказанием платных медицинских услуг, норм гражданского законодательства, не противоречит части 1 статьи 41 Конституции РФ, а, напротив, направлено на их обеспечение и создает – наряду с положениями других федеральных законов – необходимую правовую основу предоставления гражданам платной медицинской помощи.

В апреле 2002 года Верховный Суд Российской Федерации вынес решение, подтверждающее законность и легитимность оказания платных медицинских услуг [5].

Деятельность по оказанию платной медицинской помощи российское законодательство относит к предпринимательской деятельности, осуществляемой под публичным контролем, поэтому оно скрупулезно пытается урегулировать взаимодействие между государственными и частными медицинскими организациями. Одним из способов такого регулирования является появление у частных клиник возможности оказания населению услуг по полису обязательного медицинского страхования (ОМС). В эту программу частные организации очень хотят попасть, так как она хорошо финансируется. Что касается пациентов, то обычно по ОМС бесплатно оказывается только часть услуг, за остальное все равно приходится платить.

Вторым способом взаимодействия является государственно-частное партнерство, при котором государственная медицинская организация обращается к частным клиникам для предоставления пациентам возможности проходить диагностику или осуществлять лечение с использованием современного оборудования, которого нет в госучреждении.

Отток пациентов в частные организации далеко не всегда происходит по объективным причинам. В чем-то ограничено создание удобных условий в государственных организациях:

либо длительные «псевдоочереди», либо какие-то отсылки на то, что не хватает расходных медицинских материалов: зато, войдя в частную клинику, можно получить прямо сейчас, но за деньги. Между тем, есть программы государственной гарантии бесплатного оказания медицинской помощи, и они хорошо финансируются.

Частные клиники, как правило, имеют новое современное оборудование. И опять-таки, помощь на нем оказывается гражданам России, что само по себе хорошо.

Но важен еще один аспект: при включении частных клиник в систему ОМС государство не тратит средства на строительство объектов здравоохранения, их капитальный ремонт, оснащение оборудованием, не входящим в тарифы по ОМС. Это колоссальная экономия бюджетных средств, которые нельзя сбрасывать со счетов.

Значит, в частные клиники идут не вынужденно, а сознательно – за лучшим сервисом, за меньшими очередями и т.д. Значит, на это есть деньги. Значит, это становится значимым для людей. И это как раз положительный индикатор общественного развития.

Но главное все же в другом: граждане, обращающиеся в частные клиники, снижают финансовую нагрузку на общественное здравоохранение. Условно говоря, если половина всех граждан, которые лечились в государственных учреждениях, станут лечиться за плату в частных клиниках – в два раза снизятся все очереди, в два раза меньше потребуются финансовых средств (в два раза больше придется на оставшихся) и т.д.

Необходимо отметить, что предоставление регионам полномочий по регулированию сети частных клиник может привести не только к конфликтам между властью и бизнесом, но и к реальным потерям рабочих мест, налогов, страховых взносов и т.д.

Таким образом, говоря объективно, развитие частного здравоохранения выгодно государству.

Приоритетом является право граждан на выбор: воспользоваться ли своим правом на бесплатное получение медицинской помощи или правом на платные услуги.

Статья 19 основополагающего закона в сфере здравоохранения – Закона об охране здоровья – посвящена правам на медицинскую помощь. Она устанавливает:

«1. Каждый имеет право на медицинскую помощь.

2. Каждый имеет право на медицинскую помощь в гарантированном объеме, оказываемую без взимания платы в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также на получение платных медицинских услуг и иных услуг, в том числе в соответствии с договором добровольного медицинского страхования».

За несоблюдение гарантий граждан на получение платных (как и бесплатных) медицинских услуг предусмотрены меры ответственности.

Часть 2 ст. 9 Закона об охране здоровья устанавливает, что органы государственной власти и органы местного самоуправления, должностные лица организаций несут в пределах своих полномочий ответственность за обеспечение гарантий в сфере охраны здоровья, установленных законодательством Российской Федерации.

Право на платные медицинские услуги – это законодательное (и конституционное) право граждан, за ограничение которого должно следовать наказание. Важно, чтобы в рамках новой процедуры лицензирования это право не было нарушено [6, с. 589].

Таким образом, в Российской Федерации отказ в медицинской помощи по-прежнему остается серьезной проблемой, требующей объединения и сплоченности всех трех систем здравоохранения, так как они обеспечивают высшее неотчуждаемое благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Конституционного суда Российской Федерации № 633-О-П от

03.07.2007 «По жалобе гражданина Тимова Евгения Михайловича на нарушение его конституционных прав рядом положений Федерального закона «О радиационной безопасности населения» и Положения о лицензировании деятельности в области использования источников ионизирующего излучения» // СПС «Консультант Плюс».

4. Определение Конституционного суда Российской Федерации № 115-О от 06.06.2002 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

5. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 18.04.2002 № ГКПИ02-364 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Ошкордина А.А., Кивелева Н.Н., Брыксина Н.В. Развитие платных медицинских услуг в системе управления государственных учреждений // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9-3. С. 589–593.

Об авторах:

ДЕДОРОВ Никита Дмитриевич – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: nddedorov@edu.tversu.ru

ОЛИНИЧЕНКО Анна Сергеевна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: asolinichenko@edu.tversu.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ И ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННЫХ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЗ «О ПОЛИЦИИ»

Н.Д. Дедоров, А.А. Сорокина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются поправки в Федеральном законе «О полиции» с точки зрения их влияния на реализацию и защиту конституционных интересов граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционные интересы граждан РФ, органы полиции, сотрудники полиции, защита прав и свобод граждан, поправки в ФЗ «О полиции», гарантии защиты прав.

Как известно, защита конституционных частных и публичных интересов граждан Российской Федерации является для государства первоочередной обязанностью, равно как и поддержание мер, направленных на такую защиту. Законодатель уделяет особое внимание данному аспекту, что обуславливает издание новых актов, направленных на защиту прав и свобод граждан, общества и государства.

Обратим внимание, что в соответствии со статьей 104 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1] Правительство Российской Федерации 12.05.2020 внесло на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации проект № 955380-7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции»» [4]. Данный законопроект направлен на усиление гарантий защиты прав и законных интересов граждан, совершенствование практической деятельности сотрудников полиции по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений и иных правонарушений.

Большинство поправок носит юридико-технический и редакционный характер, но есть и фундаментальные изменения с точки зрения расширения возможностей сотрудников правоохранительных органов.

Предусматривается право полиции осуществлять вскрытие транспортного средства, в том числе проникновение в него, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также, в том числе, для спасения жизни граждан и для обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях.

Таким образом, если раньше сотрудникам правоохранительных органов надо было вскрыть машину, они могли сослаться на статью 15 Федерального закона «О полиции» [3], которая предусматривает вскрытие помещений и проникновение в них. Проблема в том, что в условиях правовой неопределенности насчет вскрытия транспорта действия полиции можно было оценивать по-разному. Без веских причин полицейским, в теории, за вскрытие личной машины могла грозить статья 286 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] об ответственности за превышение должностных полномочий.

При этом отметим, что Конституционный Суд Российской Федерации в Определениях от 21.05.2015 № 1182-О [5], № 1183-О и № 1184-О неоднократно указывал, что Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не регламентирует процедуры задержания и досмотра, которые – как меры принуждения, обеспечения подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий или достижения каких-либо целей оперативно-розыскной деятельности – данным Федеральным законом не предусмотрены. Не регламентирует он и порядок досмотра транспортного средства, а потому и не определяет права лиц (включая подвергнутых задержанию), в отношении которых проводятся указанные действия, осуществляемые в процедурах производства по делам об административных правонарушениях или уголовного судопроизводства.

Однако, раскрывая позицию Конституционного суда Российской Федерации об условиях допустимости как личного досмотра, так и досмотра транспортного средства по нормам Кодекса РФ об административных правонарушениях в качестве доказательства по уголовному делу, заметим, что Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев

жалобу гражданина С.А. Комарова, принял решение отклонить жалобу, сославшись на то, что гарантированное ст. 51 (ч. 1) Конституции РФ право не исключает возможность проведения различных процессуальных действий с участием подозреваемого или обвиняемого, как то: досмотр транспортного средства, а также использование документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и пр. в целях получения доказательств – при условии соблюдения установленной законом процедуры осуществления соответствующих действий, последующей судебной проверки и оценки полученных доказательств (ранее об этом указывалось Конституционным Судом Российской Федерации в Определениях от 16.12.2004 № 448-О, от 03.07.2007 года № 594-О-П, от 11.05.2012 № 673-О и др.).

Таким образом, из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 30.11.2021 № 2637-О следует, что досмотр транспортного средства законен, если будет соблюдена установленная законом процедура, алгоритм осуществления соответствующих действий [8]. Однако, данная позиция Конституционного Суда Российской Федерации не исключает возможность признания полученных доказательств недопустимыми, при нарушении указанной процедуры.

На сегодняшний день в законодательстве четко прописано, когда полиция может вскрыть машину, и как этот процесс должен проходить. Полиция сможет вскрыть машину в следующих случаях:

- 1) для спасения жизни граждан;
- 2) для обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях;
- 3) для задержания лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а также лиц, застигнутых на месте совершения ими деяния, содержащего признаки преступления, и (или) скрывающихся с места совершения ими такого деяния, и (или) лиц, на которых потерпевшие или очевидцы указывают как на совершивших деяние, содержащее признаки преступления;
- 4) для пресечения преступления;
- 5) для применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, если имеются основания полагать, что совершившее данное правонарушение лицо находится в состоянии опьянения;
- 6) для проведения осмотра транспортного средства и (или) груза, если имеются основания полагать, что в транспортном средстве находятся без специального разрешения предметы или вещи, изъятые из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособные;
- 7) для проверки сообщения об угрозе террористического акта;
- 8) для установления обстоятельств несчастного случая.

Четко с точки зрения исчерпывающего количества обстоятельств, дающих право сотрудникам правоохранительных органов вскрывать транспортные средства. Но стоит отметить весьма оценочные формулировки в этих случаях. На наш взгляд, формулировка «имеются основания полагать» является недостаточно конкретизированной и носит широкое поле для толкования.

Если внутри машины находится человек, полицейский обязан сначала представиться и объяснить причину, по которой намерен вскрыть автомобиль. Однако, если есть угроза для жизни и здоровья граждан либо самого полицейского, правоохранитель может не медлить и пропустить этот пункт.

Если при вскрытии автомобиля на месте не было собственника машины, полиция должна уведомить его о случившемся в течение суток. После вскрытия полиция также должна сделать так, чтобы в открытую машину не проникли посторонние, пока к ней не придет владелец. Далее заметим, что согласно законопроекту № 955380-7 полиция имеет право проводить оцепление (блокирование) территорий (в настоящее время – участков местности), жилых помещений, строений и других объектов. Здесь можно отметить Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.12.2020 № 49-П, где суд совершенно убедительным образом обозначил право граждан на свободное перемещение на территории Российской Федерации [7].

Жизнь и здоровье человека – высшее благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности, а потому забота об их сохранении и укреплении образует одну из основополагающих конституционных обязанностей государства. В связи с этим Российская Федерация возлагает на себя ответственность за обеспечение безопасности и благополучия населения, а реализация гражданами индивидуального по своей правовой природе права на свободу передвижения в условиях возникновения реальной общественной угрозы предполагает проявление с их стороны разумной сдержанности. Принятие государством в отношении данного права конституционно допустимых и вынужденных временных ограничительных мер прежде всего имеет направленность на самоорганизацию общества перед возникновением общей угрозы и тем самым является проявлением одной из форм социальной солидарности, основанной на взаимном доверии государства и общества, тем более что ограничение свободы передвижения по своим отличительным конституционным параметрам не тождественно ограничению личной свободы.

Кроме того, устанавливается, что полиция имеет право обозначать доступными средствами, в том числе визуальными, места совершения преступлений, административных правонарушений, места происшествий, места проведения публичных и массовых мероприятий, территории и объекты, нахождение граждан на которых ограничено или представляет угрозу для их безопасности, а также осуществлять временное ограждение указанных мест и объектов.

Здесь хотелось бы отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 17.03.2017 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина В.И. Сергиенко» [6], выявляя конституционно-правовой смысл положения статей Федерального закона «О полиции», обратил внимание на определенный ряд решений Европейского суда по правам человека, которые, в свою очередь, обязывают государство и его правоохранительные органы выполнять наложенные на них задачи, которые необходимы в любом демократическом обществе в интересах общественного порядка и своей нацбезопасности, в целях предотвращения преступлений и беспорядков, для реализации и защиты конституционных частных и публичных интересов граждан.

В завершение можно сделать вывод, что на сегодняшний день невозможно однозначно утверждать об усилении прав граждан при принятии законопроекта, поскольку сотрудники правоохранительных органов в большей степени смогут ограничивать права граждан, усилится степень вмешательства в сферу личных интересов, частной жизни. С другой стороны, справедливо, что правоохранительные органы только путем ограничений прав одних лиц, которые уже начали совершать посягательства на охраняемые законом порядки, могут защитить права и интересы других лиц. Получается, что расширение полномочий полиции должно привести к усилению защиты прав граждан и их интересов, которые гарантируются государством и защищаются в ходе практической деятельности сотрудников полиции, а к нарушителям незамедлительно применяются санкции, правомерность которых также остается оценочной категорией на момент пресечения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Законопроект № 955380-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции»» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/955380-7>, свободный (дата обращения: 10.05.2022)
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.05.2015 № 1182-О

«Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гурьянова А.В. на нарушение его конституционных прав ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.03.2017 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» в связи с жалобой гражданина В.И. Сергиенко» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности пп. 3 п. 5 постановления Губернатора МО «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2021 № 2637-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Комарова С.А. на нарушение его конституционных прав положениями п. 3 ст. 48 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и ст. 27.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторах:

ДЕДОРОВ Никита Дмитриевич – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: nddedorov@edu.tversu.ru

СОРОКИНА Анна Алексеевна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: anna_sorokina2003@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ИНТЕРЕСЫ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.В. Змеу, М.Ю. Соловьёва

ФГБОУ ВО «Тверской Государственный Университет», г. Тверь

В статье исследуется проблематика юридически значимых интересов в сфере информационной безопасности Российской Федерации. На основе положений действующего российского законодательства определяются перспективы обеспечения сохранности информации. Определяются возможные пути решения имеющихся проблем.

Ключевые слова: юридически значимые интересы, информационная безопасность, правовое регулирование, права и свободы.

Появление и стремительное развитие компьютерных технологий, вычислительной техники и многофункциональных устройств как средств для обработки, хранения и передачи информации, всеобъемлющая автоматизация производственных процессов привели к информатизации жизни общества. Процесс информатизации, в свою очередь, характерен для информационного общества. Информационное общество постоянно совершенствует искусственно созданную среду-информационную сферу. Информационная сфера представляет собой «совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-коммуникационной сети «Интернет», сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений» [2]. Становление данной сферы привело к тому, что одну из главных ролей в развитии современного государства играет информация, сохранность и целостность которой сказывается на стабильности государства и благополучии его граждан. Таким образом, в современных условиях всеобщей информатизации и развития информационных технологий резко обостряется проблема обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. Именно поэтому информационная безопасность в настоящее время выступает в качестве одного из наиболее значимых интересов в юридической сфере.

Термин «информационная безопасность» в существующем законодательстве РФ понимается как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства» [2]. Значимость обеспечения информационной безопасности была отмечена главой государства: «Все последние годы мы отмечаем рост угроз в сфере информационной безопасности» [4]. При этом В.В. Путин указывал на необходимость концентрации усилий в целях обеспечения защищенности России от угроз в информационной сфере: «По мере бурного развития цифровых технологий мощь такого информационного оружия, безусловно, будет только нарастать. Нам нужно это не просто учитывать, а соответствующим образом, с опережением, строить работу по защите интересов России» [4]. Существует огромное количество всевозможных источников угроз информационной безопасности Российской Федерации. Данные источники можно разделить на внешние и внутренние.

К внешним источникам можно отнести: деятельность различных иностранных структур, направленная против интересов РФ в информационной сфере; стремление ряда стран к доминированию и умалению интересов России в мировом информационном пространстве; деятельность международных террористических организаций и другие.

К внутренним же источникам относятся: неблагоприятная криминальная обстановка, характеризующаяся стремлением к овладению конфиденциальной информацией, коммерческой тайной и иной информацией, доступ к которой ограничен конкретным кругом

лиц, что ведёт к подрыву стабильности государства в информационной среде; недостаточная степень автоматизации отечественных отраслей промышленности; низкий уровень заинтересованности отечественных субъектов экономической сферы в разработке, создании и внедрении востребованных технологичных продуктов и другие.

Осознание степени важности обеспечения устойчивости Российской Федерации в области информационной безопасности привело к созданию определенного фундамента нормативно-правовых актов, регулирующих данную область. Впервые интересы России в информационной сфере в качестве составной части национальной безопасности были упомянуты в Указе Президента РФ «О концепции национальной безопасности Российской Федерации» от 10.01.2000 № 24. Далее основополагающим документом, «определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты РФ, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития РФ на долгосрочную перспективу» [3] стала Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683, в рамках которой информационная безопасность еще не выступала в качестве отдельного направления государственной политики. Лишь в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утверждённой указом Президента РФ от 02.07.2021 информационная безопасность была выделена в качестве нового приоритета национальной безопасности, в то время как ранее она входила в приоритет «наука, технологии и образование». Данный факт указывает на рост потенциальных и реальных угроз, ставящих Российскую Федерацию в уязвимое положение не только по отношению к другим государствам, но и к мировому информационному пространству в целом.

Всё же следует сделать акцент на том, что созданная и функционирующая в настоящее время система регулирования информационной безопасности нашего государства базируется на положениях Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ). В ней закреплены основные юридически значимые права и свободы граждан в информационной сфере. Так, обратившись к тексту Основного закона РФ мы сможем заметить, что:

- Конституция РФ гарантирует право каждого гражданина свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29, ч. 4).

- Конституция РФ гарантирует свободу массовой информации и запрещает ее цензуру (ст. 29, ч. 5).

- Согласно Конституции РФ каждый гражданин наделён правом на неприкосновенность частной жизни, сохранность личной и семейной тайны (ст. 23, ч. 1). Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ст. 24, ч. 1).

- В Конституции РФ каждому гарантируется свобода мысли и слова (ст. 29, ч. 1), свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества (ст. 44, ч. 1).

- Ст. 24 Конституции РФ обязывает органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностных лиц обеспечивать каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом [1].

Эти и иные положения напрямую дают нам представление о том, что обеспечение безопасности информации, в первую очередь относящейся к личности, является основополагающей задачей государственной деятельности, которая занимает одно из лидирующих положений среди всех юридических интересов. В то же время гарантирование свободы и защиты личности в информационной среде должно входить в баланс с интересами граждан, общества и государства в целом. Именно поэтому в соответствии с Конституцией РФ на территории России запрещено распространение информации, которая может пагубно или разрушительно сказаться на суверенитете, целостности и независимости Российской Федерации (к таковой можно отнести информацию, изменяющую память о прошлом, фальсифицирующую историю страны, нарушающую связь поколений и подрывающую единство российского народа и др.). Несмотря на достаточно обширное нормативное

регулирование сферы информационной безопасности в Конституции РФ, наиболее актуальные и востребованные, в том числе с точки зрения юридических интересов, направления государственной политики в данной сфере представлены в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утверждённой указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016. Доктрина содержит «прямое указание на то, что общественные отношения в области обеспечения информационной безопасности как никогда нуждаются в правовом регулировании в связи с динамикой развития информационного общества, институализацией правовых институтов в области обеспечения информационной безопасности, являющейся важной составляющей национальной безопасности Российской Федерации» [5, с. 89]. Данный нормативно-правовой акт в качестве национальных интересов по обеспечению информационной безопасности выделяет следующие: обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в сфере, связанной с распространением информации, развитие в Российской Федерации отрасли информационных технологий и электронной промышленности, участие в формировании системы международной информационной безопасности и др. При этом следует отметить и то, что правовое обеспечение информационной безопасности Российской Федерации должно базироваться прежде всего на соблюдении принципов законности, баланса интересов граждан, общества и государства в информационной сфере. Реализация данных принципов особым образом актуализируется при осуществлении поставленных в Доктрине стратегических целей и направлений обеспечения информационной безопасности.

Следует сказать о наиболее значимых направлениях обеспечения информационной безопасности: «нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества»; «противодействие использованию информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии»; «повышение защищенности критической информационной инфраструктуры и устойчивости ее функционирования»; «обеспечение защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, иной информации ограниченного доступа», «нейтрализация информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и другие.

Таким образом, мы видим, что основные направления государственной политики по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации довольно четко определены и сформулированы в рассмотренной Доктрине. Причём стоит отметить, что подобного рода документы, регулирующие деятельность в сфере информационной безопасности, появились среди отечественных законодательных актов относительно недавно, что говорит о действительном росте юридической значимости интересов Российской Федерации в данном направлении.

Всё же, хотя уровень нормативно-правового регулирования информационной безопасности достаточно высок, можно выделить некоторые современные проблемы, стоящие перед Российской Федерацией в данной области, а именно: постоянно растущее число мошенников, завладевающих конфиденциальной информацией с целью хищения денежных средств с банковских счетов; попадание личной информации граждан, помогающей идентифицировать их личность, в руки мошенников с целью создания различных поддельных документов; рост опасности, которую несут кибератаки на стратегически важные информационные ресурсы государства; возрастание уязвимости порталов государственных услуг и иных цифровых платформ, взаимодействующих с гражданами, перед угрозой завладения конфиденциальной информацией посторонними лицами и другие.

В качестве основных путей разрешения проблем, можно рассмотреть следующие: разработка наиболее эффективных механизмов предупреждения, предотвращения и ликвидации последствий кибератак на стратегически важные информационные ресурсы государства; усовершенствование законодательства в области юридической ответственности за совершение нарушений в сфере информационной безопасности; привлечение новых специалистов к созданию отечественных независимых информационных ресурсов,

способных реализовать национальные интересы; создание более надёжной системы защиты порталов государственных услуг, содержащих информацию с ограниченным доступом и другие. В любом случае, достаточно затруднительно определить конкретные способы решения тех или иных проблем, возникающих в сфере обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, но необходимо заметить, что они должны представлять собой совокупность правовых, технических и организационных методов.

Если же рассматривать дальнейшие перспективы состояния информационной безопасности Российской Федерации при нынешнем уровне развития законодательства в данной области, можно предположить, что Россия с трудом сможет занять лидирующие положения среди других государств по степени защищённости информационных ресурсов. В случае, если наиболее актуальные и важные проблемы будут учтены и хотя бы частично разрешены руководящими органами государственной власти, Российская Федерация получит шанс достичь высокого уровня защиты в информационной сфере.

В заключение необходимо сказать, что в настоящее время важность и значимость обеспечения информационной безопасности в связи с непрерывным развитием технологий и компьютерной техники постоянно возрастает. Вместе с этим увеличивается и число юридических интересов, касающихся данной тематики. Их разработка и дальнейшее претворение в жизнь безусловно зависит от деятельности законодателя, которая, в первую очередь, должна соответствовать интересам государства и его общества.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Костылева Т. Информационная безопасность в обновлённой Стратегии национальной безопасности России выделена как приоритетное направление // «Digital Russia» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://d-russia.ru/informacionnaja-bezopasnost-v-obnovljonnoj-strategii-nacionalnoj-bezopasnosti-rossii-vydelena-kak-prioritetnoe-napravlenie.html>, свободный (дата обращения: 29.01.2022)

4. Латухина К. Щит, меч и цифра // Banki.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=10917893>, свободный (дата обращения: 29.01.2022).

5. Полякова Т.А., Савенкова Д.Д. Актуальные проблемы юридической ответственности в сфере обеспечения информационной безопасности (понятие, основания возникновения, виды) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 3. С. 88–94.

Об авторах:

ЗМЕУ Михаил Васильевич – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: mvzmeu@edu.tversu.ru

СОЛОВЬЁВА Маргарита Юрьевна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: mysoloveva@edu.tversu.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АНОНИМНОСТИ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

В.И. Красавина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются проблемные аспекты существования анонимности в сети «Интернет». Описываются организационно-технологические и юридические проблемы обеспечения анонимности пользователям. Анонимность как естественное явление в цифровом пространстве не получила необходимой научной и правовой оценки, в связи с чем подвергается лишь точечному и зачастую непоследовательному правовому регулированию. Целью статьи является исследование проблематики сетевой анонимности с последующим выяснением перспектив развития данной сферы.

Ключевые слова: анонимность, цифровизация, интернет, права человека, шифрование, сеть, цифровое пространство.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ), а именно статьи 23, 24, 28 и 29 напрямую касаются защиты прав человека, связанных с его частной жизнью, взглядами и мыслями. Анонимность в Интернете – это возможность пользователя сети ощущать действительную свободу выражения мнений без угрозы раскрытия личности [1].

Сегодня реальность во многом заменяется цифровым пространством. С невообразимой скоростью происходит развитие технологий, разрабатываются новые механизмы и системы, которые нацелены облегчить нашу жизнь и сделать ее более рациональной. Актуальность данной темы очевидна, ведь день за днем растут запросы общества в аспекте регламентации общественных отношений, складывающихся на платформах глобальной сети. А объем цифровой информации в мире удваивается каждые два года. По большей части это личные данные пользователей, поэтому в этой статье исследуются актуальные проблемы обеспечения анонимности, а также рассматриваются ее дальнейшие перспективы развития в Интернете.

Одним из феноменов современного общества является анонимность пользователей Интернета. Интернет благодаря своим свойствам и предоставляемым возможностям послужил причиной определенной девальвации не только анонимности, но и в целом права на неприкосновенность частной жизни [7, с. 111–121].

Цифровая эпоха отличается стремительным развитием технологий, ускорением процессов сбора, обработки и распространения информации, что, с одной стороны, позволяет сформировать высочайшие стандарты обеспечения реализации права на информацию, упростить взаимодействие субъектов в рамках правоотношений различных категорий, с другой стороны – формирует новые вызовы общественным отношениям, социальным регуляторам, в том числе праву. Развитие Интернета оказывает серьезное влияние на реализацию прав и свобод человека, традиционные правовые регуляторы зачастую теряют эффективность в цифровом пространстве.

В настоящее время в мире существует довольно много средств, форм и способов общения, и немалая часть из них так или иначе связана с современными техническими возможностями, которые, в частности, представлены использованием глобальной компьютерной сети – «Интернет». Он объективно глубоко интегрирован в нашу жизнь, что, возможно, не найдется уже той области, где он не был бы задействован в той или иной мере. Коммуникативные возможности Интернета используются в науке, политике, экономике, образовании и даже в государственной деятельности [6, с. 1–3].

Проблемы сетевой анонимности обсуждаются в настоящее время очень активно как на законодательном уровне, так и пользователями данной Всемирной паутины. Любая анонимность в сети определяется как единство человека и технологии, позволяющее создавать ситуацию, при которой субъект, в том числе субъект онлайн – кооперации пользователей сети «Интернет», выступает как неизвестное лицо или под псевдонимом.

Для начала необходимо разобраться, что же такое анонимность и что она из себя представляет. «Анонимным называется что-либо без указания имени того, кто пишет, сообщает, о чем-либо без подписи» [8]. Текущее определение описывает саму сущность

указанного понятия. На просторах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» можно наблюдать, что существует множество кардинально противоположных взглядов на существование анонимности, каждое мнение из которых значимо и имеет под собой сильную аргументационную базу.

Говоря об актуальных проблемах, связанных с анонимностью в сети, стоит начать с нарастающей опасности и угроз для экономики (в том числе цифровой экономики), частных лиц и всего государства в целом. С бурным развитием Интернета и «пронизывающих нашу жизнь насквозь» информационных сетей учащаются попытки кибератак и иных интернет-преступлений. Данные проблемы несут за собой определенные серьезные последствия в виде причинения различных убытков, а также краж персональных данных и подрыва национальной безопасности государств. Безусловно, государства пытаются противодействовать цифровой преступности.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин уделил данной проблеме внимание в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации. Подписан Указ от 10.05.2017 [5], в котором определяется, что для развития Интернета и коммуникационной инфраструктуры в России необходимо создать «такие механизмы партнёрства», чтобы они выработали «систему доверия, которая исключит анонимность, безответственность пользователей и безнаказанность правонарушителей в Интернете». Согласно документу система доверия также должна обеспечивать конфиденциальность и личную безопасность пользователей. Данный документ определяет политику России в период с 2017 года по 2030 год.

Другой актуальной проблемой анонимности является то, что она способствует осуществлению незаконной деятельности через Интернет. Данный механизм является препятствием для привлечения к ответственности виновных лиц и поимке преступников. На сегодняшний день противоправные действия могут осуществляться из любой точки мира, а выяснить местоположение нарушителей уголовного и иного российского законодательства практически невозможно. Также нередки случаи образования анонимных сект, банд и группировок в сети, которые также занимаются противоречащей закону деятельностью.

Еще одна проблема в том, что анонимная сеть является сегментом, где можно узнать любую информацию, а также приобрести любой товар. Данная среда работает с частными и закрытыми сетями, использующими только проверенные соединения, пароли, шифры, все процессы на которых происходят, конечно же, анонимно. Так, свое распространение получил нелегальный бизнес. Сейчас анонимность в сети способствует обороту наркотических средств, поддельных документов, оказанию криминальных услуг и всему подобному.

Но нельзя говорить о том, что анонимность имеет лишь негативный окрас. Владимир Владимирович Путин, проводя встречу со своими доверенными лицами в Гостином дворе, обозначил анонимность в сети как демократию. Действительно, ведь анонимность можно охарактеризовать как свободу, а именно свободу действий, мыслей и слов. Анонимность онлайн означает неограниченность в свободе слова, посредством использования различных псевдонимов пользователи свободно имеют возможность высказывания собственного мнения, обсуждения каких-либо личных вещей, не подвергаясь суждению или иной негативной реакции со стороны других. Онлайн анонимность открывает доступ для свободного передвижения и существования в Интернете, делает возможным создание интернет-личности.

Говоря о самом ценном, а именно о персональных данных пользователей в сети, хакеры постоянно пытаются заполучить доступ к различной секретной информации, данным карт и паролям. Анонимность, хоть и не в полной мере, но предотвращает попытки взлома и похожих операций в сети.

С учетом преимуществ выше можно сделать вывод о том, что для большинства пользователей сети анонимность имеет очень большое значение.

Стремительное развитие цифровых технологий вызывает необходимость правового регулирования новых норм и форм правоотношений, совершенствования законодательства в сфере реализации и защиты прав человека, а также установления правовых ограничений с целью обеспечения безопасности в интернет-пространстве и защиты национальных интересов государств.

Законодательная деятельность в отношении Интернета постепенно активизируется. На сегодняшний день приоритетными областями законодательной деятельности являются защита частной жизни, данных о пользователях, защита интеллектуальной собственности, а также противодействия киберпреступности.

Следует обратиться к понятию персональных данных, чтобы понять, какая информация может находиться под угрозой. Согласно Федеральному закону от 27.07.2007 № 152-ФЗ «О персональных данных» «персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» [4].

Представляется правильным проанализировать анонимность в Интернете с точки зрения права. В соответствии с п. 1 ст. 19 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) гражданин вправе использовать псевдоним (вымышленное имя). Законом предусмотрено также право автора произведения использовать или разрешать использование произведения под своим именем, под вымышленным именем (псевдонимом) или без указания имени, т.е. анонимно (п. 1 ст. 1265 ГК РФ). Индивидуализация физического лица осуществляется, прежде всего, по его имени. Оставаться анонимным, являясь участником гражданских правоотношений, субъект может только в ограниченных случаях, определяемых законом, а вот Интернет предоставляет для анонимных отношений большие возможности [2].

Именно поэтому согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» лицо несет гражданско-правовую ответственность за распространение информации, ограниченной или запрещенной федеральными законами, в двух случаях. Во-первых, если лицо, оказывая услугу по передаче информации, изменяет и исправляет информацию; во-вторых, если, оказывая услугу по хранению информации и обеспечению доступа к ней, знает о незаконности распространения информации (п. 3 ст. 17) [3].

Говоря именно о реализации сетевой анонимности в России, следует отметить, что на сегодняшний день внутренняя политика органов публичной власти Российской Федерации развивается по направлению к «сужению» спектра анонимных действий в сети «Интернет» для российских граждан.

Интернет является огромной платформой обсуждения политики, экономики, да и просто насущных тем. Пользователи сети, осуществляя свою деятельность на цифровых площадках, всегда задумываются о своей безопасности, прибегая к помощи шифрования или анонимности. Данные методы позволяют оградить частную жизнь пользователей от вмешательства, а также защищают их.

Глобальная сеть дает уникальную возможность для реализации права на свободу мнения и его выражения. Вопрос о безопасности пользователей и возможности обезопасить себя в онлайн среде крайне важен, и решение данной проблемы надо начинать с государственного уровня.

Если рассматривать практику относительно анонимности в сети отдельных государств, таких как Бразилия, Германия, Австрия, Норвегия и Ирландия, можно заметить положительный пример того, что некоторые государства законодательно обеспечивают своим гражданам защиту анонимности и не препятствуют шифрованию. В ряде других стран, таких как Канада, Великобритания, Нидерланды, Северная Ирландия и Швеция, правительство даже финансирует подготовку специалистов, владеющих технологиями шифрования и анонимности, чтобы таким образом помочь гражданам самостоятельно повысить свою онлайн безопасность [9].

В то же время, вслед за Китаем и странами мусульманского мира, российские власти видят в анонимности только неблагоприятное влияние и стараются уменьшить спектр анонимных действий в сети [9].

Ведь процесс цифровизации – это беспрецедентное наступление на личное пространство человека, размывающее границы между публичным и частным, создающее угрозу привычному ходу вещей.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать несколько выводов, главным из которых является то, что полная анонимность возможна только в случае абсолютного ограничения человека от информационных сетей. Абсолютной конфиденциальности в сети «Интернет» на данном этапе развития цифрового пространства достичь нельзя.

Несмотря на то, сколько бы ни дискутировали ученые и практики о вреде или пользе анонимизации в сети, однозначного ответа нет, это достаточно дискуссионный вопрос, ведь интересы у всех разные, и каждый из приверженцев своей позиции всегда будет сторонником собственных ценностей.

Говоря о проблеме регулирования поведения пользователей в сети и всего оборота персональных данных в целом, можно сказать, что анонимность в сети подвергается лишь точечному и зачастую непоследовательному правовому регулированию. Стремительное развитие цифрового пространства, различных технологий несет за собой необходимость регулирования новых форм правоотношений с целью защиты прав человека. Также стоит обратить внимание на необходимость создания особых ограничений с целью обеспечить безопасность в «интернет-пространстве».

Остро стоит необходимость в глобальном масштабе выработки новых подходов к защите прав пользователей, а обилие приемов шифрования и анонимизации доказывает сомнительную практическую ценность таких ограничений с точки зрения обеспечения прав человека и гражданина, и прежде всего права на доступ к информации, речь о котором идет в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ [1].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 30.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Ивлиев П.А. Анонимность в интернете: проблемы и особенности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук Самарского государственного экономического университета. 2019. С. 1–3.
7. Мочалов А.Н. Парадокс анонимности в Интернете и проблемы ее правового регулирования // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 111–121.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова. 1949-1992 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/ozhegov.php>, свободный (дата обращения: 29.01.2022).
9. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, David Kaye (A/HRC/41/35/Add.2). Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, Дэвид Кей. Объединенные нации. Цифровая библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/1304394>, свободный (дата обращения: 29.01.2022).

Об авторе:

КРАСАВИНА Виктория Ивановна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: vkrsvn-v28@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА БЕСПЛАТНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ОТ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ

Е.А. Кувшинова, Д.Н. Лысова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассмотрена актуализация вопроса о формировании системы дистанционной юридической помощи на базе учреждений социального обслуживания и кризисных центров для защиты и охраны детей от семейно-бытового насилия. Обоснована необходимость внесения изменений в законодательство о системе оказания бесплатной юридической помощи. Приведена статистика жестокого обращения с детьми и случаев домашнего насилия как обоснование необходимости создания инструмента обращения несовершеннолетних в специализированные социальные организации.

Ключевые слова: права ребенка, жестокое обращение с детьми, бесплатная юридическая помощь, оказание дистанционной юридической помощи, организации социального обслуживания.

Проблема защиты прав ребенка в настоящее время является одной из самых актуальных, так как, несмотря на признание обществом необходимости реализации защиты прав и интересов детей, эта проблема так и не была решена полностью. Ребенок в принципе стал рассматриваться в качестве носителя прав только в середине прошлого столетия, что можно «подкрепить» словами, взятыми из работы Марии Монтессори – итальянского врача и педагога XIX века: «Ребенок является воспроизведением взрослого, который владеет им так, как если бы он был частью собственности. Раб никогда не был такой собственностью своего хозяина, как ребенок – родителей... Ребенок никогда не рассматривался как отдельный организм с различными потребностями, которые необходимо удовлетворять для того, чтобы добиться высочайших результатов в жизни» [9, с. 57–58]. Женевская конвенция 1924 года, вновь утверждённая Генеральной Ассамблеей Лиги Наций в 1934 году, – первый международный документ, закрепивший в себе права детей.

Что же понимается под «правами ребенка»? В.И. Абрамов кратко трактует это понятие таким образом: ребенок имеет такие же права как взрослый человек, только с учетом возраста [7, с. 250]. То есть это некий свод прав детей, которые закреплены в нормативных актах.

Права ребенка являются обязательным компонентом современного общества, и соблюдение этих прав говорит о гуманности и оптимальном отношении к будущему поколению и будущему своей страны. Поэтому проблема защиты прав ребенка представлена на международном уровне и в рамках национального законодательства Российской Федерации. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1] основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Ребенок является полноправным членом общества, однако он не является полностью дееспособным лицом. В связи с этим в ст. 7 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» определены субъекты, содействующие в реализации и защите прав и свобод ребенка до достижения им полной дееспособности [3]. К ним относятся: органы государственной власти РФ, органы государственной власти субъектов РФ, родители ребенка (лица, их заменяющие), педагогические, медицинские работники и другие специалисты. И О.В. Бутько, в свою очередь, отмечает, что «право ребенка представляет собой комплекс взаимообусловленных правомочий ребенка, родителей, воспитателей, органов государственной власти и местного самоуправления» [8, с. 212].

Однако несмотря на то, что дети являются такими же полноправными членами общества, существуют факты нарушения их прав. К сожалению, домашнее насилие в отношении детей не является редкостью, оно носит глобальный характер и в результате приносит серьезные пожизненные последствия. Согласно статистике Всемирной организации здравоохранения: «1 из 5 женщин и 1 из 13 мужчин сообщают о том, что в

детстве они подвергались актам сексуального надругательства» [10]. Жестокое обращение с детьми охватывает все типы физического и эмоционального жестокого обращения, сексуального насилия, пренебрежения, невнимания и эксплуатации в коммерческих или иных целях, что приводит к нанесению реального или потенциального вреда здоровью, выживаемости, развитию или достоинству ребенка в контексте взаимосвязи ответственности, доверия или власти. Ребенок имеет право на защиту своих прав и право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей. При нарушении прав и законных интересов ребенка, при злоупотреблении родительскими правами, жестоком обращении ребенок вправе обратиться за их защитой в орган опеки и попечительства при администрации района, а по достижении 14 лет – в суд [2].

Право на получение помощи на бесплатной для заявителей основе предоставлено лишь ограниченному перечню социально незащищенных граждан в соответствии с Федеральным законом 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [5], к которым ребенок в широком смысле слова (как член семьи, как несовершеннолетний гражданин) без уточняющих социальных признаков (инвалидность, сиротство, содержание в специализированных учреждениях) не относится. Ребенок как член семьи, в которой присутствует домашнее насилие – отдельный субъект правоотношений, выступающий самостоятельно и требующий представительства не собственными родителями, а специализированными должностными лицами, имеющий право на получение юридической помощи бесплатно в силу зачастую абсолютной невозможности получения ее на платной основе из-за отсутствия собственных средств. Представляется необходимым включение «несовершеннолетних» в качестве отдельных субъектов, имеющих право самостоятельного обращения за бесплатной юридической помощью, что будет являться первым шагом к созданию системы оказания дистанционной правовой помощи несовершеннолетним жертвам насилия в семье. В соответствии с Федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» вопросы организации социального обслуживания граждан относятся к полномочиям субъектов Российской Федерации [4].

Деятельность организаций социального обслуживания, предоставляющих социальные услуги гражданам (семьям с детьми, женщинам, несовершеннолетним), в том числе пострадавшим от семейного насилия, жестокого обращения, на федеральном уровне регулируется Федеральным законом от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [6].

В отношении граждан, пострадавших от семейного насилия, проводится системная работа, направленная на профилактику семейного неблагополучия, а также предоставляется комплексная помощь всем членам семьи, нуждающимся в помощи и пострадавшим от семейного насилия. При этом представляется, что наименее защищенным в конфликтной ситуации является несовершеннолетний член семьи, который находится в прямой зависимости от родителей или иных законных представителей, не имеет заработка и собственных средств к существованию. Он может быть лишен права самостоятельного общения с родственниками, соседями, знакомыми, и таким образом – возможности быть услышанным, семья может быть закрыта от посторонних, что является причиной сокрытия фактов насилия и их позднего обнаружения. В случае семейно-бытового насилия наиболее важным представляется не только психологическая помощь ребенку в целях восстановления его психического здоровья, медицинская помощь для обеспечения физического здоровья, но также минимизация повторения стрессовой ситуации и защита ребенка от последующих посягательств. В настоящее время единственно действенным способом обеспечения является комплексная работа отдельных органов и организаций – взаимодействие с отделами полиции, МВД, Следственного комитета, прокуратурой, отделами судебных приставов, судами, нотариальными конторами, отделами ЗАГС, УПФР в целях обеспечения дальнейшей судьбы ребенка и сопровождения в отделы опеки и попечительства, дома ребенка, детские дома; взаимодействия с социально ориентированными некоммерческими организациями с целью оказания дальнейшей помощи ребенку.

Для обращения за юридической помощью у несовершеннолетнего нет ресурсов, он может не иметь возможности лично обратиться за помощью. Семейно-бытовое насилие имеет место не только в неблагополучных семьях, но и в семьях со средним и высоким достатком, которые не являются объектами пристального наблюдения органов опеки и социальных служб. Зачастую несовершеннолетние дети испытывают страх применения насилия после обращения за помощью, ощущение безнадежности, недоверие.

В силу исключительности психологического портрета жертвы домашнего насилия актуальным вопросом является создание системы дистанционной юридической помощи, оказываемой бесплатно, созданной специально для жертв домашнего насилия для оказания комплексной правовой помощи и сопровождения их случая в специализированных уполномоченных органах. В настоящее время существуют кризисные центры для помощи жертвам насилия, однако меры дистанционной помощи фактически не реализуются. При этом система должна отвечать строгой конфиденциальности, иметь обратную связь с заявителем и осуществлять незамедлительное реагирование на обращение даже в случае обращения малолетнего ребенка. Представляется необходимым создание данной системы на базе органов социального обслуживания субъектов РФ, в виде отдельных служб, с доступными контакт-центрами, функционирующими круглосуточно на телефонных линиях и онлайн. При этом система должна быть обособлена от Единых номеров 112, 122 как специализированная кризисная линия. Для создания такой системы необходимо не только предоставление детям права на бесплатную юридическую помощь, но также реформирование органов власти субъекта РФ и системы социальной защиты.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
4. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
6. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
7. Абрамов В.И. Права ребенка и их защита в России: общетеоретический анализ: дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2007. 455 с.
8. Бутько О.В., Правовой статус ребенка: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 241 с.
9. Монтессори М. Помоги мне сделать это самому / Сост., вступ. Статья Богуславский М.В., Корнетов Г.Б. М.: Издат. дом «Карпуз», 2000. 272 с.
10. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения // Жестокое обращение с детьми [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/child-maltreatment>, свободный (дата обращения: 03.02.2022).

Об авторах:

КУВШИНОВА Екатерина Александровна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: eakuvshinova@edu.tversu.ru

ЛЫСОВА Дарья Николаевна – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: dnlysova@edu.tversu.ru

СПОСОБЫ ГАРАНТИИ ГОСУДАРСТВОМ ЮРИДИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН

А.М. Самсонова, М.С. Виноградов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере реализации гарантий государством юридических интересов граждан. Целью работы является выявление проблем правового регулирования реализации гарантий государством юридических интересов граждан, а также предложение направлений по совершенствованию действующего законодательства. Научная новизна выражается в полученных выводах, а именно автор указал на необходимость внесения изменений в положения законодательства о гражданском судопроизводстве, предложена редакция изменений. Полученные выводы могут быть использованы в практике правоприменения, при разработке законопроектов, а также при проведении дальнейших доктринальных исследований в аспекте темы научной статьи.

Ключевые слова: *юридические интересы, гарантии, цифровизация, пандемия, свобода передвижения.*

В условиях современности актуализируется вопрос о гарантиях обеспечения государством юридических интересов граждан. В данном контексте сложно переоценить значение органов, осуществляющих правосудие.

Так, например, реализации прав и свобод человека и гражданина в условиях неблагоприятной эпидемиологической ситуации имеет свою специфику. Главным образом, которая выразилась в определенных ограничениях. В частности, в целях безопасности населения в целом, о чем нами уже было сказано ранее. Следует отметить, что определенные ограничения коснулись конституционных прав граждан. Например, права на свободу передвижение. Вопрос об ограничении данной возможности стал дискуссионным за последние несколько лет, поэтому он неоднократно был предметом судебного разбирательства.

Так, в соответствии с подпунктом «в» пункта 2 Указа Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [6] нормативными актами субъектов РФ в регионах устанавливается особый порядок передвижения граждан и транспортных средств.

В ряде субъектов РФ введены дополнительные меры административной ответственности за нарушение установленных ограничений, если допущенные нарушения не содержат уголовно наказуемого деяния или не влекут административной ответственности в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3].

Условия самоизоляции предопределили фактическое ограничение права на свободу передвижения (по мнению заявителей). Так, за несоблюдение самоизоляции граждане привлекались к ответственности.

Назревает вопрос, является ли это нарушением конституционного права на свободу передвижения. На фоне этого Протвинский городской суд Московской области попросил проверить конституционность данного постановления. Суд отметил, что в его производстве находится дело об административном правонарушении по ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП в отношении Сергея Пантюхова, которому вменяется нарушение указанного выше положения. В протоколе указано, что он «не имел права покидать место своего жительства и передвигаться по территории г. Протвино». Нарушение, которое вменяется Пантюхову, заметил суд, затрагивает его право на свободу передвижения. Однако Конституционный Суд Российской Федерации поставил точку в дискуссионности данного вопроса Постановлением от 25.12.2020 № 49-П и указал, что это не противоречит положениям Конституции Российской Федерации и не нарушает конституционные права заявителя [4].

Кроме того, важно отметить, что условия самоизоляции предопределили необходимость перехода осуществления правосудия на дистанционный формат. Особый вектор был взят на внедрение цифровых технологий в деятельность судов. При этом данный процесс был начат

значительно ранее, но условия пандемии создали наиболее благоприятную почву для более активного применения судами информационно-телекоммуникационных технологий. Например, проведение заседаний по видеосвязи, возможность электронной подачи иска и т.д.

Примечательно отметить, что за последние несколько лет существенно выросла востребованность электронных ресурсов. Так, число обращений пользователей к portalу ГАС «Правосудие» в прошедшем году увеличилось на 11,63 % и превысило 3 миллиарда запросов, а количество личных кабинетов выросло до 18,4 миллиона. Более 2 миллионов документов было подано в федеральные суды общей юрисдикции в электронном виде, что более чем в два раза превысило показатель 2019 года [1, с. 18].

Мы можем отметить, что практика разрешения судебных споров с учетом цифровых технологий складывается достаточно удачно, однако имеется необходимость в систематизации процессуального законодательства в аспекте специфики осуществления правосудия с помощью информационно-телекоммуникационных средств. Иными словами, следует создать правовой базис, правовую основу реализации правосудия в электронном формате.

Более того, в научной среде достаточно остро стоит вопрос о соотношении судейского усмотрения и искусственного интеллекта.

Так, К.Л. Брановицкий считает, что умелое использование современных технологий в правосудии приведёт к значительному сокращению или облегчению осуществления правосудия, но не решит всех проблем его качества и доступности [2, с. 5]. Но, тем не менее, необходимо понимать, что даже в условиях распространения COVID-19 граждане прибегали к механизмам конституционного судопроизводства, используя функцию судебного конституционного контроля в целях защиты своих конституционных прав и свобод. Следует осознавать, что имеет место повышение востребованности электронных ресурсов судебной системы, но это вовсе не означает, что нейронные сети должны заменить судей.

Тут же следует согласиться с мнением О.А. Сычевой, которая справедливо указывает на то, что «робот-судья при отсутствии подлежащей применению нормы и сходстве правоотношений сможет обратиться к аналогии права или закона, но судейским усмотрением это не станет, а будет лишь определенной логической операцией сложного программного механизма. Искусственному интеллекту недоступны правосознание, чувство ответственности, самоанализ, моральный самоконтроль, самосуд. Невозможно заранее создать алгоритм для разрешения каждой судебной ситуации, решения всех процессуальных задач. Иное сведет на нет институты презумпции невиновности и презумпции добросовестности, сделает предрешенной нередкую для судей-практиков ситуацию конкуренции заключений судебной и внесудебной, а также нескольких судебных экспертиз, а также полностью нивелирует понятие справедливости в судопроизводстве» [5, с. 16]. Особенно актуальна данная ремарка, когда для разрешения судебного спора судье необходимо применить аналогию права. Встает вопрос: каким образом искусственный интеллект сможет учесть основополагающие принципы права и соотнести их с обстоятельствами конкретного дела? Очевидно, что искусственный интеллект способен выносить шаблонные решения, но он никак не сможет заменить то судейское усмотрение, которое может применяться при разрешении того или иного спора.

Как известно, судебное усмотрение в применении аналогии права применяется далеко не по простым делам. Это не приказное производство и не решение дела с помощью одной материальной нормы права. Как правило, такой спор обусловлен сложностью вытекающих из него правоотношений, основывается на оценочных категориях или на нормах, которые имеют двоякое толкование, или же вовсе в законодательстве имеются пробелы, которые не позволяют использовать конкретную норму для разрешения спора, а имеется необходимость в применении аналогии права и судебного усмотрения, которое и будет иметь ограничение общими принципами права.

Нельзя формировать все нормами права, но есть принципы, которые должен понимать судья и в каждом конкретном деле их применять. Представляется, что нельзя согласиться с тем, что условно завтра искусственный интеллект заменит нравственного судью, который решает добросовестно, порядочно, по нравственным и этическим соображениям какое-то конкретное дело.

Таким образом, распространение инфекционных заболеваний предопределяет возникновение специфики реализации гражданами своих прав и свобод. Так, в условиях пандемии актуализировался вопрос об ограничении права на свободу передвижения, доступность правосудия, а также право на медицинскую помощь. При этом суды вышестоящих инстанций неоднократно указывали на то, что нынешние условия позволяют сделать изъятия из ряда конституционных прав, однако это не расценивается как их фактическое ограничение. На наш взгляд, данные вопросы нуждаются не только в разъяснениях, исходящих от правоприменительных органов, но и в легальном установлении более содержательно на законодательном уровне.

Если говорить о реформировании действующего законодательства с учетом внедрения цифровых технологий в судебный процесс, то, на наш взгляд, в рамках реализации принципов гласности и доступности правосудия законодателю необходимо закрепить право граждан, вне зависимости от статуса участника процесса, на доступ к трансляциям открытых судебных заседаний, которые должны проводиться в обязательном порядке, а в случае, если судебное заседание проводилось в закрытом режиме, на доступ лиц, участвующих в деле, к видеозаписи судебного заседания в ограниченном режиме при организационном сопровождении уполномоченного работника суда с соблюдением мер безопасности канала трансляции. Сама по себе обязанность проведения трансляций судебных заседаний должна положительно повлиять на качество отправления правосудия, создать аксессуарный механизм привлечения внимания общественности к резонансным процессам.

Интероперабельность, расширяемость и безопасность государственных автоматизированных систем, которые в настоящее время взаимодействуют с российскими судами, при правильном законодательном регулировании могут позволить решить задачи, которые ставятся перед судебной системой цифровой глобализацией и пандемией.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Афанасьев С.Ф. К вопросу о цифровой трансформации правосудия в условиях пандемии // *Цивилистика: право и процесс*. 2021. № 1 (13). С. 17–21.
5. Брановицкий К.Л. Соотношение понятий «качество» и «цифровизация правосудия» // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2019. № 7. С. 3–7.
6. Сычева О.А. Здравый смысл в судебном доказывании // *Российский судья*. 2019. № 8. С. 15–20.

Об авторах:

САМСОНОВА Анна Михайловна – магистрант 2 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Правовые основы семьи и брака» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: amsamsonova@edu.tversu.ru

ВИНОГРАДОВ Максим Сергеевич – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: msvinogradov@edu.tversu.ru

ПЕРСПЕКТИВА ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕХАНИЗМ ПРАВОСУДИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: В ЧЬИХ ИНТЕРЕСАХ?

А.Д. Соколовский, Д.А. Андреева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые посвящены осуществлению правосудия в Российской Федерации. Также рассмотрены перспективы внедрения искусственного интеллекта в механизм правосудия Российской Федерации. В статье отмечены примеры взаимодействия искусственного интеллекта с российским судопроизводством.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, перспектива внедрения, механизм правосудия Российской Федерации.*

Процесс использования искусственного интеллекта в судебной власти вызывает не только научный, но и практический интерес, в настоящее время внедрение систем искусственного интеллекта в судопроизводство только начинает свое становление. Использование интеллектуальных автономных систем в судебной деятельности будет способствовать преобразованию и повышению качества правосудия только тогда, когда указанная сфера будет пребывать на более высокой стадии цифровой «зрелости». Тем не менее, судебная власть не может оставаться в стороне от общих тенденций развития общества, а потому информационные технологии постепенно становятся её неотъемлемой частью. Правосудие представляет собой наиболее надежный и цивилизованный способ разрешения конфликтных ситуаций. Конституция Российской Федерации в части 1 статьи 46 гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод [1] и в этой связи устанавливает механизм, во главе которого находится суд, который обязан рассматривать жалобы и принимать законные и обоснованные судебные решения.

Судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия [2]. Пока что рано говорить о замене судьи на его цифровую аналогию, но вот привлечение как компаньона вполне реально, в этом есть необходимый интерес, так как прогресс не стоит на месте, и нужно извлекать из него полезное, и стараться не быть в стороне, а наоборот, пытаться внедрить технологии для упрощения работы не только судей, но также и их аппарата. В настоящее время в российском судопроизводстве применяется только слабый искусственный интеллект, это позволяет уменьшить рутинную работу судей и работников аппарата суда, уже сейчас с помощью данной технологии можно решать задачи по автоматизированному вводу и обработке информации при осуществлении делопроизводства. Также в некоторых судах существует программа под названием «протокол распределение», она самостоятельно распределяет поступившие иски, заявления, административные иски и уголовные дела, в данной программе заложена информация, а именно о том, какую категорию дела рассматривает судья, и тем самым технология распределяет дела по судьям. Данная программа очень полезна для работников суда, ведь освобождается достаточное количество времени, которого, в свою очередь, не хватает, так как работы в судах очень много.

Использование сильного искусственного интеллекта в механизме правосудия Российской Федерации пока что не применяется, скорее всего, это вызвано в первую очередь тем, что цифровая трансформация в данной сфере зависит не только от доступных финансовых ресурсов, но и от её восприятия работниками аппарата суда, чья деятельность в силу своей специфики всё ещё отличается некоторым консерватизмом. Необходимо достаточное количество времени, пока слабый искусственный интеллект полностью войдет в судебную власть и будет воспринят уже как неотъемлемая часть работы, и только после этого можно будет с полной уверенностью говорить, как будет себя проявлять сильный искусственный интеллект и как он сможет помочь осуществлению правосудия.

Потенциал использования сильного искусственного интеллекта при осуществлении правосудия на сегодняшний день является дискуссионным вопросом. Полная автоматизация процесса отправления правосудия и замена судьи на «машину» не просто невозможна, но и опасна. Специфика судейской работы, связанная с умением не только применять и понимать закон, изучать и определять роль различных факторов при принятии решения, но и учитывать в некоторых случаях психологические и даже этические аспекты, делает такую работу непосильной для искусственного интеллекта. Юридическая деятельность, в целом, характеризуется не только формальными признаками, но и особым юридическим мышлением, неизменными атрибутами которого являются: уровень правосознания, правовой психологии (чувства, эмоции); умение применять принципы права; интерпретировать содержащиеся в ценностной компоненте правовые категории, такие как: добросовестность и честность, сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию граждан, состояние аффекта; искусство риторики; личностный жизненный опыт и другие нюансы, неподвластные машинной технике, искусственному интеллекту [3, с. 212].

В то же время передача правосудия в руки искусственного интеллекта чревата значительными рисками. Действительно, правосудие традиционно осуществляется судьей – конкретным человеком, обладающим высокими моральными качествами, являющимся специалистом высокой квалификации в области права; машина свободна от «уз морали», она вряд сможет осознать такие ценности, как справедливость, совесть, этические требования, которые нередко приобретают юридически значимый характер. Кроме того, не исключена угроза кибер-атак с целью манипуляции искусственным интеллектом, несанкционированных вмешательств в его функционал или «вирусного заражения» со стороны хакерского сообщества. Нужно понимать, какие резонансные последствия может вызвать технический сбой в работе искусственного интеллекта, осуществляющего правосудие [4, с. 83]. В большинстве случаев искусственный интеллект определяется через сравнение со способностями человека или через возможности технологий обрабатывать данные и информацию. Понятие искусственного интеллекта в России основывается на сравнении с когнитивными и интеллектуальными функциями человека. Задача судьи, сохраняя беспристрастность и объективность, профессионально квалифицировать рассматриваемое деяние, решая вопрос: подпадает ли оно под действие той или иной нормы права. И в этом аспекте процесс принятия судебного решения схож с задаваемой программой алгоритмом: конкретный казус с порой неповторимым затайливым жизненным рисунком должен быть совмещен с общей правовой нормой, настроенной на регулирование типичных ситуаций. Сдвиги, частичные несовпадения конфигурации казуса и нормы могут и должны быть устранены творческой ролью судьи. На пути внедрения искусственного интеллекта в судебную власть следует оценить очень важных моментов. Во-первых, сознание судьи при рассмотрении дела по существу позволяет учитывать не только положения действующего законодательства, но и давать оценку различным философским категориям. Во-вторых, разработки искусственного интеллекта свидетельствуют о его возможности распознавать лишь внешние очертания, необходимо внедрять искусственный интеллект с многослойными нейронными сетями, которые позволяют объективно оценить фактические обстоятельства дела.

Активное использование информационных технологий является современной тенденцией. Применение искусственного интеллекта существенно упрощает поиск необходимых документов, освобождает юристов от рутинных операций, способствует обнаружению в нормах права противоречий, избыточности или нелогичности, обуславливает развитие новых коммуникационных платформ [5, с. 353]. Автоматизированные программы обеспечивают электронный документооборот, обеспечивая единое информационное пространство не только для суда, но и для граждан. Внедрение информационных систем в судебную власть уже позволило значительно повысить уровень доступа населения к правосудию.

Прежде всего, следует позаботиться об использовании преимуществ новых технологий в совершенствовании действующего законодательства. Для этого потребуются подкорректировать стратегию законодательной политики и провести масштабную

систематизацию (кодификацию и рекодификацию). Преимущества искусственного интеллекта очевидны: многозадачность, обработка огромных массивов.

Таким образом, использование такой системы в судебной деятельности имеет свои плюсы и минусы. С развитием прогресса мы ни в коем случае не сможем отказаться от помощи искусственного интеллекта, но он должен именно облегчать человеческую деятельность, но никак не позволять вершить судьбы людей. Однако все-таки искусственный интеллект существенно облегчит работу судов, хотя в то же время никак не заменит живой анализ и даже в какой-то мере творческую нотку в работе сотрудников суда.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гертнер А.В. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в системе электронного правосудия: pro et contra // Молодой ученый. 2020. № 49 (339). С. 211–215.
4. Митин А.Н. О процессах внедрения в юриспруденцию новых информационных технологий // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3. С. 82–86.
5. Соколова А.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Общетеоретические и исторические аспекты. Журнал юридическая техника. 2019. № 13. С. 350–356.

Об авторах:

СОКОЛОВСКИЙ Александр Дмитриевич – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: avgolubkov@edu.tversu.ru

АНДРЕЕВА Дарья Андреевна – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: daandreeva@edu.tversu.ru

ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ КАК РЕСУРС ЗАЩИТЫ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН

О.В. Сундатова, П.А. Феоктистов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются понятия доступности правосудия и реализации прав человека. Также уделяется особое внимание понятию «законные интересы», осмысливается реализация прав и свобод человека в современном мире. В статье затрагивается одна из ключевых проблем-злоупотребление правом, и отмечается способ её решения.

Ключевые слова: доступность правосудия, Конституция РФ, законные интересы, злоупотребление правом.

Мы живем в эпоху перемен. Именно по этой причине юридические интересы занимают большое место в современном мире. Одним из значимых юридических интересов граждан РФ является реализация прав человека. Фундаментальные права граждан РФ гарантированы в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1]. Представляется правильным изучить конституционное право граждан Российской Федерации, а именно право на доступ к правосудию в его содержательном выражении. Правосудие является неотъемлемой частью нашей жизни. Правосудие воздействует на все элементы общественной жизни и является специфическим регулятором общественных отношений, гарантом их стабильности. Исходя из этого, именно от воздействия правосудия зависит судьба конкретных людей. Следовательно, правосудие является необходимым элементом отечественной правовой действительности.

Для того чтобы права человека и гражданина были реализованы, прежде всего, необходима помощь со стороны государства. Не уточняя конкретные направления государственной защиты, Конституция РФ в рамках ч. 1 ст. 46 содержит следующую формулировку: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». В этой связи стоит отметить мнение Н.И. Матузова: «Свобода как определенное социальное состояние общества, как познанная и освоенная необходимость находит свое наиболее концентрированное выражение в праве, в котором она практически материализуется, объективируется, отливается в конкретные осязаемые формы, принципы, институты». Также автор отмечает, что право служит тем самым официальным «мерилом» действующей свободы, «указателем границ должного и возможного». Вместе с тем, как пишет Н.И. Матузов, право выступает гарантией осуществления этой свободы, и, помимо этого, является средством её охраны и защиты [10, с. 98].

Конституционными правами и свободами в России обладают не только граждане, но и другие субъекты, находящиеся на территории страны. Например, ими могут быть иностранные граждане, лица без гражданства, лица, получившие политическое убежище, беженцы. Конституция РФ определяет правовой статус человека и гражданина, наделяя его различными правами. В тексте указанного акта можно встретить подобные фразы: «каждый имеет право...», «каждому гарантируется...», «никто не может быть лишён права...». Это подчёркивает, что права и свободы не присущи отдельным лицам, а доступны всем субъектам.

Федеральный конституционный закон «О судебной системе...» [2] устанавливает, что судебная власть самостоятельная и действует независимо от законодательной и исполнительной властей. Гласность и открытость судебного разбирательства выступают важнейшим показателем демократизации судопроизводства, так как именно таким образом в Российской Федерации обеспечивается доступ к правосудию.

Каждый человек доступность к правосудию понимает по-разному. Существуют различные трактовки понимания сущности изучаемого права на доступ к правосудию. Так, по мнению Ф. Люшера, «право обращения к суду будет малоэффективным, если судебные учреждения функционируют плохо. Надлежащее отправление правосудия есть цель конституционного значения» [9, с. 189]. Л. Фридман, в свою очередь, высказывал позицию о

том, что современное конституционное право балансирует на двух фразах: «надлежащий судебный процесс» и «равная защита», при этом надлежащий судебный процесс понимался как справедливое использование закона в судах [12, с. 156–158]. Совершенно обоснованно отмечает Т.Г. Бородинова: «Доступ к правосудию, согласно международно-правовому толкованию, сосредотачивает в себе комплекс процессуальных гарантий, направленных как на обеспечение самой беспрепятственной возможности обращения к судебному механизму защиты прав любых лиц, нуждающихся в этом, так и на гарантирование справедливости непосредственно судебного разбирательства» [4, с. 91]. Соответственно, так рассматривается учёными важнейший корреспондирующий правовой интерес – доступ к правосудию. Но, так как права и свободы доступны каждому человеку, следовательно, нельзя злоупотреблять предоставленными правами. Это как раз указывает в своих научных трудах известный учёный-конституционалист В.И. Крусс. Он пишет: «Один из основополагающих (конституционных) принципов российского права – принцип недопустимости злоупотребления правом. Раскрыть природу феномена злоупотребления правом, обосновать возможность противодействия ему позволяет только конституционное правопонимание» [6, с. 83]. Таким образом, чтобы субъекты права не злоупотребляли своими правами, они должны обладать тем самым конституционным правопониманием в той степени достаточности и полноты, при которой злоупотребление правом не будет допускаться самими такими субъектами. Субъектам права следует научиться не просто исполнять требования текста закона, а понимать его основную сущность, знать свои права и свободы. По словам Р.Е. Гукасяна, право выступает «универсальным компромиссным средством», которое даёт возможность реализовать и гарантировать защиту существующих интересов [5, с. 214].

Что же такое законные интересы? А.В. Малько даёт следующее определение данному понятию: это «стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения не противоречащих нормам права интересов, которое в определенной степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности, отраженной в объективном праве либо вытекающей из его общего смысла» [10, с. 91–92]. Несмотря на эту дозволенность оставаться в правовых рамках можно только в том случае, когда реализация законных интересов остается в правовой плоскости и не может быть в перспективе квалифицирована как злоупотребление правом (законным интересам).

Резюмируя всё вышесказанное, опираясь в первую очередь на позицию Конституционного Суда Российской Федерации, которая «выстроена» на положениях статей Конституции РФ и вторично на мнении учёных – правоведов, стоит сказать, что конституционное право на доступ к правосудию в рамках и контексте защиты юридически значимых интересов имеет свою уникальную правовую природу. Первично необходимо отметить универсальность права на доступ к правосудию (судебную защиту) в общем значении, и, в частности, права на судебную защиту юридически значимых (законных) интересов, которая проявляется в многовекторности как юридической конструкции данного права, так и специфики правопользования им. Второстепенно, но от этого не менее важно указать и на ярко выделенную Конституционным Судом Российской Федерации недопустимость ограничения конституционного права на доступ к правосудию, поскольку ограничение конституционного права на доступ к правосудию в любой его форме невозможно оправдать ни одной из конституционных целей, названных в части 3 статьи 55 Конституции РФ [3], [4], [5]. Конституционное право на доступ к правосудию в его логико-правовой связи с защитой (в особенности судебной) юридически значимых (законных) интересов является неким «постулатом», на котором основана вся правовая сущность защиты конституционных прав в целом, когда защита юридически значимых интересов выступает частным примером обозначенного вывода, иллюстрируя субъектам правоотношений, связанных с защитой конституционных прав, перманентную необходимость в гарантированности защиты юридически значимых (законных) интересов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2006 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», Федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда» // СПС «Консультант Плюс».
4. Определение Конституционного Суда РФ от 09.04.2002 № 28-О «По жалобе гражданина Ефимова Николая Петровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 386 и частью второй статьи 387 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СПС «Консультант Плюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 456-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Октябрьского районного суда города Ижевска о проверке конституционности абзацев первого и второго пункта 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
6. Александров А.И. Конституционное право России и зарубежных стран. М.: ЦОКР МВД России, 2006. 504 с.
7. Бородинова Т.Г. Право граждан на свободный доступ к правосудию: понятие, содержание, субъекты. Общество: политика, экономика, право. 2017. № 11. С. 89–92.
8. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2009. 480 с.
9. Крусс В.И. Конституционализация правосудия и конституционно-правовые пределы непосредственной демократии в Российской Федерации. Российский юридический журнал. 2013. № 3 (90). С. 79–87.
10. Крусс В.И. Злоупотребление правом: учеб. пособие. М.: НОРМА, 2010. С. 17–32.
11. Лучинина В.О., Эбзеева Б.С. Конституционное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под общ. ред. Хазова Е.Н., Чепурновой Н.М., Прудникова А.С. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 583 с.
12. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности: пер. с фр. С.В. Боботова, Д.И. Васильева. М.: Прогресс: Универс, 1993. 382 с.
13. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ. 2004. 245 с.
14. Субочев В.В. Законные интересы. Проблемы теории государства и права. Учебник под ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 362–380.
15. Фридмэн Л.М. Введение в американское право: пер. с англ. / Под ред. М. Калантаровой. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. 286 с.

Об авторах:

СУНДАТОВА Ольга Владимировна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: ovsundatova@edu.tversu.ru

ФЕОКТИСТОВ Павел Алексеевич – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правоупотребления» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: feoctistov.pavel.alx@gmail.com

ЭГОИСТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ, ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ И МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ ОБЩЕСТВА В РОССИИ

А.В. Феоктистова, А.Л. Евсеев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В данной статье были выявлены причины морально-нравственного разложения общества. Рассмотрены последствия для российской государственности, права и правовых ценностей правового нигилизма, нравственного развращения людей, процветания эгоистических взглядов, интересов, убеждений.

Ключевые слова: нигилизм, правовые ценности, нравственность, духовность, государственность, право.

Морально-нравственное состояние современного общества является предметом исследования многих ученых, рассматривающих его с позиций различных гуманитарных наук, в том числе юридических. На настоящий момент особенно ярко прослеживается тенденция к распространению среди молодежи и не только нигилистических взглядов на правовую действительность. Все больше людей становятся нигилистами по своему образу жизни, отрицая любые устои и традиции, право и законы. Совершается большое количество преступлений во всех сферах жизни общества и государства. Зачастую происходит полное отрицание опыта предыдущих поколений у молодых людей, готовых, вдруг, приступить закон на несогласованных митингах за так называемое «светлое будущее». Безнравственное поведение, толкающее на преступления уже взрослых людей с уже имеющимся, казалось бы, жизненным опытом. Все эти случаи вызывают серьезное опасение, в связи с чем важным вопросом остается, какое же место в этих процессах занимает Россия, каково морально-нравственное состояние российского общества и как это может отразиться на российской государственности в будущем.

Стоит отметить, что мир за последние 30 лет сильно изменился, поскольку находился под активным воздействием процессов глобализации. Достаточно обратить внимание на развитие интернета, появление большого количества социальных сетей, мессенджеров, приложений, которые стали доступны всем владельцам смартфонов на нашей планете. В этом отношении население России может похвастаться хорошей технической и информационной оснащенностью. Практически у каждого гражданина России есть техническое устройство с выходом в интернет, что позволяет сделать вывод о том, что многие имеют доступ на различные информационные порталы и ресурсы. Так, популярность мессенджеров продолжает расти. По состоянию на 2021 год уже три четверти россиян их используют. Наиболее популярные мессенджеры: WhatsApp (используют 64 % россиян), Viber (31 %), Telegram (21 %). Не отстают в популярности также соцсеть «DRонтакте» и платформы «YouTube», «TikTok» [4]. Необходимо отметить, что с технической точки зрения в мессенджерах как достижении технического прогресса нет ничего плохого, если использовать такое достижение во благо. Однако, как показывает практика, это еще один способ распространения вредной и опасной информации для нравственно неподготовленного человека.

Определяя содержание информации, просматриваемой как молодежью, так и старшим поколением, можно сделать вывод о том, что наибольшей популярностью пользуется развлекательный контент, в том числе создаваемый блогерами. При этом не все создающие такой контент лица задумываются о том, какое влияние они имеют и какое воздействие оказывают на молодежь. В итоге на сегодняшний день в интернет-пространстве распространились и закрепились: культ смеха и праздного образа жизни, идея о получении всего «здесь и сейчас», пренебрежение историей России, ее культурными традициями и героями. Все более популярными становятся сообщества в социальных сетях с информацией шокирующего толка, различные извращения, а также оккультизм, сатанизм и т.п. [2]. Некоторые из них закрытые, что не мешает, однако, многим туда попасть. Данные обстоятельства вызывают обеспокоенность за молодых ребят и девушек, черпающих информацию из сомнительных интернет-источников, а также берущих пример с вызывающих

опасения современных кумиров молодежи. А ведь это будущие чиновники, правоохранители, врачи и военные, ученые. Даже если они и будут ими, то каково будет их качество?

Как полагает А.М. Ильницкий, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, теперь идет война нового типа, информационно-гибридного. Ее цель – уничтожить самосознание российского общества, изменить его ментальную и цивилизационную основы. «Ход эволюции сознания нельзя повернуть вспять» – полагает советник [3].

Действительно, многие «культурные» веяния пришли к нам из-за рубежа – Европы и США. Об этом можно судить, в том числе по большому количеству иностранных ТВ-шоу, сериалов, мультфильмов, транслируемых как по российскому телевидению, так и доступных для просмотра онлайн в интернете и нередко обладающих сомнительным содержанием, ставящим под сомнение формирующиеся у молодых людей, подростков моральные и жизненные принципы, прививаемые им старшим поколением. Недалеко ушла и реклама, которую не всегда стремятся адаптировать для российского зрителя. Например, многим известная реклама «Skittles», в которой мужчина в образе, навеянном Бобом Марли (известным музыкантом, употреблявшим наркотические вещества), доит жирафа и неадекватно смеется, когда пробует конфеты. При этом и взрослые, и некоторые дети понимают скрытый «юмористический» подтекст увеселяющего воздействия на человека конфет по аналогии с наркотиками. К счастью, подобной рекламы на российском рынке не так много в силу значительного количества ограничений, налагаемых российским законодательством в сфере рекламы.

Влияние западной культуры прослеживается и по отношению к такому институту общества, как семья. Ведь многие политические деятели России не прочь применить такие практики, сегодня популярные на западе как, например, ювенальная юстиция и пр. Тенденция к разрушению семьи в мире набирает масштабы. По словам кандидата исторических наук А.И. Фурсова, ему встретился документ восточногерманской разведки – Штази, который датируется 1972 годом и содержит сведения о том, что психологи из ГДР установили: «если ребенок до 7 лет прожил в полной семье и был окружен любовью, то во взрослом состоянии им очень трудно будет манипулировать». То есть разрушение семьи приводит к превращению ребенка в объект для манипуляций» [1]. Это сейчас и происходит в западном мире. Попутно и нам навязывается данное веяние. Нетрудно догадаться, что будет с этими детьми, вырасти они без родителей, в искусственно созданном информационном поле. А это уже, без преувеличения, трагедия государственного масштаба.

По недавнему заявлению министра обороны РФ С.К. Шойгу: «Большую угрозу для России вызывает и морально-нравственное разложение общества». Как известно, морально-нравственное состояние человека зависит от его убеждений и ориентиров, которые помогают ему оценивать жизненную ситуацию. Как говорил знаменитый писатель Ф.М. Достоевский: «Если мы не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всем заблудимся». Действительно, многие люди сегодня в России считают себя христианами, православными. Но, спросив их об этом более подробно, в частности, о том, что из себя представляет православие, многие не смогут ответить на этот вопрос. В лучшем случае они ответят, что просто верят в Бога, а остальное не смогут рассказать вовсе. Между тем, по статистике, в России насчитывается чуть больше 25 000 священнослужителей русской православной церкви (РПЦ), что в разы меньше, чем только официально зарегистрированных магов и гадалок – 300 000. Следует уточнить, что эти 300 000 – только официально зарегистрированные, что наводит на мысль о теневой деятельности многих «предсказателей». То есть люди напиваются неким суррогатом, параллельно пребывая в неведении, что есть добро и зло, не говоря уже о праве, законах. Даже вопрос о морали, основанной на учении христианства, вызывает у них недоумения и сложности в ответе [5]. В конце концов, молодое поколение воспитывается уже даже не семьей, а соцсетью, а родители в лице старшего поколения бессильны, не могут привить детям морально-нравственные устои и понятия, потому как сами не заинтересованы в своем духовном развитии, а также подвержены оккультному влиянию шаманов, целителей и других, не менее модных сегодня веяний.

По причине отсутствия моральных и духовных понятий люди подвержены нигилизму по отношению ко всем сферам человеческой деятельности в связи с отсутствием первичных понятий о добре и зле. Впоследствии можно услышать новости о пытках в тюрьмах, в

полицей, о безудержной коррупции в органах государственной власти. Равнодушие чиновников, судей, прокуроров и т.д. А в среде молодых людей проявление необъяснимой злобы, попытки любой ценой «развеселить» себя и окружающих, даже если это принесет страдания и боль другим, не связанным с этим безумием, людям. А иногда полное презрение молодыми людьми правоохранительных органов и государственной власти...

Проблема морально-нравственного разложения общества в России все более заметна с каждым годом. Через интернет мы узнаем о возмутительных случаях беззакония. На них оперативно стараются реагировать государственные органы. Но проблема в корне не решается, поскольку не устраняются их причины. Это наводит на мысль, что политической воли в руководстве страны пока не появилось. Отсутствие внятного духовного, морально-нравственного ориентира у людей и нежелание от этого вникать в суть происходящего, как следствие, приведет к полному игнорированию людьми права в России, повальное нарушение закона и принципов государства – к первобытной озлобленности, что грозит не лучшими итогами для государственной и правовой системы, для будущего страны. Между тем необходимо взять под контроль или запретить сомнительные источники в интернете и соцсетях, сомнительные услуги оккультного толка. Со школьной скамьи прививать детям уважение к истории, праву, религии. Поддерживать создание семьи и её благополучие. В этом должна быть заинтересована элита нашей страны. В противном случае право и принимаемые в соответствии с ним законы не смогут функционировать в развращенном обществе.

В заключение хотелось бы отметить, что всякий закон творят люди, и степень моральности закона зависит от уровня нравственности социальной общности. И если мы желаем, чтобы все законы, принимаемые и реализуемые в нашем государстве, отвечали высоким моральным принципам, то необходимо повышать духовную, общую и правовую культуру в государстве, воспитывать подрастающее, а также просвещать взрослое поколение в соответствии с правовыми ценностями и христианскими идеалами.

Список литературы

1. Андрей Фурсов: сумеют ли ультраглобалисты навязать миру новый мировой порядок? // Выгодный курс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/518372>, свободный (дата обращения: 06.01.2022).
2. В РПЦ призвали обсудить способы защиты от пропаганды сатанизма в интернете // РИА Новости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20210809/rpts-1745040063.html>, свободный (дата обращения: 11.01.2022).
3. Лещенко О.К. Нравственность в древнеримском и современном российском праве: некоторые аспекты проблемы // Вести Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennost-v-drevnerimskom-i-sovremennom-rossiyskom-prave-nekotorye-aspekty-problemy/viewer>, свободный (дата обращения: 06.01.2022).
4. Мобильные операторы назвали самые популярные у россиян мессенджеры // ТАСС [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/10544793?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru, свободный (дата обращения: 10.01.2022).
5. Советник С.К. Шойгу заявил о «ментальной войне» Запада против России // Газета.ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://m.gazeta.ru/army/2021/03/25/13525472.shtml>, свободный (дата обращения: 05.01.2022).

Об авторах:

ФЕОКТИСТОВА Александра Валерьевна – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: avtsareva@edu.tversu.ru

ЕВСЕЕВ Артём Леонидович – студент 2 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: alevseev@edu.tversu.ru

ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ИНТЕРЕСЫ СУБЪЕКТОВ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ ИХ ЗАЩИТЫ

А.В. Феоктистова, В.В. Озерных

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблематика правовой защиты интеллектуальных прав субъектов творческой деятельности. Также рассмотрены проблемы нарушения авторских прав в сети «Интернет». В статье отмечены пробелы действующего законодательства в области правового регулирования авторских прав в Интернете и сформулированы предложения по внедрению инновационных способов защиты авторских прав.

Ключевые слова: юридически значимый интерес, творческая деятельность, интеллектуальная собственность, защита авторских прав.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) закрепила базовые положения, установившие свободу творческой деятельности и свободу выбора творчества. Согласно ч. 1 ст. 44 Конституции РФ каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом [1]. Данное положение Конституции РФ означает, что никто, в том числе органы государственной власти и местного самоуправления, не имеет права вмешиваться в творческую деятельность граждан, диктовать им, что и как писать или публиковать [6, с. 291]. Также каждый имеет право на свободный выбор творчества (ч. 2 ст. 26 Конституции РФ).

Указанные положения составляют базовую основу для прямого и опосредованного правопользования. Последнее, в частности, может осуществляться в целях защиты нарушенных прав субъектов творческой деятельности. Однако способы защиты юридически значимых интересов, прямо не закрепленные в тексте закона, могут являться неочевидными.

Сложность достижения юридически значимого интереса заключается в том, что субъект творческой деятельности, как правило, довольно четко определяет стоящую перед ним цель и стремится к достижению именно субъективно искомого результата, но результат, в свою очередь, может оказаться весьма отличным от предполагаемого субъектом, а значит и его юридически значимый интерес не будет достигнут.

Раскрывая юридически значимые интересы субъектов творческой деятельности, следует, прежде всего, обратиться к понятию творческой деятельности, закрепленному в ст. 3 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» (ред. от 30.04.2021), в соответствии с которой творческой деятельностью признается создание культурных ценностей и их интерпретация [2]. Иными словами, творческая деятельность – это форма любой деятельности человека или коллектива (духовной или материальной), в результате которой появляется что-то качественно новое, не существовавшее никогда ранее и имеющее ценность для всего общества.

Основным критерием творческой деятельности является уникальность ее результата. Но не менее значимыми являются и такие признаки, как общественная значимость, то есть те ценности, которые были получены в результате творчества и какой вклад они внесли в культурное развитие общества.

Также творческая деятельность должна в себе нести идеи гуманизма, человеколюбия, мира и согласия, то есть осуждать жестокость и насилие. Субъектами творческой деятельности являются как отдельный человек, занимающийся творчеством индивидуально, так и группы людей, занимающиеся творчеством коллективно, в рамках своей группы, где решения принимаются с учетом мнения всех членов группы, а также общество в целом.

Стоит отметить, что категория юридически значимого интереса в творческой деятельности носит субъективный характер для каждого конкретного лица, группы лиц. Однако, несомненно, каждый субъект творческой деятельности стремится к обеспечению охраны своего творческого результата. Так, например, одним из важнейших юридически значимых интересов субъектов творческой деятельности будет являться обеспечение правовой защиты его интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности, например, на создаваемый контент в Интернете. В состав таких прав в соответствии со ст.

1226 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) входит исключительное право, личные неимущественные права (право авторства, право на имя и другие), иные права (право следования, право доступа и другие) [3].

Стоит отметить, что закрепленная Конституцией РФ свобода творческой деятельности является важнейшей гарантией прав человека наряду со свободой слова, поскольку многие результаты интеллектуальной деятельности, подлежащие правовой охране, создаются в том числе путем передачи своих мыслей с помощью изложения слов. В этом случае свободы творчества не может быть без свободы слова и наоборот.

Защита интеллектуальных прав, а, следовательно, и юридически значимых интересов – это одно из приоритетных направлений в сфере охраны интеллектуальной собственности. Успешность реализации данного направления в Российской Федерации как правового демократического государства зависит от того, насколько юридически грамотно и эффективно будут сформированы правовые механизмы защиты интеллектуальных прав.

Интеллектуальные права имеют свою специфику защиты и согласно п. 1 ст. 1250 ГК РФ защищаются способами, предусмотренными данным Кодексом, с учетом существа нарушенного права и последствий нарушения этого права. Следовательно, при необходимости защиты юридически значимого интереса стоит установить связанное с ним право, которое было нарушено. Не всегда оно представляется очевидным. Особой средой, в которой совершается большое количество нарушений прав и юридически значимых интересов субъектов творческой деятельности, является информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет». С каждым годом количество таких нарушений только увеличивается. Данную тенденцию можно связать с тем, что в условиях жесткой конкуренции быстрее и проще украсть чужую интеллектуальную собственность и «сделать» себе имя, чем создавать собственную. Проблема нарушения авторских прав является наиболее насущной и актуальной в контексте современности. Способность «мировой электронной паутины» предоставлять полезную информацию и за считанные минуты передавать её в любую точку земного шара всё больше увеличивает число пользователей Интернета. Возрастает и количество правонарушений, совершаемых в Интернете. В первую очередь это обусловлено несовершенством законодательства в области правового регулирования авторских прав в Интернете. Существующая нормативно-правовая база защиты авторских прав нацелена на условия реального, а не виртуального пространства.

При отсутствии норм, регулирующих деятельность в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [4] в сознании сетевого сообщества возникают двойные стандарты, заключающиеся в том, что законы соблюдать нужно, но только не в сети. В результате одними из наиболее нарушаемых в Интернете прав являются авторские права физических и юридических лиц на объекты интеллектуальной собственности.

В настоящее время теоретики права выделяют два подхода к проблеме правового регулирования Интернета: первый пропагандирует абсолютную свободу, второй – верховенство законодательства в сети. Первый подход базируется на сетевых традициях и имеет значительное число приверженцев среди сетевого сообщества, второй менее распространён – он встречает резкое неприятие части пользователей сети [5, с. 58].

Еще одной существенной проблемой является то, что производителям интеллектуальных продуктов становится все труднее получать доход от их реализации. В новых условиях производители стремятся взимать плату с потребителей не за возможность делать копии, а за полезность продукта, то есть за его использование. В основном авторы отказываются от размещения в сети своих материалов потому, что отсутствует реальная защита их прав. Все это не может остаться без внимания публичной власти, а значит и без принятия нормативного регулирования в этой сфере. Представляется очевидным, что отменить содержащиеся в законодательстве об авторском праве положения, позволяющие делать нелегальные копии для частного пользования, не приведет к желаемому результату, поскольку будет продолжать существовать проблема отслеживания копирования и незаконного распространения скаченного материала, которое осуществить физически и технически на настоящий день невозможно.

Для решения обозначенной проблемы представляется необходимым внедрение инновационных способов защиты авторских прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Таковой может являться единая электронная платформа, на которой

граждане смогли бы загружать собственные авторские достижения и отслеживать их использование другими гражданами. В свою очередь, субъекты, желающие использовать авторские достижения, прежде чем получить возможность копирования или сохранения результата для той или иной цели, должны оплатить разумную цену автору или иному правообладателю (если только последний не установит в данной системе бесплатное пользование его достижением). Можно для удобства оплаты и скачивания предусмотреть систему QR-кодов, которые будут присвоены каждому объекту интеллектуальных прав, загруженному в систему. В системе также будет отображаться количество скачиваний. Это позволило бы минимизировать незаконное использование объектов интеллектуальных прав и обеспечить получение вознаграждения авторами или иными правообладателями. Похожий принцип используется в онлайн-сервисах по просмотру кино, сериалов и т.п., доступ к которым лицо получает только после оплаты. Однако, даже создание и применение указанных средств не может позволить отслеживать в Интернете каждый случай несанкционированного копирования уже законно скаченного объекта авторских прав. Также стоит иметь в виду, что создание такой системы потребует колоссальных финансовых затрат от государства, поэтому данную деятельность по созданию и функционированию такой системы стоит частично или полностью коммерциализировать в целях привлечения негосударственных средств частных компаний. Также потребуется создание соответствующего правового регулирования. Формирование такой системы позволило бы помочь более эффективно бороться правоохранительным органам с возможными нарушениями авторских прав. Важно учитывать, что, если несколько разработчиков объединятся, они смогут создать совместный проект, который соответственно будет более масштабным и прибыльным.

Таким образом, в Российской Федерации нарушение интеллектуальных прав, в особенности авторских прав в Интернете, по-прежнему остается серьезной проблемой, требующей объединения усилий как законодателей, так и правоприменителей прежде всего для формирования четкой политики в области защиты интеллектуальных прав в Интернете.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 09.10.1992 № 3612-1 (ред. 30.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 30.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Казанцев С.Я., Згадзай О.Э. Авторские права и их защита в сети Интернет // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskie-prava-i-ih-zaschita-v-seti-internet/viewer>, свободный (дата обращения: 12.12.2021).
6. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / М.В. Баглай. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. 784 с.

Об авторах:

ФЕОКТИСТОВА Александра Валерьевна – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: avtsareva@edu.tversu.ru

ОЗЕРНЫХ Виктория Владимировна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: vvozernykh@edu.tversu.ru

ДОЛГ И ОБЯЗАННОСТЬ ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА ПРИЗЫВНИКАМИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ГРАЖДАН И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Я.В. Фецик, А.Ю. Зубарев, И.И. Новик

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается конституционная обязанность защиты Отечества в контексте необходимости соблюдения национальных интересов России. Также рассмотрен вопрос соотношения обязанности защиты Отечества с принципом равенства, закрепленным в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: обязанность по защите Отечества, несение военной службы, принцип равенства, соблюдение национальных интересов.

В соответствии с ч. 2 ст. 6 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией РФ [1].

Часть 1 статьи 59 Конституции РФ закрепляет долг и обязанность гражданина Российской Федерации по защите Отечества. Под защитой Отечества следует, прежде всего, понимать оборону страны, охрану ее суверенитета и безопасности, обеспечение целостности и неприкосновенности ее территории.

Укрепление обороны страны, обеспечение суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности являются национальными интересами Российской Федерации. Необходимость их обеспечения обусловлена наличием целого комплекса угроз, среди которых: противоречивость формирования полицентричного мира, большое количество военных конфликтов, деятельность террористических организаций.

В целях обороны созданы Вооруженные Силы Российской Федерации и устанавливается воинская обязанность граждан. Она является конкретным проявлением конституционного долга и обязанности по защите Отечества, но адресована определенным законом категориям граждан. Основной формой осуществления воинской обязанности является прохождение военной службы по призыву.

Граждане Российской Федерации несут военную службу в соответствии с Федеральным законом от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – ФЗ № 53) [2].

В данном случае можно говорить о таком явлении, как конституционный долг личности, который находит свое закрепление в виде конституционной обязанности (в данном случае – обязанности по защите Отечества).

По мнению Д.М. Евстифеева, конституционный долг личности – это совокупность предусмотренных Основным законом государства и действующим законодательством требований и морально-нравственных призывов, адресованных лицу и исполняемых им в интересах других лиц, общества и государства путем участия в правоотношениях различной отраслевой принадлежности, посредством осуществления соответствующих конституционных прав, свобод и исполнения обязанностей в установленном законом порядке [9, с. 31].

Таким образом, категорию «долг» можно рассматривать с морально-нравственной точки зрения, однако при ее закреплении в нормативных актах данную категорию следует оценивать как императивное требование государства. В частности, в Российской Федерации предусмотрена ответственность за уклонение от несения военной службы. Специфика конституционного долга по защите Отечества выражается в ее многоплановости, распространённости на любого гражданина РФ независимо от его физического состояния, годности к несению военной службы. Однако, несмотря на это, особой значимой отраслью в обороне страны является несение военной службы. Следовательно, обязанность защищать Отечество призвана обеспечить безопасность страны и напрямую влияет на возможность успешного противостояния России внутренней и внешней агрессии.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что конституционная обязанность защищать Отечество включает совокупность обязанностей гражданина в отношении защиты Отечества, которые реализуются как в мирное, так и в военное время. Одной из форм ее реализации является воинская обязанность. Тезис о том, что обязанность несения военной службы является основной формой реализации обязанности по защите Отечества, содержится в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21.10.1999 [4].

Основной формой осуществления воинской обязанности является прохождение военной службы. Это особый вид федеральной государственной службы, непосредственно связанный с защитой Отечества, а также с обеспечением обороны страны и безопасности государства. Исполняют ее граждане, у которых нет гражданства другого государства. Вместе с тем нельзя сводить всю совокупность правоотношений, связанных с защитой Отечества, лишь к воинской обязанности. Они имеют разную юридическую природу и выполняют разные функции в конституционном регулировании отношений государства и личности. В отличие от конституционной обязанности по защите Отечества, обязанность несения военной службы ограничена во времени сроками, имеет возрастные и половые признаки и зависит от здоровья гражданина.

Прохождение военной службы осуществляется гражданами по призыву (как исполнение воинской обязанности) и в добровольном порядке (по контракту).

Призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, состоящие или обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе. На военную службу не призываются граждане, которые в соответствии с ФЗ № 53 освобождены от исполнения воинской обязанности, призыва на военную службу, граждане, которым предоставлена отсрочка от призыва на военную службу, а также граждане, не подлежащие призыву на военную службу.

Конституционная обязанность по защите Отечества реализуется в осуществлении: воинского учета, подготовки к военной службе, призыва на военную службу, пребывания в запасе, альтернативной гражданской службы.

Отмечу, что воинская обязанность не распространяется на иностранцев и лиц без гражданства, проживающих на территории Российской Федерации, а также на граждан Российской Федерации, постоянно проживающих за пределами Российской Федерации.

В свою очередь, часть 3 статьи 59 Конституция РФ предусматривает, что гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой – особым видом трудовой деятельности в интересах общества и государства. В соответствии с Федеральным законом от 25.07.2002 № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» на альтернативную гражданскую службу направляются граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, которые не пребывают в запасе, имеют право на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой, лично подали заявление в военный комиссариат о желании заменить военную службу по призыву альтернативной гражданской службой и в отношении которых призывной комиссией, создание которой регулируется ФЗ № 53, принято соответствующее решение [3].

Альтернативная служба отражает степень компромисса, достигнутого между властями и лицом, заявившим, что оно отказалось от призыва на военную службу.

В свою очередь, возможность прохождения альтернативной службы позволяет сохранить равенство несения обязанностей, что предусмотрено статьей 6 Конституции РФ.

Вне зависимости от вероисповедания, внутренних убеждений лица, достигшие призывного возраста, должны исполнить свою обязанность по защите Отечества, которая будет выражаться в прохождении военной службы по призыву. Однако в данном случае следует учитывать исключение, согласно которому на военную службу в Российской Федерации не призываются лица, указанные в статье 53 ФЗ № 53. В частности, к ним относятся граждане: признанные ограниченно годными к военной службе по состоянию здоровья, прошедшие военную службу в другом государстве в случаях, предусмотренных

международными договорами Российской Федерации, имеющие предусмотренную государственной системой научной аттестации ученую степень, отбывающие наказание в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, ареста или лишения свободы и др.

Перечень оснований для замены несения военной службы альтернативной гражданской службой уставлен Конституцией РФ, является открытым. Прямо упомянуты только граждане РФ, для которых несение военной службы противоречит убеждениям или вероисповеданию. Иные случаи могут предусматриваться в федеральных законах. Так, Федеральный закон от 25.07.2002 № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» закрепляет, что право на замену военной службы альтернативной предоставляется также, если гражданин относится к коренному малочисленному народу, ведет традиционный образ жизни, осуществляет традиционное хозяйствование и занимается традиционными промыслами

В данном случае можно говорить о равенстве обязанности несения военной службы только применительно к гражданам, подходящим под критерии для их призыва на военную службу.

Следует обратиться к мнению М.В. Саудаханова, который считает, что под закрепленным в Конституции РФ принципом равенства следует понимать равенство непосредственно в исполнении закона, запрет произвола. Таким образом, здесь говорится «не о фактическом равенстве», а о равенстве правовых возможностей, различных по своему социальному статусу и имущественному положению, способностям и ожиданиям людей и равенстве в законопослушании [10, с. 118].

Идеалом справедливости государственного и общественного устройства является принцип равенства между людьми, установление и фактическое применение которого является важнейшей задачей правового и демократического государства.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) высказывался и по вопросу равенства несения воинской обязанности. Принцип равенства характеризуется стремлением к установлению одинаковых условий исполнения воинской обязанности для всех военнообязанных. Однако имеются исключения, так в России на военную службу не призываются женщины, установлены различные отсрочки и освобождения от призыва на военную службу. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17.04.2018 № 15-П указано, что принцип равенства предполагает равный подход к формально равным субъектам, что не обуславливает необходимость предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям, но не исключает необходимости учета законодателем фактических различий между различными лицами [7].

Исходя из актов толкования ст. 59 Конституции РФ в решениях Конституционного Суда РФ, лица, несущие военную службу, в том числе по контракту, выполняют конституционно значимые функции, чем обуславливается их правовой статус, а также содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним [5] и их обязанностей по отношению к государству [6]. Ученые непосредственно связывают понятие национальной безопасности, а также устойчивое и динамичное развитие России и его обеспечение с понятием стабильности, при котором в случае изменения внешних или внутренних условий надежно обеспечиваются территориальная целостность, государственный суверенитет страны, ее политическое и социально-экономическое развитие, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также устойчивое функционирование общественных и государственных институтов [8, с. 598].

Таким образом, конституционные долг и обязанность по защите своего Отечества распространяются на российских граждан, при этом формы и способы участия граждан в защите своего Отечества дифференцированы в зависимости от пола, возраста, социального положения и ряда других факторов. Механизм обеспечения обороны страны и государственной безопасности законодательством урегулирован достаточно полно.

Защита суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации является важнейшей задачей в области национальной безопасности Российской Федерации. Выполнение данной задачи возлагается на специально создаваемые государственные

военные организации (Вооруженные Силы России, другие войска и воинские формирования) и органы, а также в пределах, установленных законодательством, на всех иных субъектов.

Следует отметить, что участие граждан в обеспечении обороны и безопасности в узком смысле означает участие в текущей деятельности в административно-правовых формах содействия, сотрудничества и взаимодействия. Оно предполагает, что граждане, принимая участие, не приобретают специальный административно-правовой статус, связанный с формированием органа или организации в составе военной организации государства (согласно положениям ФЗ № 53), т.е. остаются именно гражданами как представителями гражданского общества.

Участие в обеспечении обороны и безопасности в широком смысле предполагает, помимо указанного выше, исполнение воинской обязанности, прохождение военной службы по контракту, иные административно-правовые формы, предполагающие формирование соответствующего органа или организации, а также осуществление общественного контроля в качестве последующего вида участия [11, с. 91].

Говоря о национальном интересе, следует учитывать приоритет интересов личности как одного из его элементов. С учетом того, что интересы личности должны соотноситься с интересами государства, а последнее (вместе с его властными органами), в свою очередь, является одним из основных субъектов механизма реализации национальных интересов.

В целях объединения усилий государства, общества и личности по защите Российской Федерации следует ориентировать законодательное регулирование и правоприменительную практику на необходимость соблюдения конституционного принципа равенства перед законом и судом. В особенности при исполнении конституционной обязанности по защите Отечества вне зависимости от происхождения, имущественного и должностного положения.

Стоит учитывать, что в основе участия граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства лежат долг с его нравственным, моральным, идеологическим содержанием и народовластие как основа конституционного строя и источник власти. Участие граждан в этом обеспечении является правовой основой объединения усилий государства, общества и личности в защите Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 28.05.2022) «О воинской обязанности и военной службе» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 25.07.2002 № 113-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об альтернативной гражданской службе» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.10.1999 №13-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца 1 подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с запросом Советского районного суда города Омска» // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.04.2001 № 5-П «По делу о проверке конституционности части первой пункта 1 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в связи с запросом Находкинского гарнизонного военного суда» // СПС КонсультантПлюс.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 30.09.2004 № 322-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Францына Валерия Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 2 статьи 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих», пункта 4 статьи 32 и пункта 11 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» // СПС КонсультантПлюс.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.04.2018 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобой гражданина П.А. Спиридонова и запросом Бугульминского городского суда Республики Татарстан» //

СПС КонсультантПлюс.

8. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Тематический блок «Национальная безопасность» / Под общ. ред. В.А. Баришпольца. М., 2012. Т. 1. 864 с.

9. Евстифеев Д.М. Конституционный долг личности в законодательстве и судебной практике // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7. С. 30–34.

10. Саудаханов М.В. К вопросу о равенстве конституционных обязанностей граждан // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 3. С. 117–119.

11. Федотова Ю.Г. Функции граждан по защите Отечества и обеспечению обороны и безопасности Российской Федерации // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2019. № 4 (149). С. 85–103.

Об авторах:

ФЕЦИК Ярослав Владимирович – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: yvfetsik@edu.tversu.ru

ЗУБАРЕВ Александр Юрьевич – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: RussianZubr98@yandex.ru

НОВИК Илья Иванович – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: iinovik@edu.tversu.ru

ЗАЩИТА ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН: ДОЛГ ЛИЧНОСТИ ИЛИ ОБЯЗАННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ?

К.В. Шлепкина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются ключевые факторы, связанные с морально-нравственным аспектом профессиональной деятельности государственных служащих в Российской Федерации. Также рассмотрены вопросы, формулирующие и определяющие, что есть для государственного служащего объемная характеристика, связывающая его профессию с истинным долгом личности или же формальной обязанностью по выполнению своих прямых обязанностей на службе.

Ключевые слова: государственный служащий, долг, обязанность, личность, гражданин.

В тенденциях современного общества зачастую затрагиваются интересы не только государственного масштаба, но и личностные, каждого святого гражданина страны. Сопоставление своего «я» и должностных обязанностей при работе государственных служащих часто приводит к двум аспектам, параллелям: они могут быть схожи, то есть государственный служащий является на самых истинно чистых началах патриотом своей страны, в его принципах установлены такие первичные характеристики как: честь, достоинство, долг, сострадание, справедливость, в противовес этого иным видом отношения к своим обязанностям государственный служащий может относить банальное подчинение, автоматическое исполнение поручений, а также предоставляемые ему социальные гарантии в виде пенсий, пособий, выплат, надбавок.

Современные требования к государственной службе России проистекают из критериев создания демократического, правового и социального государства, гармонично взаимодействующего с гражданским обществом, а также из социального и правового положения, которое госслужащие занимают в механизме осуществления государственной власти. В соответствии со своим статусом они должны достойно исполнять служебные обязанности, служа гражданам России [2, с. 198].

В Российской Федерации действует отдельный закон, а именно Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», регламентирующий и закрепляющий положения: настоящим Федеральным законом в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации») устанавливаются правовые, организационные и финансово-экономические основы государственной гражданской службы Российской Федерации.

Согласно ст. 1 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации (далее также – государственные должности) – должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов, и должности, устанавливаемые конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации. Так, согласно ст. 2 этого же закона определено следующее понятие – государственная гражданская служба Российской Федерации (далее также – гражданская служба) – вид государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации (далее – граждане) на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации (далее также – должности гражданской службы) по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, органов публичной власти федеральной территории, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации.

Перечисленные в законе положения дают понимание, что есть гражданский служащий, очерчивается круг характерный и применимый для теоретического понятия «государственный служащий», некое внешнего базисного отличия, но немаловажно увидеть, что же содержится во внутреннем понимании данной должности. Поскольку данная профессия напрямую взаимосвязана с обществом и добросовестным, плодотворным установлением связи с ним, а главное, способствование по оказанию помощи «гражданину государства», будь то моральное убеждение в справедливости и установление истины или же конкретные прямые действия, стадии по раскрытию и предотвращению дальнейших негативных последствий ситуации.

Согласно ст. 4 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» принципами гражданской службы являются:

- 1) приоритет прав и свобод человека и гражданина;
- 2) единство правовых и организационных основ федеральной гражданской службы и гражданской службы субъектов Российской Федерации;
- 3) равный доступ граждан, владеющих государственным языком Российской Федерации, к гражданской службе и равные условия ее прохождения независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с профессиональными и деловыми качествами гражданского служащего;
- 4) профессионализм и компетентность гражданских служащих;
- 5) стабильность гражданской службы;
- 6) доступность информации о гражданской службе;
- 7) взаимодействие с общественными объединениями и гражданами;
- 8) защищенность гражданских служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность [1].

Здесь мы видим, что законодатель перечислил наиболее важные принципы, закрепляющие эффективное функционирование работы государственного служащего. В иерархичном порядке сгруппированы положения, связанные с базовым раскрытием внутреннего содержания «что есть государственный служащий», но в профессии неоспоримо должны содержаться высоко моральные требования к должности, перерастающие и отличающие гражданина, занимающего должность государственную, от простого обывателя.

Исследование показало, что понятия и принципы профессиональной этики государственной и муниципальной службы обретают форму нравственных требований. В частности, к таким требованиям, предъявляемым при поступлении и при исполнении служебных обязанностей государственными и муниципальными служащими, являются приверженность высшим нравственным принципам, верность государству, признание государственных интересов выше индивидуальных, частных; готовность выступить на защиту существующих законов; честная служба государству; соблюдение этического кодекса профессиональной деятельности. Важным является требование гуманизма, уважения к каждому человеку, признания суверенитета личности и ее достоинства [4, с. 5].

Анализ нравственных требований, предъявляемых в современной России к государственным и муниципальным служащим, свидетельствует о том, что к основным требованиям относятся следующие: соблюдение этики и культуры управления, наличие исполнительской дисциплины, знание основ делового общения. В практической деятельности целесообразно также руководствоваться такими культурно-этическими принципами, как целесообразность, рациональность, учет положительной мотивации и результата, органичное сочетание прав и обязанностей, свободы и ответственности и др. [3, с. 226].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать выводы о том, что категории «долг», «должное поведение», «профессиональный долг» применимы, естественно, не только к профессиональной деятельности государственных служащих. Они характеризуют весь спектр социальных отношений человека, взявшего на себя ответственность исполнения государственной службы: как в общественной, так и в личной жизни. Являющиеся по своей

сути истинными патриотами своей Родины в совокупности с обществом граждане, избравшие профессию государственного служащего, избрали ее потому, что она включает разноплановые характеристики личности. Возлагая на себя обязанности, закрепляющиеся в законодательстве Российской Федерации, должностное лицо осознает весь моральный спектр нравственных качеств, требований. Личностный подход должен давать в совокупности твердость духа и характера, при этом не теряя взаимосвязи с состраданием к гражданину, обратившемуся за помощью.

В совокупности характеристик правоохранителя обязаны быть присущие ему стрессоустойчивость, трудолюбие, мобильность, усидчивость и много другое, наравне с ними человеческое понимание становится неотъемлемой частью профессии. Чувство ответственности, долга, чести, благородные начала личности аксиомой должны пронизывать пусть немного, но все же идеологический смысл, заложенный в должности «правоохранителя», «государственного служащего». Нельзя говорить и о слепой, безукоризненной, идеалистической представляющейся реальности всей системы государственного аппарата, но должность подразумевает и побуждает личность служащего способствовать работе по устранению сбоев и ошибок системы. Работая, иными словами, на благо Отечества, должностные полномочия сами способствуют и вызывают долг личности к благим намерениям, искоренению зла и к очистке мира от недобросовестных, антиобщественных начал.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Ботавина Р.Н. Этика менеджмента: учебник. М.: Финансы и статистика. Москва, 2001. 198 с.
3. Омельченко Н.А. Этика и культура управления в системе государственной власти и госслужбы: учебное пособие для студентов специальности «Государственное и муниципальное управление» – 080504: Допущено Министерством образования Российской Федерации. 4-е изд. стер. М.: ГУУ, 2010. 226 с.
4. Яблонская Л.М. Деонтология государственной службы как наука о долге и достойном поведении государственных служащих // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». 2008. № 27. С. 88–93.

Об авторе:

ШЛЕПКОВА КРИСТИНА ВАДИМОВНА – студентка 4 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: kvkashnikovna@edu.tversu.ru

ЧАСТЬ 2. СТАТЬИ МАГИСТРАНТОВ И ВЫПУСКНИКОВ

КОНСТИТУЦИОННО ЗНАЧИМЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОМ ПАРТНЁРСТВЕ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ

А.В. Воронин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблематика реализации и гармонизации конституционно значимых интересов в публично-частном партнёрстве в сфере юридических услуг. По мнению автора, такая гармонизация должна осуществляться на основе конституционного принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности. Данный принцип в современных реалиях может быть воплощён в жизнь как посредством легального правотворчества, так и путём оформления публично-частного партнёрства в иных сферах человеческой деятельности.

Ключевые слова: конституционно значимые интересы, публично-частное партнёрство, юридические услуги.

Актуализация институциональных ресурсов публично-частного партнёрства в сфере юридических услуг с конституционно-методологических позиций связана, прежде всего, с необходимостью реализации и гармонизации конституционно значимых интересов субъектов права в установлении подобного формата взаимоотношений. Принимая во внимание то, что как публичный, так и частный интерес предопределён необычайной социальной напряжённостью, возникшей на фоне пандемии COVID-19, всеобъемлющей цифровизации и цифровой трансформации, а также исторически детерминированного (обусловленного) ценностного, экономического, политического и иного противостояния России и ряда зарубежных стран, которое неизбежно влечёт за собой институциональные изменения в различных сферах, следует вести речь о необходимости изучения заявленной проблематики сквозь призму данных вызовов времени.

Ранее в рамках научно-практической дискуссии о критериях легализации и о круге субъектов, имеющих право на оказание конституционно значимой квалифицированной юридической помощи [7, с. 40], была построена доктринальная модель правозащитного регулирования, предполагающая создание наряду с адвокатскими палатами саморегулируемых организаций юристов без статуса адвоката.

Между тем в контексте проецирования соответствующих разработок на реальную, в первую очередь, правовую, действительность представляется целесообразным использование союза «но» ввиду существования необходимости определения вероятных рисков, связанных, с одной стороны, с внедрением вышеуказанной научной модели в актуальную правовую действительность, а с другой, с обеспечением надлежащего правопользования, предупреждающего возникновение хаотических посылок и деструкций.

Прежде всего, по нашему мнению, к вероятным рискам следует относить риск преобладания того или иного интереса, поскольку превалирование частного интереса над публичным способно привести к увеличению числа случаев злоупотребления правом, преобладание же публичного интереса над частным может повлечь за собой возвращение к реалиям юридического позитивизма под знаменем «развития» правовой материи. Сказанное надлежит рассматривать в качестве проблемы. При этом, поскольку ни преобладание частного интереса, ни преобладание публичного интереса, исходя из содержания ст. 2 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1], не может быть признано допустимым, видится необходимым отметить следующее.

Пандемия COVID-19 повлекла существенные изменения как в юридической науке, так и в юридической практике. В 2020 году, то есть «до нанесения «ковиду» ответного удара», адвокаты, входящие в состав адвокатских палат различных субъектов Российской Федерации, реализовывали своё право на оказание конституционно значимой квалифицированной юридической помощи (ст.ст. 34, 37, 46 Конституции РФ) в рамках ограничительного регулирования, направленного на самоорганизацию общества перед

возникновением общей угрозы и организованного для целей обеспечения социальной солидарности, основанной на взаимном доверии государства и общества [3]. Так, представители адвокатского сообщества г. Москвы имели возможность передвигаться по городу только при предъявлении удостоверения, участвовать в следственных действиях лишь с соблюдением социальной дистанции, а выступать в судах исключительно при разрешении неотложных дел [4], что в контексте реализации положений ст. 41 Конституции РФ явилось особенно актуальным. Однако, поскольку в настоящее время, подобно Дамоклову мечу, сохраняется «коронавирусная угроза», представляется необходимым совершенствование механизма правового регулирования общественных отношений, складывающихся по поводу оказания юридической помощи как адвокатами, так и лицами, не имеющими указанного статуса, ведь в соответствии с вышеупомянутой доктринальной моделью предполагается приведение к единому знаменателю данных представителей юридического бизнеса для целей обеспечения надлежащего правопользования. Действующее законодательство, восходящее к положениям ст.ст. 46, 48 Конституции РФ, не содержит положений, позволяющих лицам, не являющимся адвокатами, реализовывать свои возможности в отсутствие удостоверений и ордеров. В то же время адвокатам указанные документы предоставляют возможность действовать свободно в рамках предоставленных лицам обозначенной статусной номинации полномочий [2]. Это создаёт правовую неопределённость при решении вопроса о свободе действий (и, следовательно, о реализации частного интереса) юристов без статуса адвоката. Как следствие, на наш взгляд, легальному законодателю надлежит разработать такой нормативно-правовой акт, которым будет определён не только порядок деятельности представителей юридического сообщества, являющихся членами соответствующих саморегулируемых организаций, а равно порядок оформления и подтверждения полномочий юристов, не являющихся адвокатами, и др., но и будут заданы базовым образом общие параметры деятельности соответствующих субъектов в нетривиальных условиях (например, в условиях пандемии).

Наряду с этим, поскольку 2020 год был ознаменован форсированным внедрением цифровых технологий в различные сферы человеческой деятельности, включая правосудие, необходимо отметить следующее. В первую волну пандемии COVID-19 многим юристам, в том числе адвокатам, довелось принять участие в судебных заседаниях в режиме «онлайн» [5]. Между тем по состоянию на 2022 год действующее законодательство не содержит положений, определяющих порядок осуществления юридической деятельности (как адвокатами, так и частнопрактикующими юристами), связанной с предоставлением Интернет-консультаций, дистанционным (через сеть «Интернет») составлением юридических документов и др. Хотя, как следует из содержания нормы п. «е» ст. 71 Конституции РФ (в её корреляции с положениями ст.ст. 2, 94, 95), федеральному законодателю надлежит на основе общественных потребностей осуществлять разработку правотворческих инициатив в целях повышения эффективности механизма реализации права на получение (а равно на предоставление) квалифицированной юридической помощи. В связи с этим, с нашей точки зрения, субъекту легального правотворчества уже в обозримом будущем следует разработать такие предложения по внесению изменений в действующее законодательство, которые позволят как адвокатам, так и юристам без статуса адвоката (в перспективе – членам саморегулируемых организаций), а также гражданам, нуждающимся в получении квалифицированной юридической помощи, обеспечить реализацию собственных частных интересов. При этом видится необходимым определение легальных пределов предоставления и получения соответствующих видов юридических услуг (например, путём дополнительной легализации отдельных каналов связи для предупреждения использования «Darknet-технологий» и пр.). В этой связи представляется оправданным и создание особых институций, в том числе для целей обеспечения надлежащего уяснения субъектами права содержания правового текста.

Кроме того, поскольку в свете противостояния России с рядом зарубежных стран, существует реальная возможность выхода Российской Федерации из числа участников отдельных организаций (например, ВТО) [6], следует вести речь о необходимости реформирования действующего законодательства в ключе качественного обновления не

только стандартов оказания квалифицированной юридической помощи, но и в ключе создания единого пространства (в соответствии со ст.ст. 8, 48 Конституции РФ), в том числе, как следует из вышеизложенного, цифрового, в котором у юристов и адвокатов будет иметься реальная наполненная конституционно-правовым содержанием возможность не только оказывать гражданам, организациям и иным субъектам правовую помощь, но и взаимодействовать между собой для целей пополнения запаса собственных знаний, обмена опытом, сохранения преемственности поколений российских юристов и традиций отечественной юриспруденции (соответственно в расширительном истолковании ст. 67¹ Конституции РФ). Для этого, по нашему мнению, необходима организация публично-частного партнёрства не только в сфере юридических услуг, но и в сфере IT, образования, науки и др.

Сказанное, как видится, позволит обеспечить надлежащим образом реализацию частного интереса лиц, призванных Конституцией РФ, к оказанию квалифицированной юридической помощи, а также обеспечить надлежащую правовую охрану интересов тех, кто в получении такого рода помощи нуждается. Соответствующие правовые средства позволят предотвратить и деструктивные практики злоупотребления правом, а равно совершения различного рода правонарушений. Маркёром же эффективности деятельности государства как субъекта, работающего для всех и на благо всех, и соответственно реализации его публичного интереса, сводящегося к обеспечению надлежащего конституционного правопользования и недопущению произвола и вырождения себя в субъекта легизма или неопозитивизма, должны стать те ориентиры, которые уже в настоящее время нашли своё отражение в тексте Конституции РФ, и те постулаты, которые по окончании ранее упомянутых событий, вероятно, ещё будут объективированы в конституционно-правовом тексте.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующий вывод. В основе гармонизации соответствующих интересов в публично-частном партнёрстве должен лежать, прежде всего, конституционный принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности. Обеспечение реализации данного исходного конституционно-правового положения видится в рекомендации легальному законодателю разработать нормативно-правовую базу, определяющую параметры деятельности субъектов, наделённых правом на оказание конституционно значимой квалифицированной юридической помощи, пределы предоставления юридической помощи и т.д., а также в оформлении публично-частного партнёрства в иных сферах, включая IT, образование и др., что позволит предотвратить вероятные риски увеличения числа случаев злоупотребления правом и возвращения к реалиям юридического позитивизма.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Адвокаты и коронавирус: работа в условиях пандемии // Право.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/220666/>, свободный (дата обращения: 03.03.2022).
5. Адвокаты и юристы рассказали «АГ» о своих впечатлениях от судебных онлайн-

заседаний // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-i-yuristy-rasskazali-ag-o-svoikh-vpechatleniyakh-ot-sudebnykh-online-zasedaniy/>, свободный (дата обращения: 11.04.2022).

6. Вице-спикер Госдумы Толстой анонсировал выход России из ВТО и ВОЗ // RTVI [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rtvi.com/news/vitse-spiker-gosdumy-tolstoy-anonsiroval-vykhod-rossii-iz-vto-i-voz/>, свободный (01.05.2022).

7. Крусс В.И., Воронин А.В. Конституционное правоупотребление в сфере юридических услуг // Права человека: история, теория, практика. Девятая Всероссийская научно-практическая конференция: Сборник научных статей (18 ноября 2020 года) / Ред. кол.: В.В. Коровин (отв. ред.) [и др.]; Юго-Западный государственный университет. Курск: Юго-Запад. гос. ун-т, 2020. С. 40–42.

Об авторе:

ВОРОНИН Алексей Витальевич – магистрант 2 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: alexvor1997@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В КОНТЕКСТЕ ГАРМОНИЗАЦИИ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Д.Д. Ефремов, А.В. Удалова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается необходимость реализации корпоративной экономической политики в коммерческих организациях. Анализируется гражданское законодательство и определяются основные признаки корпоративных отношений с юридической точки зрения. Обосновывается необходимость соблюдения принципов законности, справедливости, нравственности в процессе реализации корпоративной экономической политики. Анализируется уголовное законодательство Российской Федерации в части ответственности юридических лиц за нарушение уголовного закона, предпринимается попытка дифференциации ответственности таких субъектов, как: юридическое лицо и физическое лицо в роли руководителя коммерческой организации (юридического лица).

Ключевые слова: организация, руководитель, экономические преступления, корпоративная организация, предпринимательская деятельность, корпорация, экономическая политика, государственный контроль, комплаенс-система.

Конституция Российской Федерации [1] в статье 8, статье 34, статье 35 закрепляет правовые основы национальной экономической системы, которая включает в себя рыночную экономику, единство экономического пространства, защиту всех форм собственности и право на свободное использование способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности. Принципом экономической свободы предопределены правомочия, составляющие содержание конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, реализуя которое граждане могут выбирать сферу этой деятельности и осуществлять ее индивидуально либо совместно с другими лицами, пользуясь конституционными гарантиями права собственности и поддержки государством добросовестной конкуренции [6].

Защищая основные права участников предпринимательской деятельности, в равной мере учитывая публичные интересы и интересы всех категорий хозяйствующих субъектов, конституционный нормоконтроль вносит свой вклад в становление благоприятной деловой среды, поступательное экономическое развитие, в претворение положений статьи 75.1 Конституции Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) о создании условий для устойчивого экономического роста, повышения благосостояния граждан, обеспечения социального партнерства.

Указ Президента России «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» закрепил необходимость достижения цели научно-технического развития Российской Федерации, которая должна быть достигнута путем осуществления ряда задач, в том числе путем выработки и реализации на федеральном, региональном, отраслевом и корпоративных уровнях согласованной политики, обеспечивающей переход российской экономики на новую технологическую основу [4].

Следует отметить, что указываемое достижение цели в части отраслевой и корпоративной политики видится в необходимости выработки коммерческими организациями (юридическими лицами, корпорациями) функционирующих внутриорганизационных экономических систем.

Российское корпоративное право развивалось по модели континентальной правовой системы. В современном гражданском праве долгое время отсутствовало легальное закрепление таких понятий, как: «корпорация», «корпоративные отношения», что, в свою очередь, порождало многообразность подходов в понимании с точки зрения правового регулирования таких явлений, в том числе с позиции экономической доктрины.

Корпоративные отношения с юридической точки зрения можно определить как отношения, которые:

- входят в предмет гражданского права, что напрямую следует из содержания статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2];
- складываются по вопросу участия в деятельности корпорации и ее управления с целью получения прибыли и достижения общественно значимого, социального эффекта, что исходит из содержания статьи 65.2 ГК РФ;
- обладают специфическим методом правового регулирования и неоднородностью субъектного состава, что обусловлено содержанием статьи 65.3 ГК РФ.

В.В. Фролов дает следующее определение: корпорация – это сложное организационное образование, состоящее из производственных и функциональных единиц, связанных в рамках единого процесса управления производством и капиталом [7]. В.В. Киреева рассматривает корпорацию как союз различных предприятий, которые совершают совместную деятельность согласно своим интересам и специализации [10].

С экономической точки зрения корпорация является организационной формой предпринимательской деятельности, целью осуществления которой является извлечение выгоды из такой деятельности. Из этого следует вывод о том, что корпорацию как субъект экономической деятельности в юридическом смысле в случае наличия экономически мотивированной цели получения выгоды можно трактовать как субъект предпринимательской деятельности.

Исходя из вышеизложенного понятия корпоративных отношений и корпорации с юридической точки зрения и определения корпорации как субъекта предпринимательской деятельности, можно сделать вывод о взаимозависимости таких понятий в части их соотносимости с позиции их взаимоподчинения, в части включения в понятие экономической деятельности понятия предпринимательской деятельности и взаимосвязи с реализацией корпоративной экономической политики субъектами коммерческих организаций. Соответственно, если исходить из такой позиции сопоставления рассматриваемого экономического и юридического явления, то преступления в сфере предпринимательской деятельности являются составной частью преступления в сфере экономической деятельности.

Таким образом, корпоративные отношения в комплексном толковании с юридической точки зрения и точки зрения экономического субъекта следует трактовать как отношения организационно-управленческого типа, которые связаны с реализацией и защитой средствами корпоративных прав с неотрывным осуществлением посредством корпоративных прав корпоративных обязанностей субъекта экономической деятельности, в том числе в части соблюдения действующего законодательства, регламентирующего деятельность рассматриваемого экономико-правового явления.

Вектор реализации корпоративной экономической политики должен быть направлен на соблюдение и соответствие деятельности юридического лица нормам действующего законодательства, в частности, нормам уголовного закона Российской Федерации, содержащимся в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [3]. Исходя из предложенного определения корпоративных отношений, в части наличия обязанности соблюдения действующего законодательства у субъекта предпринимательской деятельности, в базисе корпоративной экономической политики должны лежать законность, справедливость и нравственность.

В последние годы одновременно с увеличением количества субъектов бизнеса, в том числе, малого, среднего и крупного, популярность обрел механизм комплаенс-системы в организациях, которую можно определить как составную часть реализации корпоративной экономической политики. О.В. Сушкова разделяет функции комплаенс-системы на два вида: превентивный контроль (преимущественно, так как задача комплаенс-системы состоит в первую очередь в предотвращении нарушений) и последующий контроль, т.е. меры по выявлению рискованных случаев, реакция на инциденты и минимизация рисков [9, с. 195]. В данном ключе минимизацию рисков можно определить, среди прочего, как соблюдение частных и публичных интересов в уголовно-правовом аспекте.

Вопрос дифференциации уголовной ответственности в сфере предпринимательской деятельности является предметом пристального внимания как со стороны государства и

государственной власти, так и со стороны субъектов предпринимательства (юридических лиц, коммерческих организаций), в частности, ввиду роста совершения экономических преступлений субъектами предпринимательской деятельности.

По сводным данным Следственного комитета Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации за 2019 год, по статьям 159–159.6, 160, 165, а также по статьям главы 22 УК РФ было зарегистрировано 317 627 преступлений – на 37 % больше, чем годом ранее. По статистике Судебного департамента, только за первое полугодие 2020 года приговоры получили 4 143 предпринимателя, больше всего приговоров суды вынесли за «незаконное предпринимательство, банковскую деятельность и «лжепредпринимательство»» [12]. Такие сведения, безусловно, не позволяют в точности определить криминогенную составляющую преступлений в сфере предпринимательской деятельности ввиду невозможности учета и анализа каждого из преступлений. Однако исходя из указанной выше статистики за 2019 год и 2020 год однозначно следует тенденция к повышению количества преступлений в рассматриваемой сфере.

Современный Большой юридический словарь содержит толкование, которое является интересным в контексте рассматриваемой темы, термина «частное право»:

- отрасли права, регулирующие отношения в области интересов граждан, индивидуальных собственников, предпринимателей, различного рода объединений (корпораций) в их имущественной деятельности и личных отношениях;
- совокупность отраслей права и правовых институтов, регулирующих те группы общественных отношений, юридических лиц, их объединений в условиях равенства сторон этих отношений, независимости и инициативы индивидуальных собственников и корпораций.

Определение «публичного права» в контексте тематики исследования представляется не менее интересным. Так, «публичное право»:

- совокупность отраслей права, которые регулируют отношения;
- совокупность отраслей права, нормы которых определяют организацию, функции и деятельность государства, его отношение к отдельным лицам, в том числе юридическим, т.е. регулируют их деятельность.

Таким образом, определения частного и публичного права в настоящее время неразрывны с категорией интереса и разграничением частных и публичных интересов. В контексте уголовно-правового аспекта и деятельности коммерческих организаций видится, что под «частным правом» следует понимать права и отрасли права, непосредственно охраняющие деятельность субъектов предпринимательской деятельности и обеспечивающие их юридическое равенство, а под «публичным правом» надлежит понимать систему норм права, регулирующих деятельность государства, его отношение к рассматриваемым субъектам, использование императивных правовых норм (императивный метод правового регулирования, предполагающий использование методов обязывания и запрета, а также субординацию и отношения власти и подчинения их субъектов).

Корпоративные отношения регулируются как множеством нормативно-правовых актов в целом, так и правовыми актами различных отраслей права в частности, гражданским правом, административным правом и уголовным правом. В этой связи каждой отрасли права отведена своя роль, среди которых наиболее «жесткую» оценку законности деятельности корпораций производит уголовное законодательство.

Уголовный закон определяет пределы возможности осуществления рассматриваемого вида деятельности, заставляя при осуществлении корпоративного управления учитывать уголовно-правовые риски. Ввиду этого корпоративные отношения можно определить как один из объектов уголовного права. В частности, статья 2 УК РФ среди задач уголовного права выделяет охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности. Актуальная редакция УК РФ не содержит в себе конкретного упоминания юридических лиц, корпораций, однако на основании действующего уголовного закона и в частности главы 22 и главы 23 УК РФ видится, что законодатель все же относит охрану прав юридических лиц к одной из своих задач.

Так, рассматриваемое понимание сущности корпоративных отношений позволяет утверждать возможность их рассмотрения в качестве объекта уголовно-правовой охраны, а предписание статьи 8 УК РФ позволяет устанавливать применительно к каждому уголовно-правовому запрету пределы уголовно-правового регулирования.

Исходя из анализа действующего уголовного законодательства преступления в сфере корпоративных отношений, видится возможным установить градацию преступлений на две основные группы:

- преступления, совершаемые в рамках внутренней деятельности организаций: статья 183 УК РФ, статья 185.4 УК РФ, статья 185.5 УК РФ, статья 201 УК РФ, статья 203 УК РФ, статья 204 УК РФ и другие;
- преступления, совершаемые в рамках внешней политики организаций, в том числе экономической политики: статья 170 УК РФ, статья 170.2 УК РФ, статья 172.2 УК РФ, 172.3 УК РФ, статья 174 УК РФ, статья 176 УК РФ и другие.

Т.В. Семёнов дифференцировал преступления в сфере корпоративных правоотношений по социальным благам, которые нарушаются в рамках совершения того или иного преступления:

- лишение права на участие в корпорации или уменьшению уровня корпоративного контроля;
- воспрепятствование или ограничение реализации корпоративных прав;
- причинение корпоративных убытков в ходе корпоративного управления [8, с. 144].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 7 [5] разъяснено, что рассматриваемая категория дел является делами частно-публичного обвинения и возбуждаются по заявлению потерпевшего лица при соблюдении следующих условий:

- преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности;
- преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

Председатель Верховного Суда России Вячеслав Лебедев на совещании судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации по итогам работы в 2020 году сообщил, что 9 % осужденных в Российской Федерации предпринимателей получили реальные сроки [11]. Такая тенденция свидетельствует не только о повышенном внимании общества к такой категории дел, но и об ужесточении санкций за правонарушения в сфере предпринимательской деятельности.

Проведенное исследование позволило выявить ряд проблемных вопросов, касающихся определения понятий корпорации и коммерческой организации, в части определения и отнесения такого субъекта к объекту уголовно-правовой охраны. Видится целесообразным более точное указание анализируемых субъектов в основополагающих статьях уголовного законодательства Российской Федерации посредством внесения изменений, в частности, в статью 2 и статью 8 УК РФ, а также посредством актуализации положений, содержащихся в главах 22 и 23 УК РФ. Кроме того, следует закрепить легальное определение понятия преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Предполагается, что преступления в сфере предпринимательской деятельности стоит определить как уголовно-наказуемые деяния, которые посягают ввиду нарушения законодательства на внутреннюю деятельность организаций и (или) совершаемые в рамках внешней политики организаций.

Внутренняя и внешняя реализация экономической корпоративной политики, как указывалось ранее, должна отвечать принципам справедливости и нравственности, ввиду значимости института предпринимательской деятельности в рамках перехода российской экономики и правопорядка на новый уровень, а также ее общественно-полезного характера в контексте развития общества. Несомненно, государственный контроль над предпринимательской деятельностью является необходимостью в современных реалиях,

однако необходимо все же сосредоточить статьи, предусматривающие уголовную ответственность, в рамках отдельного раздела или главы в УК РФ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018 – 2020 годов; одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Фролов В.В. Экономическая сущность корпораций и их роль в экономике. КиберЛенинка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-suschnost-korporatsiy-i-ih-rol-v-ekonomike-1> (дата обращения: 05.02.2021).
8. Семёнов Т.В. Уголовно-правовая охрана корпоративных отношений // Право. Журнал высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 144–158.
9. Сушкова О.В. Особенности применения механизма антимонопольного комплаенса в сфере рекламы фармацевтических препаратов и медицинских изделий // Антимонопольный комплаенс как эффективный инструмент профилактики нарушений. Под ред. С.А. Пузыревского. М., 2019. С. 193–217.
10. Кириеева В.В. Понятие и сущность корпоративных организаций // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-korporativnyh-organizatsiy> (дата обращения: 02.05.2022).
11. В 2020 году только 9% осужденных предпринимателей приговорили к реальным срокам // ТАСС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/10659255/amp>, свободный (дата обращения: 03.05.2022).
12. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2020 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460>, свободный (дата обращения: 04.05.2022).

Об авторах:

ЕФРЕМОВ Дмитрий Дмитриевич – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: ddefremov@edu.tversu.ru

УДАЛОВА Алина Владимировна – выпускник направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: avudalova@edu.tversu.ru

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н.С. Николаева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются ключевые аспекты механизма юридической ответственности за налоговые правонарушения и конституционализации данного механизма.

Ключевые слова: налоговая обязанность, налоговое правонарушение, конституционализация.

Российское законодательство стремительно развивается в последние три десятилетия, активно развивается бизнес, появляются новые субъекты предпринимательской деятельности, что требует иного подхода к налогообложению и налоговому праву. Налогообложение из «очень простого» в советский период развития отечественного правового порядка стало достаточно сложным. Полярные мнения хозяйствующего субъекта и налогового органа вызывают налоговые споры. При таких условиях актуальным является изучение такого института налогового права, как налоговое правонарушение и налоговая ответственность.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) является базой для отечественного законодательства, в том числе и для налогового права. Статья 57 Конституции РФ закрепляет обязанность платить законно установленные налоги и сборы [Ошибка! Источник ссылки не найден.]. Конституционно-правовые нормы закрепляют основные принципы, которые выступают основой для развития института юридической ответственности в общем и налоговой в частности. В развитие положений Основного закона России был принят действующий Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – Налоговый кодекс РФ). В условиях современного демократического рыночного государства правовые категории требуют переосмысления. Не стала исключением и юридическая ответственность в налоговом праве.

Вторая проблема заключается в том, что отношение людей к обязанности уплачивать налоги в целом негативное. Как верно отметил А.В. Демин, взять чужое и не отдать свое – вещи психологически разные [4, с. 147]. Первый поступок воспринимается как воровство, к которому отношение в российском обществе в целом негативное. Обязанность уплатить налоги воспринимается как неправомерное требование отдать свое, и потому неуплата налога редко осуждается обществом. Однако данный подход является ошибочным. Искоренение его – еще одна функция налоговой ответственности.

Именно конституционное опосредование налоговой обязанности и соответствующее налоговое администрирование призваны и могут содействовать, с одной стороны, производительному росту свободной и добросовестной экономической активности и предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов, и с другой стороны, устойчивому наполнению бюджетных ресурсов страны как необходимой материально-финансовой предпосылки осуществления конституционной социальной политики (ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 34 Конституции РФ) [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 2].

В соответствии со статьей 106 Налогового кодекса РФ налоговое правонарушение есть виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое настоящим Кодексом установлена ответственность [1].

Единственной мерой ответственности в соответствии с положениями Налогового кодекса РФ выступает денежное взыскание или, иными словами, штраф. Размеры штрафа варьируются в зависимости от вида совершенного правонарушения. Пени мерой налоговой ответственностью не являются.

Общие условия привлечения к налоговой ответственности установлены в статье 108 Налогового кодекса РФ. Часть 1 данной статьи подчеркивает обязательность соблюдения условий привлечения к налоговой ответственности. Частью второй установлен запрет на привлечение к налоговой ответственности дважды за совершение одного и того же правонарушения [1].

Основанием для привлечения к налоговой ответственности выступает совершение налогового правонарушения. Факт его совершения устанавливается решением налогового органа, которое уже вступило в силу. Совершение налоговых правонарушений обычно выявляется при проведении мероприятий налогового контроля.

Налоговая ответственность, как и любой другой вид юридической ответственности, должна соответствовать требованиям справедливости. Обеспечение справедливости применения мер налоговой ответственности достигается наличием института отягчающих и смягчающих обстоятельств. Например, суд признает в качестве смягчающего обстоятельства самостоятельное выявление ошибок, исправление их и подача налоговой декларации.

Налоговое законодательство базируется на таких принципах, как всеобщность и равенство налогообложения, однако учитывается и фактическая способность налогоплательщика к уплате налога. Статья 3 Налогового кодекса РФ прямо запрещает любую дискриминацию при установлении налогов и сборов. Данный запрет действует и при применении мер юридической ответственности [1].

Часть 1 статьи 50 Конституции РФ содержит принцип недопустимости применения мер юридической ответственности за одно и то же правонарушение [**Ошибка! Источник с сылки не найден.**]. Данный принцип является универсальным и межотраслевым.

Также Налоговый кодекс РФ содержит запрет на применение обратной силы закона, ухудшающего положение налогоплательщиков при изменении налогового законодательства. Данная норма является развитием конституционно-правовых положений о запрете придания обратной силы законов, устанавливающих новые налоги либо ухудшающих положение налогоплательщика, установленного Конституцией РФ. Значение данной нормы заключается в том, что законодатель стремился исключить факторы, негативно влияющие на финансовую систему, обеспечить стабильность в обществе, развитие предпринимательской деятельности, проявляя тем самым особую заботу именно о сфере налогообложения.

Обязательным условием успешного функционирования налогообложения является четкое понимание у налогоплательщиков, какие налоги и в какие сроки они должны уплатить в будущем. Надо отметить, что законодательство некоторых стран Европы, а также США допускает придание обратной силы нормам о налогах. Однако делается это в исключительных случаях, при возникновении обстоятельств, которые имеют публично-правовую значимость. К таковым относятся стихийные бедствия, войны, глобальные экономические кризисы. Однако отечественное законодательство в условиях перехода к рыночным отношениям не восприняло данный зарубежный опыт. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что не имеют обратной силы толкования налогового закона, ухудшающие положения налогоплательщика.

Частью 2 статьи 54 Конституции РФ установлено императивное требование о применении нового закона в том случае, если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена [**Ошибка! Источник с сылки не найден.**]. Данный принцип применяется в связке с принципом о недопустимости применения обратной силы закона, ухудшающего положение лица, закреплен в части 1 указанной статьи.

Указанная норма является нормой прямого действия (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ). Это означает, что она применяется даже в том случае, если в законе отсутствует соответствующее специальное указание либо в правовом акте, регулирующем порядок вступления закона в силу, отсутствует подобная норма.

Налоговый орган, выступая в качестве публичного субъекта, обладающего властными полномочиями, последовательно приводит доводы, подкрепляя их доказательствами о том, что событие правонарушения имело место и совершил его именно налогоплательщик, притом совершил виновно.

Как справедливо отметил А.В. Донченко, принцип презумпции невиновности крайне плохо реализуется в отечественном правоприменении [5, с. 69]. Фактически обязанность налогового органа доказывать вину налогоплательщика трансформировалась в обязанность налогоплательщика предоставить суду должные доказательства своей невиновности. Таким образом, презумпция невиновности определяется не прямым указанием закона, а доказательственной активностью самого налогоплательщика.

На практике нередко возникает вопрос о соотношении мер налоговой, административной и уголовной ответственности, а именно о том, какая ответственность в каких случаях имеет место. Исчерпывающий перечень налоговых правонарушений содержится в Налоговом кодексе РФ. Данные правонарушения, совершенные в крупном размере и подпадающие под критерии норм Уголовного кодекса Российской Федерации, влекут уголовную ответственность. Иные правонарушения в сфере нарушения законодательства о налогах и сборах влекут не налоговую, а административную ответственность. Уголовная ответственность наступает за совершение тех правонарушений, которые причинили крупный ущерб.

Разграничение критериев, которыми обусловлено применение того или иного вида ответственности позволяет избежать нарушение конституционного принципа, повторенного и в нормах Налогового кодекса РФ, о том, что недопустимо дважды привлекать лицо к юридической ответственности за совершение одного и того же правонарушения.

Угроза нарушения конституционных ценностей, баланса частных и публичных интересов блокируется Конституционным Судом Российской Федерации как высшим органом конституционного контроля. Таким образом, можно сделать вывод о том, что механизм юридической (налоговой) ответственности в России предельно конституционализирован.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 01.05.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022, с изм. от 17.05.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Демин А.В. Нормы налогового права. / Сибирский федеральный университет, Красноярск, 2016. 409 с.
5. Донченко В.А. Налоговое планирование: учет новых тенденций и возможных рисков / Налоговед, 2018. № 5. 94 с.
6. Кресс В.И. Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации: монография. / М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 304 с.

Об авторе:

НИКОЛАЕВА Наталья Сергеевна – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: nsnikolaeva@edu.tversu.ru

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ В ОТНОШЕНИИ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

А.М. Самсонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере исполнительского иммунитета в отношении единственного жилого помещения. Целью работы является выявление проблем правового регулирования исполнительского иммунитета в отношении единственного жилого помещения, а также предложение направлений по совершенствованию действующего законодательства. Научная новизна выражается в полученных выводах, а именно автор указал на необходимость внесения изменений в положения законодательства о гражданском судопроизводстве, предложена редакция изменений. Полученные выводы могут быть использованы в практике правоприменения, при разработке законопроектов, а также при проведении дальнейших доктринальных исследований в аспекте исполнительского иммунитета в отношении единственного жилого помещения.

Ключевые слова: исполнительский иммунитет, жилое помещение, имущество, взыскание, роскошное жилое помещение.

На сегодняшний день особенно актуализируется вопрос, связанный с изъятием у собственника единственного жилого помещения в исполнительном производстве. Данная проблема является предметом многочисленных научных обсуждений, которые только усилились в 2021 году в связи с высказанными позициями на данный счет судами вышестоящих инстанций по таким категориям дел.

Следует отметить, что в ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [1] установлен перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание. В данный перечень входит также единственное жилое помещение, пригодное для постоянного проживания. Однако тут же установлено исключение из данного правила. Речь идет об ипотечных обязательствах. Если данное жилое помещение (даже если оно единственное) находится в залоге у банка в связи с заключенным ипотечным кредитом, то в данном случае положения ст. 446 ГПК РФ не применяются, а на такое имущество может быть обращено взыскание. В связи с этим особое внимание в рамках настоящего исследования следует уделить именно жилым помещениям, в отношении которых установлен «исполнительский иммунитет».

Переходя непосредственно к исследованию основных проблем, связанных с изъятием у собственника единственного жилого помещения в исполнительном производстве, следует отметить следующее.

Достаточно часто у лиц, в отношении которых ведется процедура банкротства, имеется единственное жилое помещение. Однако данное помещение превышает в разы разумно достаточное для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище [7, с. 98]. Речь идет о, так скажем, достаточно «роскошных» жилых помещениях [6, с. 527]. В связи с этим зачастую должники злоупотребляют положениями ст. 446 ГПК РФ, которые устанавливают неприкосновенность такого единственного жилого помещения. В данном контексте особый интерес вызывает позиция, высказанная весной 2021 года Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ).

Так, Постановлением от 26.04.2021 № 15-П [2] Конституционный Суд РФ дал оценку конституционности положений абзаца 2 части 1 статьи 446 ГПК РФ и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

«Указанные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании решается вопрос об исключении из конкурсной массы принадлежащего гражданину-должнику жилого помещения в качестве единственного пригодного для постоянного проживания для него и членов его семьи, совместно в нем проживающих, когда оно по объективным характеристикам (параметрам) значительно превышает разумно достаточное для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище.

Оспариваемые положения были признаны не противоречащими Конституции РФ, поскольку они не могут быть нормативно-правовым основанием безусловного отказа в обращении взыскания на жилые помещения (их части), предусмотренные этими законоположениями, если суд считает необоснованным применение исполнительского иммунитета, в том числе при несостоятельности (банкротстве) гражданина-должника, поскольку:

1) отказ в применении этого иммунитета не оставит гражданина-должника без жилища, пригодного для проживания самого должника и членов его семьи, площадью по крайней мере не меньшей, чем по нормам предоставления жилья на условиях социального найма, и в пределах того же поселения, где эти лица проживают;

2) должно быть учтено при необходимости соотношение рыночной стоимости жилого помещения с величиной долга, погашение которого в существенной части могло бы обеспечить обращение взыскания на жилое помещение;

3) ухудшение жилищных условий вследствие отказа гражданину-должнику в применении исполнительского иммунитета не может вынуждать его к изменению места жительства (поселения), что, однако, не препятствует ему согласиться с такими последствиями, как и иными последствиями, допустимыми по соглашению участников исполнительного производства и (или) производства по делу о несостоятельности (банкротстве)».

При этом Конституционный Суд РФ также указал на обязанность законодателя по внесению соответствующих изменений с учетом вынесенного постановления.

Иными словами, можно сказать, что Конституционный Суд РФ разрешил возникающую проблему в изъятии единственного жилого помещения, когда оно является, как было ранее отмечено, «роскошным». Тем самым фактически практикой правоприменения была создана и новая норма. Однако, как она себя покажет на практике, пока еще остается только ждать.

Возвращаясь к проблематике по заявленному вопросу, следует отметить, что на сегодняшний день граждане имеют большой объем ресурсов для накопления денежных средств (для их получения в принципе). Как правило, денежные средства вкладываются в недвижимое имущество, которое зачастую в последующем в процедуре банкротства оказывается «единственным». Вот тут возникает конкуренция интересов кредиторов и конституционных положений, закрепляющих право на жилище. Именно с целью реализации данного конституционного положения и был установлен исполнительский иммунитет на единственное жилое помещение в рамках ст. 446 ГПК РФ. Однако на сегодняшний день практика свидетельствует об участившихся злоупотреблениях такими положениями должниками и, как следствие, нарушении прав кредиторов, которые фактически не могут получить от должника то, что им полагается. Именно поэтому в последнее время такие дела доходят до рассмотрения судами вышестоящих инстанций, которые своими судебными актами «создают новые нормы».

Обратимся к практике правоприменения. Так, по одному из дел Судебная коллегия отклонила доводы представителя общества с ограниченной ответственностью «Эскорт», ссылавшегося на то, что московская квартира, являющаяся по своим объективным характеристикам чрезмерным (роскошным) жилым помещением, подлежит реализации (обмену) на менее роскошное в рамках исполнительного производства, возбужденного в отношении Базиян Е.Г. [3]. При этом суд также указал, что до настоящего времени новое регулирование федеральным законодателем не установлено, правила обмена роскошного жилья на необходимое не выработаны, критерии определения последнего не закреплены.

В данном контексте следует отметить, что фактически судебная практика не является источником права, однако суды «вынуждены создавать нормы права», поскольку законодатель не всегда вносит изменения в рамки действующего законодательства. Как следствие – возникает правовой пробел, который суды вышестоящих инстанций восполняют при разрешении тех или иных судебных споров. С одной стороны, мы можем говорить, что, действительно, действующее законодательство нуждается в конкретизации в аспекте изъятия у собственника единственного жилого помещения, поскольку такой нормой участники гражданского оборота злоупотребляют. Однако разрешить эту проблему необходимо путем

внесения соответствующих изменений в правовое регулирование, но, пока этого не сделано, судам надлежит руководствоваться позицией по данному вопросу, высказанной Конституционным Судом РФ.

Так, по одному из дел было заявлено требование об исключении из конкурсной массы должника (гражданина) 1/2 доли в праве на земельный участок и 1/2 доли в праве на жилое здание. Требование было удовлетворено, поскольку установлено, что жилое помещение является единственным пригодным местом для проживания должника и не является предметом ипотеки, не превышает уровень, достаточный для обеспечения разумной потребности должника в жилье, и не является роскошным жильем [4].

Однако в другом примере, руководствуясь правовой позицией Конституционного Суда РФ, суд первой инстанции сделал вывод о том, что до внесения соответствующих изменений в законодательство исключена возможность обмена роскошного жилья на замещающее помещение.

Апелляционная инстанция, отменяя определение суда первой инстанции, учитывая размер непогашенных в настоящее время требований конкурсных кредиторов, установив, что стоимость спорной квартиры значительно превышает стоимость квартиры в городе Мегионе, пришел к выводу об отсутствии оснований для исключения из конкурсной массы спорной квартиры [5].

Соответственно, в данном примере постановлением апелляционной инстанции отменено определение суда об исключении из конкурсной массы гражданина-банкрота доли в праве общей собственности на квартиру, поскольку данное жилое помещение, являясь единственно пригодным для должника и членов его семьи, относится к категории роскошного жилья, обременено залогом, имеет стоимость, значительно превышающую стоимость доли должника в иной квартире, расположенной в другом городе, которая может быть использована для приобретения замещающего жилья.

Таким образом, в практике правоприменения имеется ряд проблем, связанных с изъятием у собственника единственного жилого помещения в исполнительном производстве. Главным образом такие проблемы связаны с тем, что граждане на сегодняшний день в основном денежные средства вкладывают в недвижимое имущество, которое зачастую в последующем в процедуре банкротства оказывается «единственным» и «роскошным». В свою очередь, такие ситуации способствуют возникновению конкуренции интересов кредиторов и конституционных положений, закрепляющих право на жилище. В связи с этим в практике правоприменения, особенно в 2021 году, данный вопрос получил особое разъяснение в рамках позиции Конституционного Суда РФ, который фактически создал «новую норму». Как следствие, суды при принятии своих решений начали руководствоваться данным постановлением Конституционного Суда РФ. На сегодняшний день действительно имеется проблема в аспекте исполнительского иммунитета в отношении единственного жилого помещения, которое является «роскошным», поскольку должники достаточно часто злоупотребляют данной нормой, тем самым нарушаются интересы кредиторов. Однако для разрешения данной проблемы необходимо внести соответствующие изменения в действующее законодательство. Иными словами, надлежит предусмотреть возможность обмена «роскошного» жилого помещения на иное, но с учетом ряда условий (оно должно находиться недалеко от месторасположения спорного единственного жилого помещения; соответствовать условиям для постоянного проживания (в аспекте квадратуры и удобств) и т.д.).

В связи с этим предлагается дополнить абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ словами «...а также в случаях, если такое жилое помещение превышает в разы разумно достаточное для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище». При этом к данному положению также должна быть сформулирована конкретизирующая норма (отдельная самостоятельная статья, которой также следует дополнить законодательство о гражданском судопроизводстве), которая будет указывать на критерии «жилого помещения, разумно достаточного для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище», а также на порядок действий при соответствии таким признакам такого жилого помещения. В данном случае во внимание должны быть приняты положения, наработанные

правоприменительной практикой (особое внимание должно быть уделено Постановлению Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П).

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.01.2020 № 308-ЭС19-18381 по делу № А53-31352/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.10.2021 № Ф01-5900/2021 по делу № А43-11198/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.08.2021 № Ф04-6247/2018 по делу № А75-19502/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Коваль К.К. К вопросу о изъятии «роскошного» жилого помещения у гражданина, признанного несостоятельным (банкротом) // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 4 (55). С. 527–535.

7. Слепнев Е.Л. К вопросу об имущественном иммунитете // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 8. С. 96–100.

Об авторе:

САМСОНОВА Анна Михайловна – магистрант 2 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Правовые основы семьи и брака» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: amsamsonova@edu.tversu.ru

ИННОВАЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕНДЕРОВ»: В ЧЬИХ ИНТЕРЕСАХ?

К.О. Улупов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируется предложение Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации о внесении изменений в Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг, отдельными видами юридических лиц», направленных на обеспечении участия адвокатских образований в качестве специального субъекта в тендерах на оказание квалифицированной юридической помощи. Дается оценка допустимости данного предложения с учетом ныне действующего законодательства и объективной действительности. Проводится рассуждение о конституционных юридически значимых интересах.

Ключевые слова: государственный контракт, квалифицированная юридическая помощь, юридически значимый интерес.

Предпосылкой для представленной проблемы послужила информация о заседании Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее – Совета ФПА РФ, ФПА РФ) [6], на котором член Совета ФПА РФ Андрей Яковлев привлек внимание к тому, что адвокаты и адвокатские образования лишены возможности участвовать в конкурсах на заключение договоров об оказании юридической помощи государственным и муниципальным организациям, поскольку не отнесены к субъектам малого и среднего предпринимательства и не включены в перечень социально ориентированных некоммерческих организаций. Для решения проблемы было предложено лоббировать изменения и дополнения в Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) и Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг, отдельными видами юридических лиц». В частности, речь шла о выделении адвокатских образований в качестве специального субъекта юридической помощи наравне с субъектами малого и среднего бизнеса либо социально ориентированными некоммерческими образованиями.

По итогам обсуждения Совет ФПА РФ принял решение образовать рабочую группу для подготовки изменений в указанные законы, обеспечивающих участие адвокатских образований в качестве специального субъекта в тендерах на оказание юридической помощи.

Отметим, что названное предложение было предусмотрено еще Концепцией регулирования рынка профессиональной юридической помощи 2017 года (далее – Концепция), где критически оценивалась невозможность участия адвокатских образований в государственных и муниципальных закупках [5]. Согласно плану Концепции, обеспечение такой возможности предполагалось ввести в 2018 году, но этого не произошло.

Возникает вопрос: как обстоят дела на практике и чьи интересы выражает инновация по оказанию юридических услуг в сфере отношений по обеспечению государственных и муниципальных нужд?

Согласно пунктам 4 и 5 части 2 статьи 1 Закона № 44-ФЗ его положения не применяются к отношениям, связанным, в том числе, с назначением адвоката органом дознания, органом предварительного следствия, судом для участия в качестве защитника в уголовном, гражданском или административном судопроизводстве, а также с привлечением адвоката к оказанию гражданам бесплатной юридической помощи. Таким образом, перечисленные выше услуги не закупаются путем проведения процедур определения исполнителя в соответствии с положениями данного законодательного акта [2].

В свою очередь, Министерством экономического развития РФ в письме от 08.08.2016 № Д28и-2023 «О разъяснениях, связанных с применением Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ» [4] было отмечено, что в соответствии с пунктом 4 статьи 3 Закона № 44-ФЗ участник закупки – любое юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала,

за исключением юридического лица, местом регистрации которого является государство или территория, включенные перечень государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны) в отношении юридических лиц (далее – офшорная компания), или любое физическое лицо, в том числе зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя. Такое разъяснение признает отсутствие ограничений на участие адвокатов или адвокатских образований в процедурах определения исполнителя услуг.

Приведенные выводы подтверждают данные сайта «Ростендеринфо», где отражен обширный перечень профильных госконтрактов [8]. Предметом тендера в основном является оказание юридических услуг по вопросам взыскания задолженности по договорам строительного подряда и банковским гарантиям, представления интересов в делах о банкротстве, включая представительство в арбитражных судах первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, а также адвокатских услуг по представлению интересов заказчика и его работников при проведении следственных действий и судебных разбирательств по уголовным делам.

Так, АО «Новавинд», являющееся дивизионом Госкорпорации «Росатом», отвечающей за реализацию программ в новой энергетике, 08.05.2021 был проведен конкурс на тендер по оказанию адвокатских услуг для представления интересов данного АО и его работников с начальной ценой в 20 миллионов рублей. Победителем стала коллегия адвокатов.

ФГБУ науки Институт проблем нефти и газа Российской академии наук также на конкурсной основе завершил 28.06.2021 тендер на оказание правовой помощи в форме адвокатских услуг с начальной ценой 117 500 рублей. Победителем стал частнопрактикующий адвокат, зарегистрированный как индивидуальный предприниматель.

В целом, данные сайта «Ростендеринфо» свидетельствуют о достаточно активном участии адвокатов и адвокатских образований в тендерах на оказание правовой помощи, реализующих права на свободу экономической деятельности и свободное перемещение услуг, провозглашенные ст. 8 Конституции РФ [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] и о пределённые Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд и Суд) одной из основ конституционного строя [3]. Правомочия, составляющие содержание конституционно гарантируемого права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, реализуя которое граждане могут выбирать сферу этой деятельности и осуществлять ее индивидуально либо совместно с другими лицами, пользуясь конституционными гарантиями права собственности и поддержки государством добросовестной конкуренции, предопределены принципом экономической свободы, исходя из смысла статей 8, 34 и 35 Конституции РФ.

Институт государственных закупок был введен как элемент системы поддержки социальной и экономической стабильности, обеспечения поступательного роста экономики. Государственные закупки реализуются с целью решения задач общенациональной важности и имеют приоритетом удовлетворение общественных потребностей и интересов, на что, собственно говоря, и направлена деятельность адвокатов и адвокатских образований в аспекте права на защиту прав, свобод и интересов доверителей, а также обеспечения доступа к правосудию.

Практика Конституционного Суда связана с конституционализацией ряда положений Закона № 44-ФЗ. В частности, в Постановлении от 09.04.2020 № 16-П содержится оценка конституционности пункта 2 части 3 статьи 104 данного Закона по жалобе физического лица, который не являлся участником акционерного общества (акционером АО) к моменту заключения и исполнения этим АО контракта в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, но был, тем не менее, включен в реестр недобросовестных поставщиков. Один из главных выводов, к которому пришел Суд, заключается в том, что реестр недобросовестных поставщиков, будучи информационным ресурсом в сфере размещения публичных заказов, т.е. источником общедоступной информации, позволяющим сформировать мнение о конкретной компании, оценить ее

деловую репутацию, несет в себе как регулятивные, так и предупредительные функции, осуществляемые уполномоченным органом посредством признания того или иного участника или заказчика не выполнившим надлежащим образом свои обязательства. Вследствие этого лица, информация о которых внесена в реестр недобросовестных поставщиков, не смогут участвовать в этих закупках. Любое лицо также может ознакомиться с информацией, содержащейся в названном реестре, в целях оценки своих потенциальных деловых партнеров.

Таким образом, условия включения информации об учредителе юридического лица в реестр недобросовестных поставщиков обуславливают необходимость обеспечения ее объективной достоверности. На наш взгляд, в целях обеспечения надежности и добросовестности сторон договорных обязательств как условия стабильности гражданского оборота факт предварительного ознакомления заказчика услуг с информацией об исполнителе заказа на предмет возможного включения последнего в реестр недобросовестных поставщиков, является проявлением надлежащей заботливости и осмотрительности при заключении контракта. При осуществлении государственных и муниципальных закупок данные условия приобретают особое значение в силу необходимости удовлетворения конституционных публичных интересов. Престиж и публичное реноме адвокатской профессии, в свою очередь, преимущественно коррелируют бытующим представлениям о сути таких интересов.

Возвращаясь, с учетом сказанного, к доводам ФПА РФ, полагаем, они входят в противоречие не только с разъяснениями Минэкономразвития, но и с объективной действительностью. Так, если изучить данные официального сайта Единой информационной системы в сфере закупок [7], можно увидеть, что некоммерческие организации, осуществляющие деятельность по оказанию юридических услуг, отсутствуют в реестре недобросовестных поставщиков (чего не скажешь о субъектах собственно коммерческих форм деятельности). Косвенным образом это говорит в пользу того, что адвокатские образования, как НКО, могут потенциально быть внесенными в данный реестр. Кроме того, предложение Совета ФПА РФ не вполне согласуется с положениями упомянутой Концепции, где речь идет об обеспечении условий для создания коммерческих корпоративных форм ведения адвокатской деятельности в целом, а не сугубо в рамках права на участие в тендерах.

Конституционное правопонимание исключает представление о том, что в ситуации, когда деятельность адвокатов легально трансформируется в рамках института государственного контракта в факультативно-коммерческую форму, от этого качественно изменятся (коммерциализируются) и их профессиональные интересы. Поскольку не изменится конституционная сущность отношений по оказанию квалифицированной юридической помощи: заказчик будет продолжать выступать в роли доверителя, а исполнитель (адвокат или адвокатское образование) – в роли его представителя и конституционно уполномоченного гаранта реализации конституционного права на доступное правосудие.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.04.2020 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 3 статьи 104 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в связи с жалобой гражданина В.В. Сонина» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Письмо Министерства экономического развития РФ от 08.08.2016 № Д28и-2023 «О разъяснениях, связанных с применением Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ» // СПС «Гарант».

5. Проект Распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи» (по состоянию на 24.10.2017) (подготовлен Минюстом России) // Министерство юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minjust.ru/deyatelnost-v-sfere-advokatury/konceptsiya-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoy>, свободный (дата обращения: 02.10.2021).

6. Новые решения Совета ФПА РФ 15 июля в режиме видео-конференц-связи состоялось очередное заседание Совета ФПА РФ с участием вице-президентов ряда региональных адвокатских палат // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fparf.ru/news/fpa/novye-resheniya-soveta-fpa-rf/>, свободный (дата обращения 12.10.2021).

7. Сведения из реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и реестра недобросовестных подрядных организаций // Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zakupki.gov.ru/epz/dishonestsupplier/search/results.html>, свободный (дата обращения: 02.10.2021).

8. Юридические услуги // Сайт ООО «Тендеры и закупки» «РостендерИнфо» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rostender.info/tendery-yuridicheskie-uslugi>, свободный (дата обращения: 02.10.2021).

Об авторе:

УЛУПОВ Константин Олегович – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: koulupov@edu.tversu.ru

ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ИНТЕРЕСЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЛЬЁ

П.А. Феоктистов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье определяется значение понятия «юридически значимые интересы» применительно к конституционному праву на жильё, анализируются положения Конституции РФ, посвящённые праву на жильё, которому корреспондируют юридически значимые интересы.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; субъективное право; законный интерес; юридически значимый интерес; конституционное право на жильё.

Субъективные права и законные интересы выступают определенным способом правового обеспечения интересов участников правоотношений, лежащим в сфере дозволенного и атрибутивным правомерному поведению субъектов регулируемых правом отношений. Основное же различие субъективных прав и законных интересов заключается в том, что они представляют собой различные правовые дозволенности. «Первые представляют из себя сложную дозволенность, возведенную законодателем в ранг правовой возможности. Субъективное право есть дозволенность высшей категории и, по сути дела, ценится уже не столько своей дозволенностью, сколько возможностью, причем обязательно юридической. Благодаря этому субъективные права как юридические возможности обеспечиваются конкретной юридической необходимостью (обязанностью) других лиц. Если же правовая дозволенность не имеет либо не нуждается в юридически необходимом поведении других лиц как определенном правовом средстве своего обеспечения, то данная дозволенность является простой и не возводится законодателем в особую правовую возможность [3, с. 70–71].»

Н.И. Матузов отмечает, что «законные интересы — это своего рода предправа, они могут трансформироваться в права, когда для этого созревают необходимые условия [4, с. 113]»

Обращаясь к позициям Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), следует выделить Определение Конституционного Суда РФ от 15.04.2008 № 256-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Петрушкиной Надежды Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 166 и пунктом 2 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором Конституционный Суд РФ указывает, что юридически значимый (законный) интерес проявляется тогда, когда у субъекта соответствующих правоотношений возникает такая форма заинтересованности, при которой объектом такого интереса затрагиваются права данного субъекта, в частности конституционное право на жильё.

Как известно, юридически значимые интересы в контексте обеспечения конституционного права на жильё не имеют формального закрепления в позитивистском понимании. Тем не менее, следуя заданной логике, следует отметить, что, поскольку такие интересы «предшествуют» обеспечению права на жилище, представляется допустимым и правильным сформировать ряд заключений. В первую очередь обеспечение конституционного права на жильё невозможно без соответствующего субъективного состава, а именно, государства непосредственно, а также в лице его специально уполномоченных органов и должностных лиц, и «получателей» такого обеспечения – то есть людей, как граждан России, так и граждан иностранных государств, лиц без гражданства, поскольку нормы ст. 40 Конституции РФ указывают, что «каждый» имеет право на жильё и «никто» не может быть лишён такого права произвольно. Следовательно, первая группа юридически значимых интересов – это интересы государства в лице специальных субъектов по обеспечению конституционно гарантированного права на жильё, когда вторая группа – это юридически значимые интересы людей, в широком правовом смысле, по получению и истребованию у государства такого обеспечения.

Однако выделенные группы не составляют полную сущность юридически значимых интересов в рассматриваемом контексте, поскольку составляющие права на жильё, установленного ст. 40 Конституции РФ, образуют четыре группы юридически значимых интересов. О праве на жилище, которому корреспондируют интерес государства в обеспечении такого права и интерес людей в получении обеспечения, было сказано ранее. Далее следует группа интересов следующего характера: интересы вновь государства в лице специально уполномоченных субъектов в недопущении произвольного лишения права «каждого» на жилище корреспондирующие первым интересам, опять же, людей в том, чтобы не быть произвольно лишёнными такого права.

Положения ч. 2 ст. 40 Основного закона России гласят, что «органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище» [1].

Следуя сформированной логической цепочке, очередная группа юридически значимых интересов в заданном контексте содержит в себе интерес как органов государственной власти, так и органов местного самоуправления в поощрении жилищного строительства, интерес этих же субъектов в создании условий для осуществления права на жилище. Вторая группа – это интересы людей, имеющих конституционное право на жилище в том, чтобы указанные выше субъекты поощряли жилищное строительство, создавали условия для осуществления права на жилище.

Обращаясь к ч. 3 ст. 40 Конституции РФ, в рамках которой установлено, что «малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами [4, с. 113]», следует выделить такие группы юридически значимых интересов, как, во-первых, интерес малоимущих, иных указанных в законе граждан, нуждающихся в жилище, в предоставлении жилища бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами и, во-вторых, интерес государства, органов местного самоуправления в лице соответствующих указанных фондов в предоставлении такого жилья указанным категориям субъектов, имеющих право на жильё.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 01.02.2021 № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации и части третьей статьи 17 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Г.» указал, что, «признавая право каждого на жилище, статья 40 Конституции РФ возлагает на органы государственной власти и местного самоуправления создание условий для осуществления этого права и предусматривает возможность предоставления жилища малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в нем, бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами [2].», что, в свою очередь, проистекает неким логическим, юридико-техническим каскадом из декларации первого предложения ч. 1 ст. 40 Конституции РФ [1], развивая идею необходимости реализации конституционного права на жилище в отечественной социально – правовой действительности, не оставляя указанное право только лишь «на бумаге», но воплощая его в рамках актуальной российской «правовой жизни».

В заключение следует вернуться к определению понятия юридически значимого интереса, данного Н.И. Матузовым [3, с. 70–71] и сделать вывод о том, что в действительности юридически значимые интересы в контексте обеспечения права на жильё выступают так называемыми «предправами», которые в наиболее широком смысле раскрывают сущность и правовую природу объекта юридически значимого интереса – конституционного права на жильё. Указанное право, исходя из выводов проведённого исследования, является «составным», поскольку содержит в своём конституционном правопонимании одновременно несколько относительно самостоятельных правовых возможностей, которые позитивно разделены в тексте Конституции РФ. В этой связи, поскольку юридически значимые интересы выступают неким «фундаментом,

предшествующим надстройке в виде объективно выраженных конституционных прав», то первые демонстрируют неким особым юридико-техническим образом всё ту же «многовекторность» и составной характер юридически значимых интересов по отношению к каждой отдельной правовой возможности, имеющей своё позитивное закрепление в частях 1–3 ст. 40 Конституции РФ [1].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2021 № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации и части третьей статьи 17 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Г.» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Малько А.В. Законные интересы советских граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. 207 с.

4. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Издательство Саратовского университета. 1987. 294 с.

Об авторе:

ФЕОКТИСТОВ Павел Алексеевич – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: feoctistov.pavel.alx@gmail.com

К ВОПРОСУ О РИСКАХ ДИСКРИМИНАЦИИ ЗАСТРОЙЩИКОВ МКД В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНОГО МОРАТОРИЯ НА БАНКРОТСТВО

П.А. Феоктистов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье даётся конституционно-правовая оценка введённого Постановлением Правительства РФ моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами, в части исключения из сферы действия льготного режима такой специфической категории субъектов хозяйственной деятельности, как застройщики многоквартирных домов.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционное право на жилище, мораторий, социально-экономические ценности.

Конституционное правопонимание [3; с. 21–46] предполагает комплексный и многосторонний подход к определению сущности юридических явлений и предметов, поскольку изначальная принадлежность таковых к конституционно-правовой материи всегда раскрывает их связи с основными правами, свободами и обязанностями человека и гражданина и законными интересами независимо от сфер регулирования. В фокусе настоящего исследования законодательное нововведение, направленность которого первично может показаться одномерной, однако такое суждение ошибочно. Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1] в рамках положений ст. 40 провозглашает право каждого на жилище в триедином формате. Первично это – само конституционное право и невозможность его умаления; во вторую очередь Конституция РФ указывает на необходимость обеспечения такого права со стороны органов публичной власти, в том числе (третий аспект) особым группам граждан, для которых правопользование затруднено по объективным причинам.

Несмотря на выраженный конституционно-социальный вектор основ российского жилищного законодательства, конституционное право на жилище не является абсолютным по своей природе, что позволяет органам публичной власти в Российской Федерации принимать профильные решения неоднозначного характера, вызывающие споры как среди правоприменителей, так и в юридической литературе.

Правительство Российской Федерации (далее – Правительство РФ) в рамках Постановления от 28.03.2022 № 497 (далее – Постановление) [2] ввело мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами, в отношении юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, однако за исключением должников, являющихся застройщиками многоквартирных домов (далее – застройщики МКД) и иных объектов недвижимости, которые уже внесены в единый реестр проблемных объектов. Указанный мораторий будет действовать в течение шести месяцев со дня принятия Постановления.

В Правительстве РФ рассчитывают на то, что мораторий, который продлится до 1 октября 2022 года, позволит поддержать компании и граждан, которые из-за последствий недружественных действий в отношении России оказались в сложной финансовой ситуации и на текущий момент не имеют возможности выполнять свои обязательства, когда, в свою очередь, введённый мораторий предоставит должникам возможность справиться с текущими трудностями, наладить свои дела, не закрывая бизнес, не увольняя сотрудников.

Переходя к анализу текста Постановления, основное внимание следует уделить положению его пункта второго, согласно которому введение моратория на возбуждение дел о банкротстве не распространяются на такую специфическую социально-экономическую категорию, как застройщики МКД. В связи с этим возникает закономерный вопрос о причине такого исключения, поскольку мораторий, как это комментируют представители самого Правительства РФ, имеет выраженную социально-экономическую, льготную направленность, является неким «бюрократическим послаблением» в отношении тех

субъектов экономической жизни России, которые в силу определённых обстоятельств не имеют возможности исполнять долговые финансово-денежные обязательства.

Фактическое исключение из вновь установленного «льготного финансово-экономического периода» конкретной категории субъектов предпринимательской деятельности, на первый взгляд, представляется правильным охарактеризовать как дискриминацию, поскольку на уровне конституционной аргументации оно не обосновано ни в тексте Постановления, ни в рамках аутентичных комментариев. Однако с позиций конституционного правопонимания можно прийти и к принципиально иным выводам по существу обозначенной проблемы.

В частности, важно учитывать то, что согласно положению ч. 2 ст. 40 Конституции РФ «органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище» [1]. Соответственно, возвращаясь к обозначенному пункту Постановления, можно предположить, что предусмотренное исключение из моратория на возбуждение дел о банкротстве застройщиков МКД фактически выражает социально-ориентированную функцию по созданию условий для осуществления права на жильё со стороны органов публичной власти (включая Правительство РФ). Следовательно, при соответствующем понимании специфики ориентирующе-стимулирующего воздействия правительственного акта дискриминация фактически отсутствует ввиду актуализации конституционно-ориентированной цели, которая наиболее важна в период текущей «социально-экономической турбулентности», а именно – обеспечения конституционного права каждого на жилище.

Подводя итоги сказанному, представляется важным указать также на то, что меры, принимаемые органами публичной власти Российской Федерации в период экстраординарной внутриэкономической и внешнеполитической ситуации, по своей сути не могут быть «односторонними». Любые соответствующие новации: льготы, послабления, или же наоборот – ужесточения должны быть согласованы, сбалансированы и фактически направлены на минимизацию ущерба в социально-политическом, а в особенности – в экономическом эквиваленте. Рамки и перспективы «мобилизационной» экономики задают определённый «тон» таким властным решениям, в ходе реализации и общественной оценки которых нельзя избежать противоречий и споров. Для юридической науки важно обеспечивать доктринально-конституционную проработку этих новаций, содействуя их адекватному объективному пониманию и восприятию, а также оказывая поддержку государственным органам, перед которыми сегодня стоят крайне непростые и не решавшиеся ранее задачи.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Правительства РФ от 28.03.2022 № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. 752 с.

Об авторе:

ФЕОКТИСТОВ Павел Алексеевич – магистрант 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерская программа «Теория и практика конституционного правопользования» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: feoctistov.pavel.alx@gmail.com